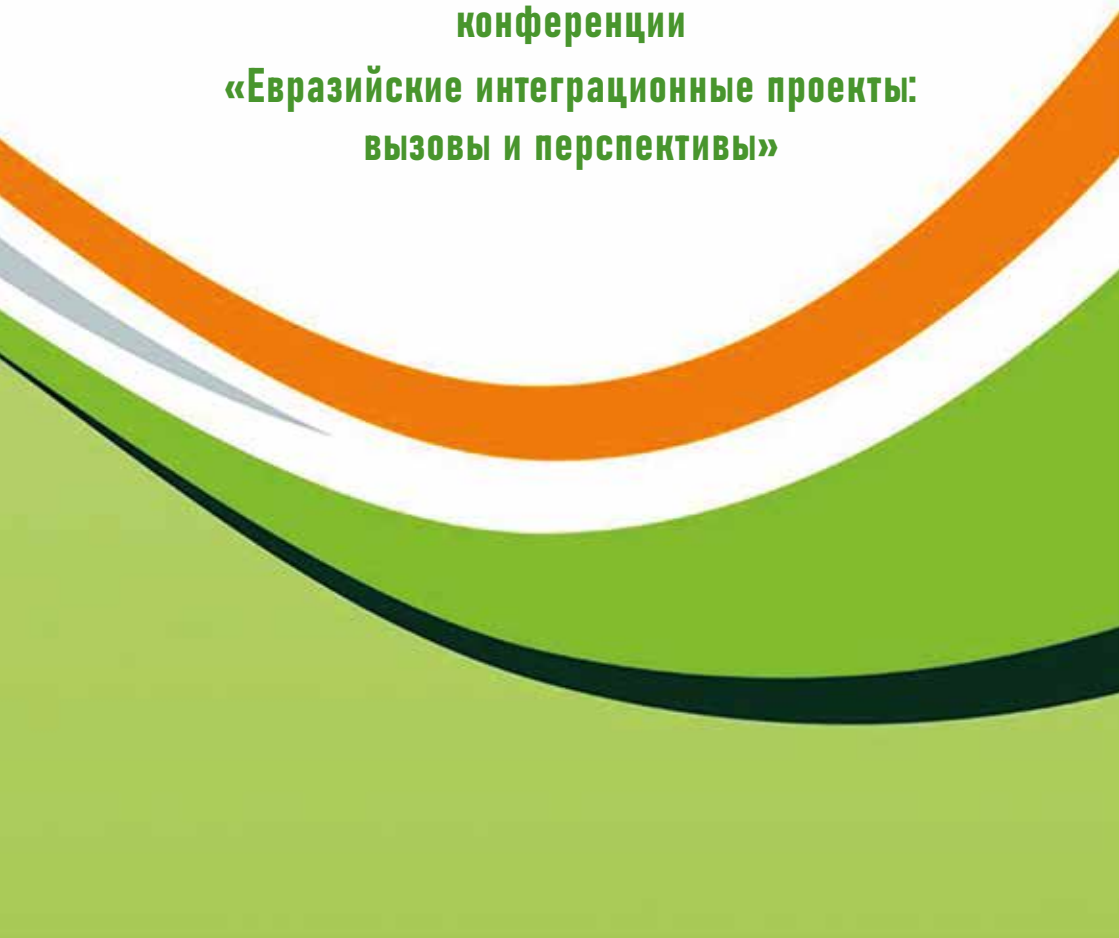

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

**Материалы
международной научно-практической
конференции
«Евразийские интеграционные проекты:
вызовы и перспективы»**

Институт стран СНГ
(Институт диаспоры и интеграции)

Актуальные проблемы евразийской интеграции

Материалы
международной научно-практической конференции
«Евразийские интеграционные проекты:
вызовы и перспективы»
(Москва, 15 октября 2021 г.)

**Москва
2022**

УДК 339.9

ББК 66.2

Актуальные проблемы евразийской интеграции. Материалы международной научно-практической конференции «Евразийские интеграционные проекты: вызовы и перспективы» (Москва, 15 октября 2021 г.). Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). – М., 2022. – 264 стр.

В книге представлены материалы международной научно-практической конференции «Евразийские интеграционные проекты: вызовы и перспективы» (15 октября 2021 г., Москва), которая прошла в Московском государственном институте (университете) международных отношений (МГИМО (У) МИД России в рамках XIII Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ). При финансовой поддержке Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова.

В условиях очередной волны пандемии новой коронавирусной инфекции частично была проведена в программе ZOOM. В качестве ее организаторов выступили Институт стран СНГ, МГИМО (У) МИД России, Институт международных транспортных коммуникаций Российского университета транспорта (МИИТ) и Российский университет дружбы народов. Она была посвящена обсуждению проблем военно-политической и экономической интеграции в Евразии. В мероприятии приняли участие авторитетные эксперты из девяти стран.

Книга предназначена как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-94293-086-8

© Институт диаспоры
и интеграции (Институт
стран СНГ), 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово.....	5
В.Г. Егоров	5
Приветствия участников конференции «Евразийские интеграционные проекты: вызовы и перспективы».....	7
Ф.В. Черницын	7
В.Г. Карслиева	13
И.А. Сафранчук	14
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ. Открытие конференции	16
С.Г. Лузянин . ЕАЭС – Пояс и путь: евразийские интеграционные измерения. Возможности, препятствия и перспективы.....	17
И.В. Андропова . Экономическая безопасность стран ЕАЭС.....	22
А. Саджджанхар . Проекты евразийской интеграции: вызовы и возможности.....	28
В.Л. Жарихин . О новых интеграционных инициативах России и Белоруссии.....	34
Б.К. Султанов . Казахстан в ЕАЭС: сторонники и противники интеграции.....	38
А. Бикдели . Перспективы положения Центральной Азии во внешней политике Исламской Республики Иран.....	47
Н.М. Ахметова . ЕАЭС и экономический прагматизм: поиск компромиссов.....	52
Секция 1. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	57
В.И. Сажин . Проблемы безопасности на Южном Кавказе (на примере ирано-азербайджанских отношений).....	59
Б.М. Волхонский . О перспективах взаимодействия России и Индии в процессах евразийской интеграции.....	67
И.Е. Федорова . Иран и страны Южной Азии: возможности и перспективы сотрудничества.....	71
Э.Э. Полетаев . Афганский вызов для Казахстана: меры безопасности, сопряжение усилий и гуманитарная дипломатия.....	75
С.А. Притчин . Перспективы российско-азербайджанского сотрудничества.....	83
В.И. Белов . Стратегические вызовы безопасности Ирана на Ближнем и Среднем Востоке.....	88
А.Г. Гаджиев . Тюркский совет во внешней политике Турции.....	93
Н.Ф. Кислицына . Меры нормативно-правового характера в борьбе с пандемией COVID-19 в рамках ЕАЭС.....	101
О.М. Нессар . Состояние и перспективы изменения ситуации в Афганистане при талибах.....	106
К. Хас . Евразийское направление внешней политики Турции: приоритеты, риски и перспективы.....	113
А.Г. Арешев . «Тюркский мир» Реджепа Эрдогана в Стамбуле пытается «расширить горизонты».....	121
Г.Л. Аюпов . Интеллектуальный капитал в информационном социуме – базис евразийской интеграции.....	128

В.В. Евсеев. Сравнение военных потенциалов России и США.....	130
Б.А. Шаповалов. Туманные перспективы российско-молдавских отношений в условиях политического дрейфа Республики Молдова в Европейский союз и НАТО.....	134
У.Б. Жамбаева. Стратегия экономического развития «Пояс и путь» в рамках взаимодействия стран АТР.....	140
В.А. Надеин-Раевский. Интеграционные проекты и перспективы военно-политической разрядки на Кавказе.....	143
М.О. Дмитриева. Россия и Центральная Азия: сотрудничество в эпоху перемен.....	147
К.А. Фролов. Когнитивные основы евразийской интеграции.....	159
А.Г. Арешев. «...Наш мехтеран будет играть громко»: от Кавказа до Сибири – в поисках «борцов за свободу».....	161
Секция 2. ЕАЭС: АКТУАЛЬНЫЕ ТRENДЫ РАЗВИТИЯ.....	167
К.К. Рахимов. Разноскоростная интеграция в разных интеграционных объединениях. Сценарии развития евразийской интеграции в условиях выхода на плато.....	169
Т.Н. Манасерян. О повышении конкурентоспособности наших национальных хозяйств и ЕАЭС в целом путем обеспечения экономической безопасности.....	174
В.Я. Пищик. Перспективы национальных валют и коллективных денежных единиц в проведении взаиморасчетов между странами ЕАЭС.....	180
Н.Б. Кондратьева. Цифровая повестка дня ЕАЭС: от понимания феномена к действиям.....	184
П.В. Алексеев. Тенденции и перспективы обеспечения кибербезопасности в ЕАЭС.....	188
А.А. Тавадян. Пути реализации роста товарооборота между государствами – членами ЕАЭС.....	191
Е.В. Дунаева. Интересы России и Ирана в рамках ЕАЭС.....	195
М.А. Олимов. Таджикистан и интеграционные процессы в Евразии: проблемы и перспективы.....	201
З.А. Дадабаева. 30 лет суверенитета Республики Таджикистан: достижения, риски, потенциал экономического сотрудничества.....	205
Секция 3. ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН СНГ: ГЕОПОЛИТИКА, НОВЫЕ РЫНКИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ.....	209
В. Давтян. Угрозы и вызовы энергетической безопасности Армении в условиях геополитических трансформаций на Южном Кавказе.....	211
Г.Н. Нигматуллаева. Концептуальное развитие электрической энергии Республики Узбекистан: проблемы и перспективы.....	217
С.П. Митрахович. Российско-европейские отношения в контексте «Северного потока – 2».....	220
М.С. Сапронова. Новая роль постконфликтной Сирии в региональных отношениях и сфере энергетики.....	229
А. Сторожев. Оценка рисков и возможностей, возникающих при создании общего рынка нефти и нефтепродуктов в странах ЕАЭС.....	235
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	238
Приложение 1.....	239
Приложение 2.....	254

Вступительное слово

В.Г. Егоров,

первый заместитель директора Института стран СНГ,
заведующий кафедрой международных отношений
и геополитики транспорта Российского университета транспорта,
доктор исторических и доктор экономических наук, профессор
(Россия)

Уважаемые коллеги! Выражаю полное удовлетворение тем, что мы проводим нашу конференцию в основном в очном режиме. И нам этому не помешали ни пандемия новой коронавирусной инфекции, ни другие препятствия, включая национальные границы.

Эта конференция – уже третья по схожей тематике, проведенная за последние годы. Финансирует нашу конференцию Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова. Мы проводим эту конференцию в широком тандеме образовательных научных учреждений в рамках XIII Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ). В этом году к этому тандему присоединился и МГИМО (У) МИД России в качестве со-организатора. В этой же роли выступают: Институт международных транспортных коммуникаций Российского университета транспорта (МИИТ), Российский университет дружбы народов (РУДН) и, конечно же, Институт стран СНГ, которому в 2021 году исполнилось 25 лет.

В начале нашей конференции мне хотелось бы передать слова приветствия от руководителя нашего института, депутата Государственной Думы VIII созыва Константина Федоровича Затулина, который не смог

присутствовать лично ввиду проведения в этот же день VII Всемирного конгресса российских соотечественников, проживающих за рубежом. Там же находится и министр иностранных дел России Сергей Викторович Лавров. Он тоже приветствует участников нашей конференции.

Это говорит о том, что с каждым годом наше международное мероприятие набирает свои обороты. Мы видим в числе присутствующих и тех, кто ранее выступал на схожей конференции, и вновь присоединившихся коллег. Это очень замечательно, потому что можем обсуждать проблемы в настолько протяженной по территории Евразии. Это пространство может, как разъединять, так и объединять наши народы, в зависимости от того, каким образом его конструировать. Мы, здесь собравшиеся, хотим говорить о том, что Евразия может объединяться, каким образом найти те механизмы и инструменты, которые бы сближали проживающие на континенте народы.

Приветствия участников конференции «Евразийские интеграционные проекты: вызовы и перспективы»

Ф.В. Черницын,

заместитель руководителя Секретариата заместителя Председателя
Правительства Российской Федерации А.Л. Оверчука
(Россия)

Тема, которая на конференции обсуждается, находится в фокусе внимания не только Правительства РФ, но и законодательной нашей власти, и Президента Российской Федерации. Потому что на самом деле евразийский проект, евразийская экономическая интеграция рассматривается нами как ведущий, головной геостратегический проект РФ, ориентированный на несколько десятилетий. Это не некое сиюминутное явление, которое быстро началось и быстро закончится.

Мы отдаем себе отчет в том, что на самом деле евразийская интеграция – это древнейший процесс. Мы сейчас говорим о том, что родоначальником евразийского интеграционного проекта был бывший президентом Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев, который в 1994 году выступил с лекцией в Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Но если смотреть глубже на историю этого вопроса, то все уходит корнями глубоко-глубоко в нашу общую древность, когда существовали такие государства, как Великая Скифия, Сарматия, Тартария и Великая степь, и Дикое поле; между собой они торговали еще

тысячу лет назад. И торговля была в основе межгосударственных и межэтнических отношений на евразийском континенте. И только тогда, когда купцы не могли договориться, в дело периодически вступали воины. Но в любом случае все всегда здесь крутилось вокруг экономики, потому что одни народы были земледельцы, другие – скотоводы, одни – кочевники, другие – оседлые. Взаимно дополняющий обмен товарами и культурами всегда был в основе межцивилизационного диалога на этом континенте.

Потом существовало Русское государство, Российская империя, Советский Союз, объединявший также несколько конфессий и несколько этносов в одно государственное объединение. Сейчас мы живем в Российской Федерации, которая сама по себе является мультиэтничным и мультиконфессиональным государством, и успешно строим Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в ядре которого стоит идея экономической интеграции. Мы не примешиваем туда никакого политического измерения. Вместе с тем отдаем себе отчет в том, что Евразийское интеграционное объединение по-прежнему, как и тысячу лет назад, на основе вопросов торговли связывает и объединяет народы различных этнических групп и конфессий; мы по-прежнему обсуждаем вопросы строительства транспортных путей. Теперь это называется транспортно-логистические коридоры. Когда-то это называлось: путь «из варяг в греки», Великий Шелковый путь, и так далее. Но, так или иначе, те вопросы, которые были тысячу лет назад, они есть и сейчас. И мы воспринимаем нашу работу как обслуживание древнейшего исторического процесса, участниками которого являемся мы в персональном качестве и наши народы, связанные вместе.

Многие знакомы с теорией Гумилева о волнах пассионарности, о пассионарных народах. Очевидно, что народы, различные этносы и конфессии менялись. И когда-то во главе были тюрки, потом славяне, фин-

но-угры. Вообще, все начиналось с финно-угров здесь, на Московской нашей равнине. Но, так или иначе, все народы наших этнических групп испокон веков торговали и продолжают это делать. Поэтому сегодняшний евразийский интеграционный проект – это не что иное, как абсолютно естественное продолжение развития коммуникационных, культурно-гуманитарных, и экономических связей, прежде всего, между народами и государствами евразийского континента.

На самом деле если говорить уже о современном этапе, то нам многое удастся сделать. Прежде всего, мне хотелось бы упомянуть наши отношения с братской Республикой Беларусь. Впервые за 22 года нам удалось перейти от слов к делам – утвердить 28 так называемых «дорожных карт интеграции» и двигаться в сторону конкретных шагов по дальнейшему интеграционному объединению наших двух стран в рамках Союзного государства. Мы очень активно работаем с партнерами из Казахстана и другими государствами-членами ЕАЭС. Работает Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), где на принципах равной представленности работают руководящие лица от всех пяти стран: Армении, Белоруссии, России, Казахстана и Киргизии. Это абсолютно бесценный опыт, потому что на такой основе мы еще никогда не собирали межгосударственный проект. И то, что сейчас происходит и делается в стенах ЕЭК – это на самом деле бесценно для управленческого опыта и всех элит наших пяти стран.

Мы очень активно сейчас работаем в Центральной Азии. Мы видим огромный интерес, который проявляет дружественный нам Узбекистан. Очень успешно двигаемся с узбекскими партнерами в сторону более тесного развития торгово-экономических связей между Российской Федерацией и Республикой Узбекистаном, естественно, в контексте Евразийского интеграционного проекта. Мы ежедневно занимаемся работой по упрочению ЕАЭС. Это на самом деле такая

скрупулезная работа. Коллеги из ЕЭК каждый вторник собираются там. По 20–30 вопросов они обсуждают по несколько часов.

Почти раз в месяц у нас собирается Совет Евразийской комиссии, где участвуют заместители Председателей Правительств пяти стран. В полной мере занимаюсь подготовкой к этим мероприятиям. Каждый месяц в повестке у нас не менее 40–50 вопросов, которые решают вице-премьеры. И так же, как 1 тыс. или 500 лет назад, идут ожесточенные споры за размер пошлины, возможность беспошлинно ввозить товар, наши отношения с третьими странами.

Наша работа не ограничивается исключительно пространством СНГ. Мы работаем и с партнерами из Китая в рамках сопряжения деятельности ЕАЭС с китайской инициативой «Пояс и путь» (раньше она называлась «Один пояс, один путь», а до этого – «Великий Шелковый путь»). И у нас есть соответствующий проект сопряжения. И также очень успешно мы с этим работаем.

Вместе с тем, мы очень активно на треке с Индией, с партнерами из которой обсуждаем возможности углубления кооперации: от заключения соглашения о зоне свободной торговли (ЗСТ), что, может быть, на данный момент преждевременно, до подписания с Индией неpreferенциального торгово-экономического соглашения.

У нас очень хорошие контакты начинают развиваться с Монголией. В самое ближайшее время у нас состоится обмен визитами: правительственная делегация России посетит Улан-Батор, ждем также монгольских друзей в гости к нам. Монголия проявляет очень серьезный интерес к сближению с Евразийским экономическим союзом и в первую очередь, естественно, к развитию торговых отношений с Российской Федерацией.

После известных подвижек на Закавказском направлении также пошло оживление. При ключевой роли Москвы удалось в общем-то завершить Кара-

бахский конфликт. И в настоящее время создана трехсторонняя рабочая группа под председательством заместителей глав Правительств: Армении, Азербайджана и Российской Федерации. На регулярной основе встречаются вице-премьеры. Основная цель этой группы – это разблокирование всех транспортных коммуникаций в регионе Южного Кавказа. Уже прошло несколько заседаний этой группы. Мы на регулярной основе докладываем нашим президентам о том, что делается. Понятно, что процесс этот непростой, потому что глубока та степень недоверия, которая была между двумя сторонами. Но вместе с тем также скрупулезно, шаг за шагом мы работаем с обеими сторонами. И я надеюсь, что развязка уже близка. Под развязкой мы понимаем то, что граждане этих государств будут иметь нескольких путей коммуникации, доставки товаров, взаимного импорта-экспорта и с третьими странами, в том числе и в Россию, и в зарубежные государства.

Конечно, мы не обходим вниманием и наших партнеров из Ирана и Турции. С Ираном уже подписано временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли. Продолжаем работать на этом направлении. Думаем сейчас и в правительстве. Будем признательны за подпитку с вашей стороны: какие есть идеи и предложения, как нам продвинуть отношения с иранской стороной.

Очень сильно думаем на турецком треке, что мы можем сделать. Потому что понятно, что игнорировать такого крупного партнера как Турецкая Республика просто нельзя. Очевидно, нам необходимо выстраивать какие-то каналы коммуникации. Мы видим сейчас позитивные сдвиги с армянской стороны, что Ереван выражает готовность на нормализацию диалога с этой страной. Потому что на самом деле, еще раз хочу сказать, как и тысячу лет назад, всем очевидно, что торговля является ядром развития не только межгосударственных связей, но и самой экономики как та-

ковой, народного хозяйства каждой страны. Успешное развитие торговых связей – это залог процветания в завтрашнем дне.

Ну вот, собственно, вся та работа, о которой я сейчас коротко рассказал, – она и образует то, что мы называем Большой Евразией. Да, действительно, от Китая до Ирана, от Монголии до Москвы – со всеми государствами мы сейчас стремимся либо активно развивать, либо вообще делать апдейт того, что мы называем: обновление повестки, создавать новую позитивную повестку в отношениях.

Мой руководитель Алексей Логвинович Оверчук, заместитель Председателя Правительства Российской Федерации, вернулся из командировки в Туркменистан. У нас прошли очень успешные переговоры в Ашхабаде. И я хочу отметить особо этот факт, что даже та страна, которая на протяжении последних десятилетий себя позиционировала как исключительно нейтральное государство, которое не участвует ни в каких объединениях, за последний год выражает настрой на интенсификацию отношений. Была правительственная делегация Туркменистана, участвовала в заседаниях межправительственного совета Евразийского экономического союза. Очень активно работают в рамках СНГ. И мы сейчас будем думать, точно так же, как и с другими партнерами, что мы можем друг другу предложить в части развития вот этого большого Евразийского проекта.

Как говорил наш уважаемый президент Владимир Владимирович Путин: «У Каспия есть два берега», поэтому для нас очевидно, что транспортные коридоры, связывающие нашу страну с Персидским заливом, выходом на Индию и другие государства, они могут проходить по обоим берегам. С одной стороны – через Азербайджанскую Республику, с другой стороны – через Туркменистан. Вот все эти проекты у нас сейчас что называется на столе.

Мы активно их изучаем, исследуем в тесном контакте с бизнес-сообществом, потому что в конечном итоге там адресат этой работы – это, конечно, наши компании, наши деловые круги. И здесь ваша помощь, ваша поддержка, ваши консультации для нас абсолютно бесценны. Я абсолютно серьезно это говорю. Мы очень признательны. Лично стараюсь поддерживать диалог с экспертным сообществом. Все это докладывается на регулярной основе заместителю Председателя и Председателю Правительства, докладывается президенту. Мы внимательно читаем все эти сборники. Вот даже если кажется, что мы иногда где-то в стороне, на самом деле это только потому, что вот этот график постоянных контактов и переговоров не всегда позволяет нам в очном режиме участвовать в каких-то мероприятиях.

Еще раз огромное спасибо организаторам этой конференции за возможность быть здесь, сверять часы по этим вопросам. Всем желаю плодотворной работы. И буду очень признателен от имени заместителя Председателя Правительства за направление в наш адрес всех результатов этой конференции, ваших идей и предложений по поводу активизации развития наших отношений со всеми странами, о которых я только что упомянул.

В.Г. Карслиева,

заместитель исполнительного директора
Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова
(Россия)

Уважаемые коллеги! Рада вас всех поприветствовать. Очень приятно видеть здесь много знакомых лиц, с которыми мы достаточно долго уже работаем. И мы Институт стран СНГ также поддерживаем не в первый раз. Полагаю, что это партнерство будет продолжаться

и развиваться с новой силой. Что касается нынешней конференции, то нам бы хотелось, чтобы на ее полях удалось не только обсудить проблемы интеграции в Евразии, но и сверить часы по ситуации внутри наших государств. Думаю, что у всех нас больше точек соприкосновения, чем моментов, которые нас разъединяют. И мы сегодня находимся в МГИМО (У) МИД России, где нужно собираться, разговаривать и обсуждать общие тенденции и те проекты, которые могли бы совместно реализовывать наши государства.

От имени руководства Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова в лице Леонида Вадимовича Драчевского приветствую всех участников конференции. Плодотворной вам работы!

И.А. Сафранчук,

директор Центра евроазиатских исследований МГИМО (У)
МИД России

Уважаемые коллеги! Рад вас приветствовать от имени руководства МГИМО (У) МИД России.

Мне бы очень хотелось высказаться по существу, потому что тема евразийской интеграции является актуальной и имеет практическое приложение. Это подтвердил и представитель Правительства Российской Федерации, который сказал, что для них это приоритет, и мы все это чувствуем. Но в этой теме очень много теоретических моментов, связанных с наукой о международных отношениях. Некоторое время казалось, что мы можем с евразийской интеграцией повторить чей-то опыт. Есть же примеры интеграции в других частях мира, и вроде бы это набирающий силу тренд. Но вот все больше и больше оказывается, что это очень своеобразный процесс. И то, что получается, происходит, скорее, не за счет добросовестного копирования

и применения чужих рецептов, а за счет изобретения чего-то своего.

Конечно, не следует изобретать колесо. Но нужно понять, как именно это должно работать для нас. И поэтому здесь очень важна так называемая смычка исследовательской и практической части. И это именно то, что обсуждается на разных сессиях МГИМО, включая мероприятия Конвента Российской ассоциации международных исследований. Конвент РАМИ проводится раз в два года. И особенно удачными как раз получаются те сессии (конференции) в рамках Конвента, где есть вот эта смычка вопросов практических и научно-исследовательских. И евразийская интеграция точно является такой темой.

Большое спасибо, что вы эту тему заявили и сделали это мероприятие столь насыщенным докладами в течении целого дня. Действительно, евразийская интеграция связана и с отношениями между странами, и взаимоотношениями их с внешним миром, и с разными региональными проблемами. И из вашей программы, и по составу участников видно, что в экспертном плане Институт стран СНГ – это очень эффективный менеджер евразийской тематики.

Будем надеяться, что как нам обещали представители Правительства РФ, этот опыт будет заимствоваться, а на практическом уровне эффективность деятельности по евразийской интеграции будет повышаться. Ведь 10 лет назад ожидания продвижения вперед на этом направлении были больше. И не понятно: это естественная скорость и ее не надо искусственно подстегивать, или все-таки что-то не доделано, и есть потенциал для ускорения и углубления евразийской интеграции.

МГИМО желает вам очень эффективной и плодотворной работы!

**ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ.
ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ**

С.Г. Лузянин,
профессор МГИМО (У) МИД России,
профессор Национального исследовательского университета «Высшая
школа экономики» (НИУ ВШЭ),
член Российского совета по международным делам,
президент Фонда поддержки востоковедческих исследований
(Россия)

**ЕАЭС – Пояс и путь:
евразийские интеграционные измерения.
Возможности, препятствия и перспективы**

В начале своего выступления хотелось бы отметить следующее. Во-первых, евразийский интеграционный процесс – это не только и не столько стыковки инфраструктурные, это комплексный, исторически длительный процесс, охватывающий практически все компоненты взаимодействия в Евразии, включая: транспортные, инвестиционные, технологические, энергетические, экономические и даже гуманитарные измерения. И эта вся структура полностью проецируется и на более узкий формат – взаимодействие Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Пояс и путь».

Во-вторых, процессы евразийской интеграции развиваются под влиянием американского фактора, Запада в целом, существующих на этой территории конфликтов, Китая и его противоречий с США. Все это иногда деформирует, тормозит и даже разрушает отдельные треки евразийской интеграции.

В-третьих, объективной основой взаимодействия ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь» является российско-китайский формат стратегического партнерства.

Нужно обратить внимание, что именно в Астане (ныне Нур-Султан, Казахстан) председатель КНР Си Цзиньпин презентовал сухопутную версию китайской инициативы «Пояс и путь». Морская же его версия в 2021 году была представлена в Джакарте (Индонезия). Ныне китайцы изучают так называемый «Ледовый Шелковый путь». Такой подход не является случайным. С 2013 года по 2015 год китайцы рассматривали Россию как участника инициативы «Пояс и путь», в которой сейчас задействовано более ста государств, из них 23 в зоне финансового риска (Монголия, Хорватия, Греция, Лаос и другие). Проблема заключается в том, что РФ в силу своего евразийского, статусного и других компонентов великой державы не могла быть реципиентом инициативы «Пояс и путь». К 2015 году был сформирован Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в составе России, Белоруссии, Казахстана, Армении и Киргизии. С другой стороны, 8 мая 2015 года Китай и Россия подписали соглашение о сопряжении между ЕАЭС и инициативой «Пояс и путь», что являлось принципиально важным для России и в экономическом, и в политическом плане. То есть фактически была достигнута договоренность не только о технологической, транспортной стыковках (сопряжениях), но и как бы параллельном развитии двух мегапроектов на равноправной основе, без взаимных поглощений, конкуренции и взаимных претензий. Базисом российско-китайского сопряжения стала непреференциальная основа взаимодействия ЕАЭС с КНР в торгово-экономической сфере и таможенном регулировании. Соответствующие соглашения были подписаны в 2017 году и 2018 году. В перспективе речь идет о создании зон свободной торговли (ЗСТ) как на двустороннем (российско-китайском) уровне, так и на коллективном треке (ЕАЭС – КНР).

Спецификой интеграционных процессов в Евразии является разновекторность. Одни вектора в плане

либерализации идут быстрее (например, соглашения о ЗСТ ЕАЭС с Вьетнамом, Сербией, Сингапуром, Южной Кореей, и даже Монголией). Другой трек – китайский – развивается медленнее ввиду колоссальной экономической асимметрии потенциалов КНР и стран ЕАЭС. Пандемия новой коронавирусной инфекции снизила уровень взаимодействия в Евразии, как следствие отдельные проекты были законсервированы. Сейчас постепенно все восстанавливается. Но американские финансово-экономические санкции в отношении России и Китая тормозят процесс евразийской интеграции. Более успешно развивается российско-китайское сотрудничество, например, по вопросу использования национальных валют во взаимных расчетах. В 2017 году 90% китайско-российской торговли были в американской валюте, в настоящее время – только 40% в долларах, остальное – в российских рублях и китайских юанях. Это очень перспективное направление сопряжения наших стран в валютно-финансовой сфере. И, возможно, эту схему можно проецировать и на взаимодействие ЕАЭС и КНР.

Важным для процесса сопряжения является углубление кооперации трех структур на пространстве Евразии: ЕАЭС, ШОС и ОДКБ. Каждая имеет свой состав и функционал. Особенно, что касается расширения состава членов ШОС: 2017 год – Индия, Пакистан; в 2021 году – Иран, что серьезно повышает ресурсы этой организации. С другой стороны – ОДКБ, перед которой стоит афганский вызов и необходимость борьбы с трансграничной преступностью. Но если объединить ЕАЭС, ШОС и ОДКБ, все они обеспечивают общую цель: обеспечение национальной территориальной целостности и безопасности. Такие процессы в Евразии, включая Центральную Азию, связаны с геополитикой и укреплением «неамериканского мира».

Для Китая восемь лет реализации инициативы «Пояс и путь» – это первый, начальный этап гло-

бального позиционирования в мире. При этом Пекин испытывает колоссальное давление. Так, морская версия инициативы (по южным морям) сталкивается со многими вызовами и рисками, включая Малаккский пролив. Сухопутная (евразийская) версия инициативы «Пояс и путь» для Китая объективно более выгодна. Хотя талибский Афганистан законсервировал часть создаваемого транспортного коридора. В этих условиях российско-китайское партнерство играет для Запада сдерживающую роль, а китайская инициатива «Пояс и путь» становится частью общих усилий по развитию совместно с государствами ЕАЭС интеграционных процессов.

Среди возможностей евразийского измерения можно выделить следующие. Прежде всего, комплексное ресурсное использование взаимных политических, финансово-экономических и технологических ресурсов Китая, России, других стран ЕАЭС, их поддержка друг друга в рамках дальнейшей диверсификации сопряжения ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь». Однако диверсификация – это комплексный, длительный процесс, рассчитанный не на одно десятилетие.

Второе направление возможностей – использование геоэкономических территориальных преимуществ РФ и КНР как сопредельных держав, включая большие транзитные возможности России, Казахстана и других стран ЕАЭС в плане использования этих преимуществ.

И третье – это использование геополитических ресурсов России и Китая на евразийском пространстве в борьбе за «неамериканский мир».

В отношении препятствий нужно отметить, что ранее процесс евразийской интеграции планировался существенно быстрее. То же самое характерно и для российско-китайского сопряжения как на двустороннем уровне, так и в рамках взаимоотношений между ЕАЭС и инициативой «Пояс и путь». Самое главное препятствие – это недостаточное наполнение практиче-

скими совместными проектами этой повестки сопряжения. Практическая часть сопряжения явно отстает от политической. У нас явно недостаточно коллективных транспортных, технологических проектов. И они, как правило, носят двусторонний характер (например, китайско-казахстанские или российско-китайские).

Вторая проблема – сложившаяся китайская идея о шести основных евразийских коридоров в рамках инициативы «Пояс и путь» не полностью совпадает с российскими транспортными приоритетами. Часть евразийских коридоров идет мимо РФ.

И третье препятствие – это низкий уровень экономической либерализации, открытости, торгово-экономических отношений ЕАЭС и КНР.

В отношении перспектив возможен выход на преференциальные торгово-экономические режимы и соглашения между ЕАЭС и КНР, при которых существующая экономическая асимметрия не будет являться угрозой для малых экономик. Сейчас российские эксперты разрабатывают правовые и экономические механизмы, которые страховали бы от этих подобных рисков.

Вторая перспектива – обязательное сохранение базового принципа и абсолютного равенства стран ЕАЭС и КНР в рамках инициативы «Пояс и путь» как в политическом, так и в финансово-экономическом формате.

Таким образом, на мой взгляд, интеграционное измерение Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Пояс и путь» – это не только инфраструктура и торговля, это и большая евразийская идея. Это конкуренция с удачным или неудачным опытом (АСЕАН, Европейского союза, другими проектами), но это более перспективная идея. Это стратегическое видение Большой Евразии, с учетом интересов каждого участника.

И.В. Андропова,

заведующая кафедрой

«Международных экономических отношений» РУДН,

профессор, доктор экономических наук

(Россия)

Экономическая безопасность стран ЕАЭС

Евразийский экономический союз – это действительно наиболее продвинутый с точки зрения экономики проект на пространстве Евразии на сегодняшний день. Совершенно согласна со всеми предыдущими коллегами, что евразийская экономическая интеграция – это, конечно, не сиюминутный проект, что действительно мы к нему долго шли, и т.д. Но почему мы, собственно говоря, пришли к пониманию того, что необходимо говорить о Евразийском экономическом союзе уже с точки зрения экономической безопасности?

Мы все привыкли к экономической безопасности страны, но развитие международных экономических отношений, уровень развития интеграции и интеграционные процессы подскажут, что необходимо говорить уже об экономической безопасности объединения. Основная задача экономической безопасности объединения – сохранить это интеграционное объединение, дабы оно не распалось, не разошлось.

В целом, у Евразийского экономического союза все очень хорошо с точки зрения потенциала: население, присутствие на мировых рынках и т.д.; четвертое место по выпуску электроэнергии, первое место по добыче нефти. А вот реализация этого потенциала на сегодняшний день не совсем отвечает этому потенциалу.

Доля мирового ВВП – 2% , доля в мировом экспорте – 1,7% ; доля в мировом экспорте высокотехнологичной продукции – 0,4% . Очень интересный показатель, который дает Всемирный банк, – это доля в поступлениях от продажи технологий. Как пример, доля Соединенных Штатов по нему составляет порядка 38% , ЕС – 37% . В результате получается, что два наших геополитических партнера обладают практически всеми технологиями, в то время как доля, например, ЕАЭС (в т.ч. в силу объема экономики Российской Федерации) совсем мала, около 1% .

У экономической безопасности очень много показателей, пороговых значений, и т.д. Хотелось бы остановиться на том, как нам видится экономическая безопасность этого интеграционного проекта на сегодняшний день. Мы много говорим о торговле и ее развитии. Но, опять-таки, в отличие от стран ЕС, где внутрирегиональная торговля зачастую составляет более 80% , государства Евразийского экономического союза не имеют между собой таких тесных связей. Кроме того, есть группа стран, которые вообще друг с другом не торгуют: Армения-Белоруссия, Армения – Казахстан, Армения – Кыргызстан, Белоруссия – Кыргызстан, Белоруссия – Казахстан. Доли этих стран в товарообороте друг друга крайне малы. В это же время экспорт машинной продукции Казахстана, составляющий порядка 4% от всего экспорта, на 62% ориентирован на Российскую Федерацию, несмотря на попытки казахстанской стороны диверсифицировать свой экспорт и увеличить в т.ч. и эту статью экспорта. Российский рынок также продолжает оставаться крайне важным и для таких стран, как Белоруссия и Армения. Несмотря на то, что доля внутрирегиональной торговли стран ЕАЭС пока очень незначительна, о негативном воздействии чего мы еще поговорим чуть позже, наши рынки продолжают оставаться для нас очень важными.

Что касается, например, рынка услуг, то здесь все значительно сложнее. Поскольку сейчас мы говорим только о внутрирегиональной торговле, мы создаем общий рынок услуг. Мы провели большое исследование в Российском университете дружбы народов, в ходе которого проанализировали фактически все рынки услуг и пришли к таким выводам. Во-первых, договоренности о создании общего рынка услуг составили только 36% от всех услуг, которые могли быть. Во-вторых, и это не самый приятный факт, ни в одном из рынков услуг, по которому общий рынок должен был быть создан, общий рынок на сегодняшний день не работает. Его нет. А торговля услугами с третьими странами вообще оставлена в национальной юрисдикции и не регулируется на евразийском уровне. Соответственно, повторяется та же самая ситуация, что и с торговлей товарами – доля внутрирегиональной торговли услугами очень мала, и она сконцентрирована в четырех самых крупных секторах. И опять-таки, есть группа стран, которые в принципе друг с другом не торгуют.

То же касается и инвестиционного сотрудничества, которое с точки зрения экономической безопасности не совсем отвечает нашим интересам, потому что мы не являемся друг для друга крупнейшими инвесторами. В нашей монографии «Экономическая безопасность ЕАЭС» мы не только подробно изучили вопросы экономической безопасности по предлагаемым нами критериям, но и выделяем много внутренних и внешних угроз для объединения. Здесь представлены соответственно внутренние угрозы. Это дифференциация экономического развития стран, сохранение экспортно-сырьевой ориентации, практически отсутствие торгового сотрудничества между группами стран ЕАЭС, несоответствие развития транспортной инфраструктуры, отсутствие единой платежной системы и т.д.

Про внешние угрозы, что здесь самое важное? Практически все внешние угрозы имеют под собой

первопричину – нерешенные внутриэкономические проблемы. Это надо очень четко понимать. Ничего не изменилось в этом мире. Политика – это консолидированное выражение экономики. И вот здесь, на наш взгляд, важно отметить, что, рассмотрение интеграции только с точки зрения создания общих рынков, зон свободной торговли, снижения барьеров, налаживания транспортных коридоров, приводит, на мой взгляд, к фиксации наших стран на бедности. Потому что, чтобы что-то продавать, надо сначала что-то произвести. А если стране отводится роль исключительно транспортного коридора, то она ей и останется. Это тоже очень важно.

Существует множество школ интеграции, которые условно можно разделить на два подхода. Есть первый подход, западная школа, когда мы устраняем барьеры (это, например, подход ВТО, и т.д.); и есть второй подход, советская школа (и этот подход, кстати, используется в INSEAD), когда мы говорим, что интеграция начинается, прежде всего, с развития промышленного производства, с развития кооперационных связей. Устранение торговых барьеров – это важно, но это, скорее побочный продукт. Да, Евразийская экономическая комиссия проводит огромную работу по снижению этих торговых барьеров. И что? Изменилось ли что-то в динамике торговли? Более того, сейчас, например, Евразийская экономическая комиссия выявила, что Белоруссия нарушает нормы общего рынка, потому что на законодательном уровне закреплено, что определенная часть товаров на прилавках магазинов (то ли 60% , то ли еще больше) должна быть представлена белорусской продукцией. Это нарушение. Но зачем же мы сейчас будем открывать белорусский рынок не для своих товаров? Спрашиваю у коллег: «Простите, пожалуйста, а если сейчас Белоруссия от этого откажется, это поможет продвижению казахских товаров? У вас есть, что предложить на белорусский рынок? Тогда для

кого вы его открываете? Тогда чьи товары там будут?» Вот это большой вопрос.

Поэтому, на мой взгляд, основная задача заключается не в этом. Стоит изучить мировой опыт, каким образом можно совместно защищать своего производителя, причем так, чтобы не нарушать ни правила ВТО, ни какие другие. Мы все с вами прекрасно знаем, что самая мощная система протекционизма действует в Европейском союзе. Ну так давайте использовать их опыт, для того чтобы создать систему общих экономических интересов. Ее у нас нет. Это наша самая большая проблема. Европейская экономическая интеграция началась не с зоны свободной торговли. Она начала с плана Маршалла, в котором было написано, что одна и та же отрасль в разных странах не может финансироваться из этого плана. Это привело к тому, что страны создали Европейское объединение угля и стали. Все началось с кооперации, а не со свободной торговли. Надо было создать противовес Советскому Союзу, и они сделали его из промышленной кооперации. Кооперация в энергетике, потом Airbus, который создавался в тот период времени, когда 98% мирового рынка контролировал «Boeing», и ни одна страна не зашла бы на этот рынок в одиночку. И вот страны объединились и создали крупную компанию «Airbus». И сейчас они напололам контролируют этот рынок.

На сегодняшний день есть такое понятие как европейская компания, юрисдикция Европейского Союза. Их на сегодняшний день уже 3040. Что это дает компаниям? Это дает им возможность получить помощь, субсидии, от всех стран, где они работают, без нарушений правил ВТО. Эта европейская юрисдикция дает очень много преференций. Очевидно, нам надо пойти по этому пути. Когда Китай объявлял свою знаменитую программу «Идти вовне», которую, естественно, все знают, они же не постеснялись там написать, что главная цель этой программы – создание китайских транснациональных

корпораций, которые войдут в Топ-500 крупнейших корпораций мира. Соответственно, в прошлом году в Топ-500 крупнейших корпораций мира впервые вошло больше китайских корпораций, чем американских: китайских – 124, американских – 121. Давайте тоже тогда попробуем пойти по этому пути.

Кроме России, в этом списке более 100 стран ЕС у нас всего четыре компании, причем обратите внимание на отраслевую структуру. В Китае и в Соединенных Штатах каждая важная отрасль представлена транснациональной корпорацией. А мы понимаем, что мировая экономика – это экономика транснациональных корпораций. Малый и средний бизнес – это плоть и кровь национальной экономики, но они не могут выйти на внешний рынок. Пол Кругман говорил об этом еще в середине XX века, получив за 10-страничную статью Нобелевскую премию, и весь мир теперь его цитирует. А у нас две отрасли. Так вот это – тот задел. Не торговые барьеры, не борьба друг с другом, а вот. У нас же нет общей промышленной политики. Сельское хозяйство у нас согласовывается, но каждый делает все, что хочет. Опыт единой сельскохозяйственной политики Европейского союза крайне интересен, но его тоже надо изучать. Кто после этого скажет, что сельское хозяйство в Европе развивается на основе рыночных отношений? Да это жесточайший план, не допускающий производства или продажи больше установленного под угрозой штрафов или закрытия.

Главный, последний тезис. Видимо, у нас идет работа по ревизии этих связей. Да, у нас создана платформа, где можно встретиться и так далее. Но проблема в том, что пока это не является такой центральной идеей, задача которой будет стоять в создании транснациональных евразийских компаний, входящих в список самых крупных корпораций, и которая будет поддержана всеми правительствами. По мнению Российского университета дружбы народов, это должна быть наша основная, приоритетная задача.

А. Саджджанхар,

президент Института глобальных исследований,
Чрезвычайный и Полномочный Посол
(Индия)

Проекты евразийской интеграции: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Моя презентация будет состоять из трех частей. В первую очередь, я поговорю об интеграционных проектах Евразии, затем осветю в четырех – пяти пунктах вопросы и инициативы, связанные с ШОС, ЕАЭС, с инициативой «Пояс и путь», а также с транспортным коридором «Север – Юг». И наконец-таки поговорю о центральноазиатском консультативном механизме. И потом дам несколько рекомендаций, как мы можем развивать сотрудничество в этих сферах.

Вы знаете, что сейчас Евразия переживает непростой период с точки зрения политики, геополитической и экономической ситуации. Поэтому убежден, что евразийский механизм интеграции будет играть важнейшую роль в том, что касается мира, безопасности и развития. Евразия занимает $\frac{1}{3}$ пространства всей суши на Земле. Очень богатый минеральными ресурсами регион. А также этот регион является домом для самых старейших цивилизаций, например: для индийского народа, Китая, Месопотамии, Персии и других цивилизаций. Однако, к сожалению, нет четкого определения, что же такое Евразия с точки зрения геополитики? Нет четкой оценки ситуации в отношении безопасности, экономики, в политическом пространстве.

И, соответственно, нет никаких договоренностей. То есть не выработалась четкая идентичность в Евразии. Был принят ряд мер по интеграции, однако они не принесли значительного успеха из-за очень большого разнообразия в Евразии с точки зрения безопасности, традиций, экономики и политики.

Происходило очень много событий: национальных, исторических, культурных, которые привели к эволюции Евразии. Однако все они были очень разношерстными. Было два толчка: политическое решение и экономическая логика. Однако со временем, по мере развития обоих этих направлений, они начинают противоречить друг другу. Именно поэтому у нас наблюдаются разногласия сейчас в Евразийском регионе. Естественно, пандемия коронавируса также имела очень негативные последствия для мировой политики, экономики и для евразийских интеграционных проектов.

В отношении пяти интеграционных инициативах. Начну с ШОС. Девять стран-членов. В 2001 году было шесть стран-членов, потом в 2017 году присоединились Индия, Пакистан; в 2021-м – Иран. Сегодня организация отмечает 20-летие свое и охватывает большую часть Центральной Азии, Южной Азии, Западной Азии и Евразии. Было заключено множество договоров в таких областях, как безопасность, торговля, инвестиции, транспорт, культура, энергетика. Однако, к сожалению, все эти инициативы не были реализованы должным образом. И все это потому, что ШОС даже спустя 20 лет после своего основания до сих пор борется с проблемами. Китай был особенно активен в 2003 году в связи с зоной свободной торговли, с деятельностью Банка по развитию. Однако, к сожалению, на данный момент не было значительного прогресса в интеграционных инструментах.

Думаю, что самая большая неудача ШОС связана с неэффективным реагированием на ситуацию в Афгани-

стане. Эта проблема не только является значительной для нашего региона, но и для всего мира. Это, конечно, вызов, но и возможность одновременно. Возможность, благодаря которой ШОС может укрепить свой авторитет, стать более надежной организацией в том, что касается продвижения мира, безопасности, политической и экономической стабильности в регионе. Была создана Контактная группа по Афганистану в 2005 году, собиралась даже на конференции в Москве в 2009 году, потом она была распущена, снова была собрана в 2017 году. Однако, к сожалению, на данный момент каких-то конкретных результатов достигнуто не было. Мы все знаем, с какими проблемами сейчас сталкивается Афганистан: там не соблюдаются права человека, обязательства в отношении образования женщин и девочек, правительство неинклюзивное, распространяется терроризм. И даже на саммите, который прошел 17 сентября, не было достигнуто значительного прогресса.

Тем не менее, считаю, что никак нельзя недооценивать перспективы ШОС, потому что у этой организации есть огромный геополитический потенциал. Она открывает огромную территорию, имеет значительные стратегические и человеческие ресурсы.

Вторая инициатива, о которой бы я хотел поговорить, – это ЕАЭС. Сегодня уже эта тема затрагивалась, поэтому я не буду углубляться в детали. Но хочу сказать, что это многосторонняя инициатива, где соблюдается баланс обязательств стран-членов. Сейчас, к сожалению, членство в этой организации ограничено с точки зрения территории, населения и с точки зрения экономической мощи государств. Однако этот недостаток не является вечным, то есть членство будет расти, и соответственно будет расти и влияние на данную инициативу. Принимаются меры по сотрудничеству с Вьетнамом, Ираном, Сербией и Индией.

Позвольте мне поговорить об Индии, которая занимает третье место по ВВП в мире с точки зрения парите-

та покупательской способности. Доллар все еще очень сильные позиции занимает, и в этом году ожидается, что ВВП страны вырастет на 10%.

Считаю, что у ЕАЭС есть огромный потенциал: в политике, экономике, стратегической сфере, с точки зрения задействования своей территории и своего населения для прогресса в таких областях, как безопасность и экономика.

Третья инициатива, о которой бы я хотел поговорить, – это китайская инициатива «Пояс и путь». Я хочу очень ясно выразиться, что Индия не поддерживала данную инициативу, поскольку наблюдаются проблемы с суверенитетом, с территориальной целостностью. Мы не принимали участие в форумах по «Поясу и пути», которые состоялись в 2017–2019 годах. Но, помимо этого, были еще и другие проблемы. Была возможность долговой ловушки, недостатка открытости, нехватки экономической жизнеспособности проектов и были также экологические проблемы.

На первом форуме «Пояса и пути» принимало участие более 100 стран. И там обсуждались вопросы коррупции, долговой ловушки, вопросы устойчивого развития, жизнеспособности экономических проектов. Председатель КНР Си Цзиньпин сказал после первого форума, что будет способствовать увеличению открытости, не будет никаким образом мириться с коррупцией. Однако после 2019 года началась пандемия, поэтому, к сожалению, результатов каких-то осязаемых достигнуто не было. Доклад, опубликованный в отношении «Пояса и пути» в сентябре 2021 года, охватывал анализ 13 тыс. проектов. По результатам этого анализа у 42 стран долг составляет более 10% ВВП. Распространена неустойчивость в проектах общей стоимостью 400 млрд. долл.

Следующая инициатива, о которой я хотел бы поговорить, это Международный транспортный коридор (МТК) «Север – Юг». Эта инициатива возникла в конце

1990-х годов, для того чтобы стать транспортной сетью от Индии через Иран и Азербайджан в Россию. Однако прогресса поначалу особо не наблюдалось. В 2015 году, когда были сняты санкции с Ирана, Индия начала активную работу в отношении этого проекта, поэтому появился прогресс. Однако прогресс снова столкнулся с препятствиями, когда президент США Дональд Трамп наложил против Ирана санкции в рамках Совместного всеобъемлющего плана действий по урегулированию иранского ядерного кризиса. Состоялись встречи между президентами Ирана, Афганистана и премьер-министром Индии в 2016 году. Это стало стимулом для дальнейшего развития проекта. Однако в свете недавних изменений в Афганистане, проект также может столкнуться с новыми проблемами. Считаю, что с ними нужно бороться совместно Ирану, Центральной Азии и России.

Пятая инициатива, о ней сегодня тоже никто ничего не говорил, это центрально-азиатский консультативный механизм. Я думаю, что многих из вас удивит, что среди этих пяти стран не очень много сотрудничества и диалога. Однако Центральная Азия считается регионом новой игры, и за 30 лет стало понятно, что действительно у этих стран огромный потенциал. Были проведены форумы в 2018 году в Казахстане, в 2019 году в Узбекистане, в 2021 году в Туркменистане и стало понятно, насколько большой у этих стран потенциал с точки зрения сплочения этих стран, интеграции и развития энергетики.

Таким образом, во-первых, сфера, которую мы сегодня обсуждаем, очень большая с точки зрения геополитики, политической идентичности, безопасности. Поэтому говорить лишь об одном интеграционном механизме – это, наверное, не совсем реально. Поэтому я думаю, что самым эффективным способом было бы создание субрегиональных групп. Нельзя сплести в одну сеть все страны, потому что у всех разная история,

экономический и социальный контекст, культурная идентичность. Поэтому, как я уже сказал, наверное, самым разумным способом будет создание субрегиональных групп, которые поспособствуют сотрудничеству внутри этих групп, а также синергии между различными группами. Естественно, деятельность всех этих субрегиональных групп будет пересекаться, она будет вступать в синергию, все страны будут взаимокреплять друг друга для достижения общих целей в политике, безопасности и в экономическом росте. Я думаю, что региональная интеграция – это не самоцель. Цель заключается в достижении безопасности в регионе, разумном распределении ресурсов, достижении развития в социальной, экономической и политической сферах.

Мне кажется, что ЕАЭС, МТК «Север – Юг», центрально-азиатский консультативный механизм и другие инициативы, все они обладают огромным потенциалом в достижении выше упомянутых целей.

В.Л. Жарихин,

заместитель директора Института стран СНГ

(Россия)

О новых интеграционных инициативах России и Белоруссии

Мне бы хотелось поговорить об одном из самых, я бы сказал, уже древних субрегиональных объединений, каким является Союзное государство в составе России и Беларуси. Я хотел бы сказать похвальное слово по поводу последних событий. Это принципиально важно, потому что я являюсь достаточно известным критиком союзного строительства последний год.

Во-первых, хотелось бы понять, почему была такая пауза в союзном строительстве. Самое главное, по крайней мере, на начальном этапе строительства Союзного государства, это было обоюдное желание народов. Это, несомненно. Но при этом строительство замедлилось, а иногда начинало идти вспять. Такие субъективные объяснения по поводу того, что мы в России часто говорим про плохой характер Александра Григорьевича Лукашенко. В Беларуси любимая тема была происки российских олигархов. Вообще должен сказать, что характер Александра Григорьевича конечно не сахар, но и наши олигархи конечно это не белые пушистые зайчики. Тем не менее, это было большим преувеличением. Все-таки были объективные причины неудачи, будем говорить прямо, союзного строительства. Объективные причины состояли, с моей точки зрения, в том, что пытались построить этот наш общий союзный дом.

То есть сначала создать некий политический каркас, а потом уже наполнять экономическим содержанием.

Оно не получалось по двум причинам. Во-первых, когда нет глубокого экономического содержания, не очень хорошо строить. Второе, конечно объективно при таком соотношении ВВП, населения и территории государств очень сложно сформировать ту самую политическую надстройку, которую может быть обе стороны и хотят сформировать, но упираются именно в этот дисбаланс. Решили, что надо сразу избрать союзный парламент. Возникает вопрос: как его избирать? Если его избирать один человек один голос, то голос Беларуси будет не слышен. Если избирать по принципу квоты, то голос белорусского гражданина будет равен семнадцати голосам российского гражданина, то есть тоже несоответствие. Надо учитывать, что наши государства жестко президентские. Обратите внимание: в Европейском союзе подавляющее количество государств – это парламентские государства. Если они жестко президентские, то неминуемо при создании единой политической надстройки необходимо избрание союзного президента, а как его избирать? Опять возникают проблемы. Поэтому это торможение было объективно, но, мне кажется, обвинять в этом особо не надо, потому что мы все время забываем одну принципиальную вещь. У нас древние страны, но юные государства. Никогда не было межгосударственных отношений между Россией и Беларусью в нашей общей тысячелетней истории. Получается, межгосударственные отношения нужно строить заново. Это касается не только России и Беларуси, а всех наших постсоветских государств. На этом пути неминуемы ошибки, но самое главное делать из ошибок выводы. В этом плане, мне кажется, выводы в определенной степени сделаны.

Федор Валентинович Черницын в своем содержательном выступлении, которое стало докладом, использовал формулировку, которая конечно до-

стойна стен Института международных отношений, что мы двигаемся в сторону конкретных шагов. Вы понимаете всю глубину этой формулировки, которая реально характеризует ситуацию? Ситуацию, когда надо практически строить заново фундамент. И его начали строить. Понятно, что это будет достаточно длительный период, но, тем не менее, любая длинная дорога начинается с первого шага. Этим первым шагом являются эти союзные программы. Конечно, опять можно их сколько угодно критиковать, что в этих программах, если посмотреть, каждый из этих пунктов декларативен и требует на самом деле очень серьезного согласования, не все из этих двадцати восьми пунктов обрисовывают весь характер отношений между нашими государствами. Но я считаю принципиально важным, что все это – пункты, которые начинают строить фундамент с того, с чего надо начинать строить. Это закладывает основы межгосударственных отношений, межгосударственных договоров. И только после того как будут заключены межгосударственные договора, и они начнут реализовываться, можно переходить к следующему шагу – формированию на основе тесных межгосударственных отношений того самого общего дома, который в 1999 году виделся построенным буквально за несколько лет.

Да, это сложно. Мы опять киваем на Европейский союз. Если мы открутим назад, через 20 лет после подписания договора о союзе угля и стали. А что у них было? Был общий рынок. И у нас тоже есть общий рынок. опережать эти вещи практически оказалось невозможным. Другое дело, что действительно даже в этих двадцати восьми пунктах не хватает еще многого. То, что подготовил наш экономический блок правительства (я отделяю силовой и дипломатический блоки нашего правительства, так у нас принято, что им руководит президент) еще не прописано. Потому что вся эта история с нашим корреспондентом – это

опять же ситуация с правовым вакуумом в наших отношениях. Можно или нельзя белорусским силовым структурам с нашей территории брать человека? Они считают что можно, мы считаем что нельзя, а на самом деле договора конкретного нет между странами. Нет военно-политического соглашения между странами. Нет в международных отношениях синхронизации. Классический вопрос, который я уже задавал в свое время на ток-шоу белорусским коллегам, который уже стал мемом: «Крым чей?» На этот вопрос надо отвечать так или иначе в наших отношениях, и это значит надо именно в межгосударственном соглашении прописывать механизм признания в том числе и территориальной целостности двух наших стран. И только после того как будет заложен этот фундамент, а наше правительство как раз начало со своей экономической стороны эту деятельность, можно будет говорить о строительстве общего дома.

Б.К. Султанов,

директор Исследовательского института
международного и регионального сотрудничества
Казахстанско-немецкого университета
(Казахстан)

Казахстан в ЕАЭС: сторонники и противники интеграции

Мне бы хотелось отметить, что в Казахстане сейчас идет большая дискуссия на счет Евразийского экономического союза. По этому вопросу существует несколько точек зрения. Превалирующая из них – это точка зрения президента Касым-Жомарт Токаева о том, что, во-первых, у нас союзнические отношения с Российской Федерацией, и это внесено им в концепцию внешней политики Казахстана на 2020–2030 годы. Это прорывное решение президента, потому что до него ни первый президент, ни другие лидеры нашей республики не употребляли термин «союзнические отношения с Россией». Они использовали другие термины: партнерские отношения, стратегического партнерства, приоритетные отношения и так далее. Поэтому президент Касым-Жомарт Токаев внес очень четкую формулировку.

Второе, в этой концепции сказано: в ней зафиксировано всестороннее стратегическое партнерство с КНР, расширенное стратегическое партнерство с США, стратегические взаимоотношения с государствами Центральной Азии, расширенное партнерское сотрудничество с Европейским союзом, государствами – чле-

нами ЕС и так далее. Эти формулировки раньше можно было употребить к России. Теперь нет. Союзнические отношения. Это очень важно.

Третье. В этой концепции написано: «Продолжение тесного взаимодействия с государствами – участниками Евразийского экономического союза». Это принципиальная позиция. Мы согласны с тем, что находимся сейчас на очень ответственном этапе. События в Афганистане еще раз продемонстрировали, что попытки экспорта западных ценностей («тотально-либеральных ценностей»), не учитывая ментальности страны и особенностей ее социально-экономического развития, обречены на провал. Поэтому у нас сейчас хороший шанс для успешной работы в рамках ЕАЭС.

Однако, наблюдается развитие национализма во всех без исключения странах мира. Например, в ФРГ на последних выборах 5 млн. избирателей отдали свои голоса за «Альтернативу для Германии», которая выступает против эмигрантов. В условиях глобального развития, а может деглобального развития и пандемии коронавируса, люди становятся все более радикальными и за их словами иногда следуют радикальные действия. Поэтому мы считаем, что можно говорить все. Но помните, Вольтер сказал: «Я не поддерживаю данную точку зрения моего оппонента, но я готов отдать жизнь, чтобы он имел право это высказать». Считаю, что можно говорить, наверное, все, но необходимо нести ответственность за свои слова.

Хотелось бы отметить, что у Казахстана очень тесные отношения с другими странами. Так, несмотря на экономическую рецессию, объем казахско-российского товарооборота в 2020 году составил 19 млрд. долл. (первое место, второе занял Китай). Объем прямых инвестиций из России за последние 15 лет в Республику Казахстан (РК) составил 16 млрд. долл. При этом, казахстанские инвестиции в экономику РФ достигли 4,5 млрд. долл. В немецком языке есть такое выражение

«дорога с двусторонним движением». Мы за то, чтобы дорога была с двусторонним движением.

Далее мне хотелось бы обратить внимание на то, что имеется ряд нерешенных проблем. Мы выступаем за устранение барьеров для выхода казахских товаропроизводителей на российский рынок. Профессор И.В. Андропова считает, что есть два варианта: или защищать свои национальные интересы, или все-таки создавать базу для сотрудничества. Мы говорили о европейских объединениях угля и стали, что это создание общего рынка.

На это надо выходить. Но у нас, к сожалению, в условиях посткоронавирусных изменений, националисты не позволяют выходить на такое сотрудничество. В этих условиях для кооперационного сотрудничества очень большое значение имеет транспортное сотрудничество.

У нас сейчас транспортная логистика формирует 8,1% валового внутреннего продукта (ВВП). Объем грузоперевозок с 2009 по 2020 год увеличили в два раза до 4,2 млрд. тонн, при этом на долю грузовых автомашин приходится 80,6% грузоперевозок. Мы все время говорим о железнодорожных перевозках контейнеров из Китая в Европу через Казахстан. Однако железнодорожный транспорт дает всего 10,9%. Трубопроводы, морские суда, воздушный транспорт – всего 8,6%. Поэтому для нас архиважно скорейшее открытие транзитных перевозок грузов по автомобильной дороге Западная Европа – Западный Китай. Казахстанцы и китайцы свои дороги построили. Китай – 3425 км, Казахстан – 2787 км и уперлись в то, что Россия, несмотря на свои многочисленные обещания, свои 2233 км построит в лучшем случае после 2030 года.

Идея президента В.В. Путина о развитии межрегионального транспортного сотрудничества. Мы ухватились за эту идею. Хорошая идея, но Россия продолжает делать ставку на Транссибирскую железную дорогу.

Мы в Казахстане считаем, что ЕАЭС – это хорошо, хотя у нас есть евразоскептики и евразеооптимисты. Мы считаем, что значимость Союза для Казахстана неоспорима, и мы поддерживаем то, что создан внушительный массив наднационального законодательства, обеспечивающий свободное движение товаров и услуг, рабочей силы и капитала, но это до коронавируса. Сейчас же сохраняется немало барьеров и ограничений, поэтому каждая страна, в том числе и Казахстан, не может подняться до идеи о том, что мы не защищаем интересы своих производителей. И будем защищать, потому что все проблемы от бедности и неразвитости промышленного производства. Поэтому мы, например, считаем, что нужно усилить взаимовыгодность сотрудничества внутри Союза. Потому что есть препятствия в торговле, сложности из-за санкционного давления на Россию, а теперь и на Беларусь, но экономические и неэкономические выгоды евразийской интеграции перевешивают эти негативные моменты.

Было бы неразумно отрицать, что противостояние между Россией, США и коллективным Западом будет нарастать. Запад будет создавать не просто железный занавес против РФ, а и технологический занавес. Мы считаем, что альтернативой является поддержка инициативы В.В. Путина в создании Большого евразийского партнерства. К сожалению, единое торговое-экономическое и гуманитарное пространство от Лиссабона до Владивостока в связи с коронавирусом сошло на нет, поэтому думаю, что это предложение В.В. Путина является единственной альтернативой для стран – членов ЕАЭС.

Противники евразийской интеграции в Казахстане – это, в первую очередь, националисты (национал-патриоты). Они считают, что альтернативой для развития Союза является тюркская интеграция как единственная панацея. И Казахстан должен отходить от сотрудничества с Россией и ЕАЭС. Так, Айдос Са-

рым, убежденный националист, почему-то во главе партии власти в Парламенте, считает: «Мир находится в состоянии санкционных войн противостояния Запада с Китаем и Россией. В этой ситуации Казахстан не должен принимать чью-либо сторону в этих конфликтах и решительно защищаться от любых попыток втянуть суверенный Казахстан в чужие разборки. Поэтому необходимо поддерживать стремление Азербайджана, Турции и стран Центральной Азии, в частности Узбекистана, к развитию сотрудничества со странами Южной Азии, Индии, Пакистана и Афганистана». Но это было до августа. Сейчас этого, наверное, уже нет. Я выступал с критикой этого.

Наши националисты считают: «Тюркским странам необходимо идти к сильному союзу с мощной интеграцией наподобие Европейского союза. Тогда мы можем противостоять таким сильным государствам как Китай, США и Россия».

Дальше: «В будущем чаша весов в Центральной Азии может склониться в пользу мусульманского мира, так как рост религиозной самоидентификации у части населения, в том числе у молодежи, растет и можно будет переформатировать в долгосрочной перспективе геополитическое пространство региона в сторону мусульманского мира». Считаю, что это глупости, потому что Турция неуклонно исламизируется и ведет все более агрессивную риторику, и, наверное, никто за исключением Азербайджана на постсоветском пространстве не проявляет особого желания интегрироваться с Турцией.

О влиянии антироссийской пропаганды и нарастании русофобских настроений свидетельствует негативная реакция в социальных сетях Казахстана после переговоров правительств Казахстана и России относительно перехода электронного правительства Казахстана на операционную Сбера и желание России построить атомную электростанцию в Казахстане.

18 сентября 2021 года в Алматы на митинге, организованном незарегистрированной демократической партией России, 20 человек собралось, но «Голос Америки» написал несколько десятков человек. Там журналистов было больше, чем протестующих. Цитирую: «Подписанный с Россией меморандум направлен на перевод информационной системы Казахстана на российскую платформу. Это ставит под угрозу независимость и информационную безопасность Казахстана. Казахстан должен отказаться, потому что потом последует общая валюта, потом будет общий парламент и потом скажут, что границу с Казахстаном должны охранять российские войска». К сожалению, у нас есть еще такой А. Сатпаев, представитель русофобов или западных грантоедов. 4 марта 2021 года он сказал: «ЕАЭС это клуб международных изгоев, где Россия и другие государства падают в яму санкционных войн и долговременной конфронтации с Западом». А позднее: «Россия с самого начала воспринимала ЕАЭС в качестве геополитического проекта по собиранию земель и для Москвы ЕАЭС изначально был больше политическим союзом, чем экономическим. Он нужен для формирования вокруг России единого политического, оборонного и информационного пространства. Россия выдвинула концепцию Большая Евразия, куда Россия хочет запихать ЕАЭС, ОДКБ, Китай, Индию, ШОС и АСЕАН. Для Казахстана ЕАЭС – это чемодан без ручки, который он носит в ущерб нашим экономическим интересам».

Как-то задал вопрос одному профессору, доктору наук, моему бывшему студенту-американисту: «Почему вы все ругаете Китай за борьбу с экстремистами в Синьцзян-Уйгурском Автономном Районе и ничего не говорите о том, что США организовали исламский геноцид в Сирии, Ираке, Ливии? Если вы утверждаете термин геноцид для Украины, почему вы боитесь утверждать термин геноцид, организованный США?» Он ответил: «У меня дети в США учатся. Если я начну

критиковать США, то мне денег не дадут и детям не дадут учиться в Америке». Это, к сожалению, усугубляется тем, что у части нашей политической элиты «богатство, нажитое тяжелым трудом, находится в западных банках». Поэтому они являются агентами западного влияния. Подобное имеет место и в отношении российских олигархов.

Понимаете, в чем опасность этих заявлений? Когда выдается вот это, а потом выдается следующее, что конкурентность казахстанской экономики невысокая из-за высокого уровня коррупции, неэффективного вмешательства государства в экономику, раздутого бюрократического аппарата, отсутствия большого количества сильных товаропроизводителей, того что правительство поддерживает олигархов и не дает развиваться малому и среднему бизнесу. Когда эта критика идет, это создает определенный фон. Это укрепляет позиции противников евразийской интеграции. И мы ощущаем обострение международной ситуации. Мне уже приходилось дискутировать насчет того, как Индия себя чувствует в рамках альянса четверки QUAD в составе США, Австралии, Индии и Японии – до того, как был создан англосаксонский блок AUKUS, и как они дальше хотят сотрудничать, являясь членами ШОС. Это можно продолжать бесконечно, но с дипломатом очень трудно говорить, потому что, в отличие от экономистов, они умеют хорошо дискутировать.

Мне хотелось бы обратить внимание на две детали. По мнению одного из китайских экспертов, присутствие НАТО на постсоветском пространстве будет нарастать, прежде всего, в Черноморском и Балтийском регионах и может превратиться в поле битвы новой «холодной войны» между Россией и Западом. На одной из конференций в апреле 2021 года английский эксперт сказал: «Не идеализируйте Запад. Это айсберг. Даже наверху, может быть, чуть-чуть потеплеет, и вы все говорите, что это хорошо, улучшились российско-американские отношения».

риканские отношения. Не верьте этому. Ледник он и есть ледник, и если макушка подтаивает, то основная суть ледника остается ледниковой. Не надо строить иллюзий».

США активно работают в Центральной Азии, и они поставили своей целью сдерживание России. И прав министр иностранных дел России Сергей Лавров, когда он говорит о том, что цель американцев – всяческое ослабление связей России со своими союзниками и стратегическими партнерами в этом регионе, хотя не все страны Центральной Азии себя считают союзниками России. Поэтому в нарастающем противостоянии между коллективным Западом и Россией, на наш взгляд, особое место отводится Казахстану. Потому что через Казахстан «Пояс и путь» сопрягаются с Евразийским экономическим союзом. Поэтому не исключаю, что в горячих головах некоторых вашингтонских политиков могут созреть, а может уже и созрели идеи разделить между Россией, Китаем и Средней Азии по аналогии созданным кордоном между Россией и Европой, где кирпичиками в разделяющую стену были Польша, Латвия, Литва, Эстония, Украина и Грузия. Это не новое изобретение. Помните, в межвоенный период между 1920 и 1939 годом создавался санитарный кордон против нашей родины Советского Союза? США будут идти по этому пути, и мы должны понимать, что соперничество сохранится в среднесрочной и скорее всего в долгосрочной перспективе, потому что США будут стремиться к сохранению своего лидерства. В этой связи согласен с точкой зрения Дмитрия Тренина, директора Московского Центра Карнеги. Он говорит не очень лицеприятные вещи, но он считает: «России предстоит выстроить новые взаимовыгодные и действительно равноправные отношения с ближайшими соседями-государствами в рамках Евразийского экономического союза и уделять им гораздо больше внимания, чем раньше. Это означает лучшее понима-

ние интересов партнеров при безусловном уважении и бережном отношении к ним».

Таким образом, в случае дальнейшего обострения отношений между США и коллективным Западом с одной стороны, Россией и кто к кому примкнет Россия к Китаю или Китай к России, считаю, что Казахстан должен, как член ШОС и ЕАЭС, оставаться прочным связующим звеном между Россией и Китаем и обеспечить надежный тыл для Москвы и Пекина в случае дальнейшего обострения международной ситуации.

А. Бикдели,

старший эксперт Института политических
и международных исследований (IPIS) МИД Ирана, посол
(Иран)

Перспективы положения Центральной Азии во внешней политике Исламской Республики Иран

Иранцы считают себя составной частью Центральной Азии и Кавказа, и эти регионы через Каспийское море добавляют важность геополитического положения Исламской Республики Иран (ИРИ). Наши исторические, этнические, культурные и цивилизационные корни очень близки с народами Центральной Азии и Кавказа. И у нас нет поводов быть врагами или соперниками. Мы должны дополнять друг друга и положить конец любым ссорам во имя развития и сотрудничества. Россию, пять государств Центральной Азии и три государства Кавказа мы считаем своими непосредственными соседями. Поэтому у нас утвердилось во внешнеполитической стратегии такое понимание, как концепция соседства. Политике добрососедства мы всегда уделяли должное внимание. При новом правительстве президента Эбрахима (Ибрагима) Раиси уделяется повышенное понимание теории развития отношений с соседями. Надо сказать, что у нас достигнуто на государственном уровне полное согласие по пониманию необходимости развития таких взаимоотношений.

Какой смысл мы вкладываем в понятие «добрососедские отношения»? Смысл здесь не в том, что общие границы и территориальная географическая близость

дает какие-то преимущества и именно на это делают ставку. Многие страны, на что указывает наш опыт, несмотря на то что являются соседями, выступают соперниками и даже воюют друг с другом. Для многих государств общая граница наоборот становится поводом для взаимных угроз, а не возможностей. Непросто быть соседями. Мы закладываем другой смысл в понятие соседство, именно максимальное использование возможностей, чтобы как можно в большей степени избежать взаимных угроз и именно в такой политике взаимодействия мы сейчас очень нуждаемся. Еще раз подчеркиваю, что это не географическая проблема и не проблема общих земель. Именно такие нормативы добрососедства должны сформироваться в нашем сознании.

Общие культурные ценности, социальные отношения, взаимодействие наших народов как раз могут стать фундаментом для формирования таких отношений. Но невозможно представить понимание добрососедских отношений, которые не проявились бы в каких-то признаках экономического взаимодействия. Очень много стран, которые утверждают что они братья, а на самом деле воюют друг с другом. Это происходит потому, что такие элементы понимания добрососедства не заложились в их сознании. Если такое восприятие добрососедства утвердится между двумя соседними государствами, это укрепит безопасность региона. В персидском языке есть пословица: «Любовь с одной стороны может стать головной болью другой стороны». То есть все должно быть двусторонним, именно на взаимодействии двух сторон.

Мне бы хотелось обратиться к вам как к представителям научной общественности многих стран, внедрять именно такое понимание добрососедства в своих сообществах. И почему мы вообще не поднимаем вопрос, какой смысл мы вкладываем в понимание соседства? И на уровне международном эта проблема также не получает

какого-то освещения. Например, если вы посмотрите фонды библиотеки МГУ и посчитаете, сколько там книг поднимают вопросы понимания добрососедства, то выяснится, что очень мало. Это потому, что вся история развития и формирования господствующего порядка в системе международных отношений это наоборот подавление тех элементов, которые и должны составлять понимание добрососедства. Например, утверждается такое видение, что Россия не должна иметь с Ираном тесные связи, для того чтобы США могли проводить свою политику. Американцы выстраивают свои линии взаимоотношений с каждой страной в индивидуальном порядке, чтобы не было какого-то объединения между соседними странами против их политики. И если вы здесь понимаете вопрос о создании неамериканского мира, то, конечно, вы должны уделить внимание и этой проблеме. Проводя нашу идею добрососедства, мы выделяем особенно проблему исторического бэкграунда и экономического взаимодействия. Особое внимание уделяем взаимодействию в сфере энергетики, транспорта и взаимных научных разработок.

К сожалению, не имею времени, чтобы подробно говорить о каждой из этих проблем. Хочу только подчеркнуть необходимость взаимодействия в научной сфере. Научное сотрудничество стран с государствами Кавказа и Центральной Азии имеет глубокие исторические корни. В исторические периоды нашего благополучного взаимодействия с Кавказом и Центральной Азией это были как раз наиболее яркие периоды развития научных связей. Но сейчас эти связи разорваны. Надо сказать, что у нас нет настоящих добрососедских взаимоотношений. Иран одно из тех государств, где большое внимание уделяется развитию науки и именно поэтому на нас накладываются санкции, например, в энергетической сфере. Мы готовы с соседними государствами иметь очень тесные связи в сфере научных разработок и исследований.

В конце своего выступления хочу несколько слов сказать об Афганистане. Те проблемы и процессы, которые идут в современном Афганистане, мы должны оценивать именно с точки зрения восприятия самих афганцев. Мы должны как бы дистанцироваться от той картинки событий и процессов в Афганистане, которую нам навязывают США, и именно реальную действительность понять и уяснить для себя. Мы как соседи Афганистана должны больше на эту тему разговаривать друг с другом и обмениваться информацией. Главное наше требование от нынешней власти талибов – это создание в стране коалиционного правительства, у которого было бы понимание относительно ситуации и дальнейшего развития страны и единомыслие в этом плане. Разумно и логично, чтобы все соседи Афганистана поняли это и содействовали афганской власти в решении этой проблемы.

И последняя тема, на которой мне бы хотелось остановиться, это ислам. В интеллектуальных кругах ислам – это та тема, которая сейчас вызывает многочисленные споры. Это касается не самой сути ислама, а неправильного понимания такого комплексного явления, как ислам. Мы должны разделить три темы, говоря об исламе. Ислам и исламская идентичность, исламский радикализм и злоупотребление исламом в международной политике. Что касается исламской идентичности, в ней прежде всего основное внимание уделяется морали, нравственности, связям между народами и взаимопониманию. Распространения такого ислама никто не должен бояться. Что касается исламского радикализма, это напрямую не связано с сутью ислама. Это не идеологический вопрос. Самая радикальная страна на сегодняшний день в мире – это США. Все основные проблемы нашего большого региона – это Грузия, Афганистан, Украина, Ирак и Ливия – они все напрямую связаны с американский радикализм. Развитие радикализма в исламских стра-

нах, то есть исламский радикализм, напрямую связан с проблемами политики, экономики и социальной структуры. И третья проблема – это злоупотребление исламом на уровне международных отношений. Самый яркий пример – это усиление и укрепление «Исламского государства» (ИГ или ИГИЛ, запрещено в РФ). Мы видим, что под флагами этой структуры представители и мусульманских и не мусульманских народов направляются в разные точки, в частности на север Афганистана, где они выступают против тех процессов, которые идут в этом регионе.

Последнее мое предложение. Очень прошу, думайте больше о таком понимании добрососедства, как оно должно выражаться и пишите по этой проблематике. Именно соседство – это понимание намного выше, чем этнос и даже выше, чем религия. Это очень важная проблема для всего нашего региона. Посмотрите, сегодня Иран и Армения имеют очень хорошие добрые отношения. У нас и религиозные противоречия, мы представляем разные этносы, но в основу наших отношений положен именно принцип разумного добрососедства.

Н.М. Ахметова,

генеральный директор

международной консультационной компании «FORESIGHT»

(Киргизия)

ЕАЭС и экономический прагматизм: поиск компромиссов

Когда Киргизия присоединилась к ЕАЭС, то полностью поддержал заявленные цели этой организации. В первую очередь, это цели стабильного развития экономики и повышения доходов населения, формирования общего единого рынка товаров и услуг, движения капиталов и трудовых ресурсов. Соответственно, вопрос модернизации экономики только приветствовался. Опять же повторюсь. Как непосредственный участник переговорного процесса, Киргизия полностью поддержала заявленные цели, несмотря на то что мы очень сильно боялись разности наших экономик. Экономика нашей республики небольшая, мы очень сильно отличаемся от экономики России, Казахстана и Белоруссии как крупных игроков. Поэтому в разных наших программах, в первую очередь в условиях присоединения, Киргизия попыталась защитить себя и найти те условия, которые помогут поднять уровень национальной экономики. Был создан такой ресурс, как российско-киргизский фонд – фонд развития, который также должен был помочь модернизировать экономику страны по условиям евразийской экономической интеграции.

Но в силу определенных причин сегодня мы можем сказать, что, к сожалению, структурных изменений в

экономике Киргизии не произошло. Не говоря о рынке трудовых ресурсов, там вопросы были решены положительно. Больше хочу обратиться к экономике. Мы же экономический союз. За этот период времени было много объективных и субъективных причин, опять же пандемия, которые помешали росту экономики. Но вместе с тем можно сказать, что именно усилий одного государства для модернизации собственной экономики в условиях региональной интеграции недостаточно. Это очень сложно. Предыдущие выступающие, говорили о том, что процесс должен быть обоюдным, но, к сожалению, воли крупных игроков нашего союза на практике было недостаточно.

В собственных национальных программах мы конечно же защищаем свои национальные интересы. Мы заявили о том, что принцип прагматичности является основой для формирования внутренней и внешней политики. Но как же тогда быть с Союзом? С одной стороны, мы подрываем доверие населения, которое когда-то поддержало идею интеграции и ждет на этом основании повышения своих доходов. Но этого не происходит. С другой стороны, мы можем говорить о том, что национальные интересы превалят. Мы всегда говорим о том, что это пройдет. Большие страны рассматривают присоединение как инструмент, но мы же говорим об общей региональной экономике. Как же наша общая конкурентоспособность, не отдельных экономик, а именно конкурентоспособность Союза? Мы все видим, что наша конкурентоспособность невысокая. Конечно, можно привести один пример по рынку продовольственных товаров. По оценкам экспертов, объем рынка в совокупности составляет порядка 22-28 млрд. долл. Из них мы покрываем наши потребности только на 30%.. По данному вопросу можно сказать, что только Российская Федерация за последние два года смогла выйти на уровень экспортера. А как же остальные страны? У нас же есть свои достаточно

сильные стороны, но это почему-то в рамках Союза очень мало используется, а наши региональные соседи обращают на это очень пристальное внимание. Они не только рассматривают нас как транзитную страну для провоза собственных продовольственных товаров, но и достаточно серьезно рассматривают создание агрокластеров уже на территории нашей страны. Если принимать во внимание, что крупные транспортные проекты в регионе осуществляют за счет китайских кредитов, то КНР – это не только вторая экономика в мире, но и наш сосед. Это же основной кредитор стран Центральной Азии и поэтому все проекты сосредоточены вокруг транспорта.

Опять же, в рамках Союза мы говорим о том, что нам необходимо сопряжение, но его нет. Хотелось бы обратить внимание на то, что государства Центральной Азии являются странами, где появляется не только интерес китайской стороны, но и очень много западных проектов. И эти проекты очень сильно активизировались в последнее время. С этой точки зрения, возникает вопрос: будем ли мы развивать нашу интеграцию вместе? То есть не в бюрократическом формате, а в рамках более проектного подхода. Мне, как человеку, работающему в поле, хотелось бы сказать о том, что ситуация в Киргизии такова, что мы вынуждены смотреть в разные стороны. У нас очень много накопившихся проблем, в том числе и в системе управления. Ситуация, в которой мы сейчас находимся, говорит о том, что в стране возникает очень много центробежных сил. И с этим нужно каким-то образом считаться.

Второй аспект, на который мне хотелось обратить внимание, это обострение конфликтов в регионе. Ситуация с Афганистаном, киргизско-таджикские пограничные конфликты, из-за которых население покидает эти территории. В данном случае инструменты ЕАЭС не работают, хотя, когда мы говорим о нашей международной повестке, она достаточно широкая. Именно

механизмы зоны свободной торговли позволяют на практике создавать условия не только для развития приграничных территорий, но и для продвижения товаров в сторону Таджикистана, Пакистана и Ирана.

Посмотрим принятые документы, например, декларацию по дальнейшему развитию евразийской интеграции 2018 года, принятые основные стратегические направления развития Союза. Однако все изложенные в них задачи, так или иначе, были прописаны в договоре 2014 года. И спустя семь лет мы говорим о том, что будем это делать, а время идет. Поэтому нам всем все-таки необходимо определиться, будем ли мы продвигать вопросы интеграции в практическом поле. Это очень важно, то, чего, к сожалению, не хватает в последнее время.

И чтобы не утомлять вас дискуссией по этому вопросу, мне бы хотелось предложить следующее. Нам необходимо создать некий центр проектного управления, который будет работать с конкретными проектами. Кроме того, эти проекты должны быть в таких отраслях, как энергетика. Если мы возвращаемся к Центральной Азии, то именно водно-энергетический комплекс дает возможности для регионального развития, экспорта электроэнергии в Южную Азию. Поэтому нам нужно уже поработать в практической плоскости. Может быть, слишком резко говорю о том, что интеграция заявлена де-юре, но фактически продвигается очень медленно, но у Кыргызстана, к сожалению, времени нет. 8 лет – это может быть в какой-то степени возможно и приемлемо для Республики Беларусь, но для Киргизии это очень много. Процессы в республике проходят очень быстро, поэтому сейчас для нас очень важны конкретные проекты и их продвижение.

Также очень важно обратить внимание на гуманитарные процессы. Экономические проекты должны обеспечивать и развитие человеческих ресурсов. Могут сказать, что постсоветское поколение уходит, с новым

поколением уже в рамках евразийства мало кто работает, а если принимать во внимание проекты в сфере образования других стран, то в Киргизии складывается ситуация, что они направлены в другую сторону. Примечательно, что западные проекты работают даже в какой-то степени на опережение именно в сфере образования и развития человеческих ресурсов. Например, мы говорим о том, что Киргизия очень сильно связана с Российской Федерацией. Практически миллион нашего населения, так или иначе, находится на территории РФ. Но сейчас в Киргизии запущены проекты по переориентации молодого поколения в сторону других стран. В первую очередь это Европа и Азия. Насколько известно, первые лица, которые включены в «черный список» в России, являются целевой аудиторией для этих новых проектов. Поэтому особое внимание нужно уделить связям проектов в экономическом поле с гуманитарными, и тогда мы будем говорить о некой практической стороне нашей интеграции.

Н.В. Андропова привела цитату нашего классика: «Политика является концентрированным выражением экономики». Поэтому, если мы экономический союз, то нам необходимо четко работать в подготовке конкретных экономических программ.

Секция 1.
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ЕВРАЗИЙСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ:
ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В.И. Сажин,

старший научный сотрудник сектора Ирана
Института востоковедения РАН,
кандидат исторических наук
(Россия)

Проблемы безопасности на Южном Кавказе (на примере ирано-азербайджанских отношений)

Тема моего выступления связана Исламской Республикой Иран (ИРИ), у которой возникла серьезная напряженность не только на границе с Азербайджаном, но и вообще в отношениях этих двух государств.

Ровно год назад закончилась кровопролитная 44-дневная война между Азербайджаном и Арменией, причиной которой была многолетняя неурегулированность карабахской проблемы. Тогда за спинами воюющих сторон гласно и негласно стояли две крупнейших державы региона: Турция, открыто поддерживавшая Азербайджан, и Иран, занимавший официально нейтральную, но реально проармянскую позицию. Победа была, как мы знаем, на стороне Азербайджана, что дало Баку возможность переформировать расклад сил в Нагорном Карабахе и, соответственно, изменить его политическую карту в свою пользу. В силу этого некоторые коммуникации, ранее связывающие Иран с Арменией и Карабахом, перешли под контроль Азербайджана.

Безусловно, коллизии вокруг транспортных проблем, которые решаемы даже не на самом высоком уровне, являются лишь поводом для Тегерана начать психологическое наступление на Баку. Причины более

глубокие, они масштабные, и я бы назвал экзистенционально-имиджевые, затрагивающие важнейшие вопросы позиционирования Ирана в регионе, в мире, на основе идеологической доктрины хомейнизма или неошиизма. Военно-политическая ситуация на Южном Кавказе в последние месяцы развивалась не по планам Тегерана. Виновником такого положения в иранской столице определили не только Азербайджан, но и в первую очередь Турцию, и, конечно, Израиль.

Турция, оказавшая существенную идеологическую, политическую и военную помощь Азербайджану в войне с Арменией, стала военно-политическим союзником Баку. Подписание президентами Азербайджана и Турции 15 июня 2021 года Шушинской декларации официально зафиксировала союзнические отношения двух стран под лозунгом «одна нация, два государства».

Новая ситуация в Южном Кавказе позволила Анкаре приступить к выполнению плана по созданию системы транспортных коммуникаций по маршруту Турция – Азербайджанская Нахичеванская Автономная Республика – основная территория Азербайджана, а далее Каспийское море и республики Центральной Азии (туркоязычные, кроме Таджикистана). Это явная заявка на формирование пантюркийского Великого Турана.

Тегеран больше волнуют не глобалистские проекты президента Турции Реджепа Эрдогана, а его активная наступательная политика близ ИРИ. Ввод в строй Зангезурского коридора создаст условия для турецко-азербайджанского контроля, в том числе и военного, на всей северо-западной границе Исламской республики Иран. Более того, будет взят под контроль Анкары и Баку транзит товаров и энергоресурсов из Ирана через Армению, далее на север. Это, несомненно, ослабит военно-политические и торгово-экономические позиции ИРИ, в первую очередь в Кавказском регионе. В Азербайджане уже начались масштабные работы по

созданию Зангезурского коридора. Строится железная дорога и шоссе, возводятся аэропорты. Баку считает, что года через два путь будет готов к эксплуатации.

Израиль – это вечный враг Исламской Республики Иран, который, по мнению Тегерана, всегда виновен во всех его бедах. И кавказская проблема стоит в том же ряду. Иран обвинил Азербайджан в тесных связях с сионистским режимом, стремящемся использовать территорию республики для борьбы с ИРИ. В Баку уже более пяти лет функционирует израильское посольство. Открытие посольства Азербайджанской Республики в Израиле до сих пор не состоялось. Правда, несколько месяцев назад Азербайджан официально открыл торговое представительство с дипломатическим статусом в Тель-Авиве. И это, как считают специалисты, может быть первым шагом к открытию полноценного посольства. Тем более после того, как Израиль заключил дипломатические отношения с рядом арабских государств.

Баку имеет хорошие деловые отношения с Иерусалимом. В Азербайджане работают десятки израильских компаний и фирм. Израиль опережает Иран по объему торговли с Азербайджаном. Товарооборот между Азербайджаном и Израилем в 2019 году достиг 1,4 млрд долл., но сократился из-за пандемии в 2020 году до 636 млн долл. (14-е месте в списке всех торговых партнеров Азербайджана). А ирано-азербайджанский оборот в 2020 году составил менее 500 млн долл., то есть соседний Азербайджан торгует с Ираном на достаточно низком уровне, а в то же время как Израиль и Азербайджан торгуют в гораздо большем объеме. Тем более, что Израиль – это 9 млн чел. населения, а Иран – это 82 млн чел., что говорит о большой разнице в масштабах. При этом Израиль является вторым по закупкам нефти из Азербайджана. В свою очередь, Азербайджан, по данным Стокгольмского института исследования проблем мира, занимает третье место в закупках у Израиля оружия и боевой техники.

Между Азербайджаном и Израилем существуют масштабное военно-техническое сотрудничество (ВТС), что не отрицают ни израильтяне, ни азербайджанцы. Оно началось в 2004 году, когда был заключен контракт на поставку израильского оружия, произведенного в Турции. Затем ВТС развивался быстрыми темпами в рамках оборонного контракта размером в 1 млрд. 600 млн. долл., заключенным в 2011 году. Азербайджан производит беспилотные летательные аппараты (БПЛА) по израильской технологии. Иерусалим обеспечивает Баку средствами противовоздушной обороны (ПВО) и другой самой современной военной техникой. Причем все возрастающие объемы ВТС не попадают в официальную статистику товарооборота двух стран, который по своим показателям и так уже вывел Азербайджан в лидеры среди мусульманских стран – партнеров Израиля.

В последние годы Азербайджан закупил в Израиле БПЛА различных модификаций, включая тактические барражирующие боеприпасы (дроны-камикадзе последнего поколения SkyStriker), а затем современные средства противоракетной обороны Arrow-3, предназначенный для борьбы с крылатыми ракетами и баллистическими целями, а также другую военную технику. Такие массивные закупки были результатом достигнутых ранее военно-политических договоренностей. При этом следует учитывать, что Израиль не продает передовое оружие друзьям Ирана.

Примечательно также, что еще несколько лет назад стороны договорились об обмене разведанными. В этой связи обращает на себя внимание одно высказывание президента Азербайджана Ильхама Алиева. В американской дипломатической переписке 2009 года, опубликованной известной компанией WikiLeaks, приводится цитата И. Алиева, охарактеризовавшего азербайджано-израильские отношения как айсберг, ⁹/₁₀ которого скрыто под водой. Представляется, что это очень-очень волнует Тегеран.

Как считают в ИРИ, израильские спецслужбы ведут тайные операции против нее, в том числе через территорию Азербайджана. Кроме того, по мнению Ирана, в Азербайджане находится около 1 тыс. израильских боевиков.

Иран опасается того, что Израиль создаст форпост на севере Ирана, а заодно и базу для ведения разведки, проведения спецопераций и удара по ядерным объектам Исламской Республики. Дополнительную напряженность в ирано-азербайджанские отношения создал бывший конгрессмен США Элиот Энгельс. Он недавно заявил, что «Израиль намерен использовать военные базы Азербайджана для нанесения ударов по ядерным объектам Ирана в случае необходимости, и Азербайджан согласится на это».

Азербайджан отвергает звучащие в его адрес обвинения о привлечении израильских сил в Кавказский регион и расположение их вблизи границы с Ираном, требует доказательств этого. В Баку утверждают, что на границе израильтян нет. Но они могут быть, например, в Баку. Посол Израиля в России Александр Бен Цви назвал сообщения о якобы присутствии израильских военных в Карабахе абсолютной глупостью.

В таких условиях Иран, недовольный создавшейся на Южном Кавказе военно-политической обстановкой (по сути, это провал кавказской политики Исламской Республики Иран), решил продемонстрировать силу. Так, 1 октября 2021 года Иран начал крупномасштабные военные учения на границе с Нахичевани. К этим учениям были привлечены бронетанковые части, артиллерия, реактивные системы залпового огня, подразделения ракетных войск, авиация, системы радиоэлектронной борьбы. Подобных масштабов военные учения никогда не проводились в Исламской Республике Иран на границе с Азербайджаном. Примечательно, что эти учения получили кодовое наименование «Покорители Хайбара» в честь битвы при

Хайбаре в 629 году, где войска пророка Мухаммада нанесли поражение иудеям.

Из Тегерана продолжали поступать угрожающие заявления. Так, депутат Меджлиса (парламента ИРИ) Ахмади Бигаш заявил: «Если турецкая авантюра и поведение Азербайджана продолжится, то мы вернем Нахичевань и Нагорный Карабах к их главному владельцу – Ирану». Однако, несмотря на столь жесткие заявления, Баку не стал испытывать тревоги. Более того, 5 октября Азербайджан и Турция начали совместные военные учения «Нерушимое братство – 2021» в Нахичеванской Автономной Республике, на границе с Турцией и Арменией. В маневрах участвуют войска специального назначения, авиация, мотострелковые и другие подразделения двух стран.

В Министерстве национальной обороны Турции пообещали поддерживать Азербайджан в рамках концепции «Два государства, одна нация». Безусловно, это азербайджанско-турецкий ответ на крупномасштабные маневры сухопутных войск Ирана вблизи азербайджанских границ.

Одновременно с учениями «Нерушимое братство – 2021» в Грузии проходили другие учения «Eternity – 2021», в которых принимали участие Турция вместе с Грузией и Азербайджан. Эти командно-штабные учения сопровождалось компьютерным моделированием и продолжались до 8 октября.

Не менее важным в военном сотрудничестве трех стран стала встреча министров обороны Азербайджана, Турции и Грузии, которые обсудили вопросы региональной безопасности, направления оборонного сотрудничества и планы на будущее. Министры в своих заявлениях подчеркивали стратегический характер отношений трех стран. В итоге переговоров был подписан трехсторонний документ о сотрудничестве.

Исходя из такого анализа обстановки вокруг нынешней напряженности, можно констатировать, что она чрезвычайно опасна. В первую очередь возможны непред-

виденные случайности, которые вполне могут произойти на таких масштабных и синхронных учениях противостоящих сторон. В частности, во время учений в ИРИ иранский вертолет Super Cobra случайно атаковал свои собственные позиции, и три иранских солдата погибли.

Однако все же говорить сегодня об осуществлении прямых наступательных действий одной из сторон было бы некорректно. Азербайджанско-турецкому альянсу, который в последний год значительно укрепил свои политические, военные, и, будем говорить, географические позиции в регионе, совершенно нет смысла начинать войну. История в целом развивается по их плану и в их интересах. С другой стороны, Иран озабочен многими проблемами, связанными с Кавказом. Они для Ирана носят и военный, и политический, и экономический, и имиджевый характер. К ним можно отнести региональное усиление главного конкурента – Турции, якобы присутствие ненавистного Израиля, явный уход от шиитского влияния все более независимого Азербайджана. И это не говоря об идее экспорта Исламской Революции, которая присутствует всегда в политике Ирана. И Азербайджан ранее был главным ее объектом, поскольку и там проживают шииты. Но у северных азербайджанцев и у иранских азербайджанцев совершенно разная национальная психология. И это создает неприятные ощущения в Тегеране.

Происходит реальное отстранение Ирана от роли главного вершителя судеб на Кавказе, когда-то полностью находившемся под его властью. Действительно, в свое время Кавказ был частью Персидской империи. Поэтому под давлением существующих проблем Тегеран готов прибегнуть к силе, о чем заявляют некоторые иранские парламентарии. Но нынешний расклад сил не способствует силовым решениям. В Тегеране прекрасно понимают, что вести боевые действия против Азербайджана один на один не придется. Союзническая Турция, имеющая вторую по численности армию

в НАТО, обладает самыми современными средствами ведения войны.

Нельзя забывать, что Турция – член НАТО. В соответствии со статьей 5 Вашингтонского договора, страны – члены НАТО будут всегда оказывать помощь друг другу в случае нападения. Поэтому конфликт Ирана с Турцией вовлечет в него и другие страны НАТО, прежде всего, США, которые с большим удовольствием под предлогом защиты Турции решат иранскую проблему.

В Тегеране, по всей видимости, не забывают и этнический состав Ирана. По оценкам специалистов, в ИРИ проживает, по разным данным, от 15 до 35 млн. этнических азербайджанцев. Вести войну против Азербайджана и Турции, имея за спиной миллионы азербайджанцев, неперспективно.

Таким образом, сегодня на Южном Кавказе сложилась чрезвычайно взрывоопасная ситуация, грозящая неожиданными самопроизвольными агрессивными актами, способными привести к непредсказуемым последствиям. Однако, как показывает приведенный анализ, можно с большей долей уверенности констатировать, что широкомасштабных боевых действий в Кавказском регионе не предвидится. При этом процесс качественных и количественных изменений в кавказской политике ИРИ будет продолжаться.

В этой связи представляется положительным, что недавно министры иностранных дел Ирана и Азербайджана провели переговоры, которые могут стать началом урегулирования этой сложной проблемы. Идеальным вариантом для смягчения обстановки на Южном Кавказе, укрепления безопасности, была бы активная плодотворная деятельность, предложенная министром иностранных дел Сергеем Лавровым в рамках группы 3 + 3, с участием Армении, Азербайджана, Грузии, с одной стороны, и с другой – наиболее активными и традиционными игроками на Кавказе – Россией, Турцией и Ираном.

Б.М. Волхонский,

доцент Института стран Азии и Африки

МГУ им. М.В. Ломоносова,

кандидат филологических наук

(Россия)

О перспективах взаимодействия России и Индии в процессах евразийской интеграции

В начале своего выступления хотел бы отметить две проблемы, которые мешают вовлечению Индии в евразийскую интеграцию. Одной проблеме столько же лет, сколько и независимой Индии – это проблема индийско-пакистанских взаимоотношений. Второй проблеме тоже уже почти полвека – это ситуация в Афганистане, которая меняется далеко не всегда в лучшую сторону.

Существуют два подхода к интеграции: убрать барьеры и развивать кооперацию и потенциалы стран-участников. Что касается потенциалов России и Индии, то, безусловно, они таковы, что обе стороны могут предложить друг другу довольно много. Что касается барьеров, причем не только политические и правовые, но и географические. Их устранение в ближайшее время не представляется возможным.

Говоря о Международном транспортном коридоре (МТК) «Север – Юг», нужно понимать, что эта идея возникла тогда, когда потребовалось обойти барьеры, существующие в отношениях между Индией и Пакистаном. А ситуация в Афганистане остается непредсказуемой. Прямой путь между Индией и Южной и Центральной Азией, и дальше в Северную Евразию

лежит через эти две страны. Но прямой путь по многим причинам невозможен, поэтому приходится его обходить. Для этого и был замыслен МТК «Север – Юг», который до сих пор не заработал в полную силу.

В отношении Афганистане, как мне представляется, России занимает выжидательную позицию. А ситуация там по многим признакам ухудшается, потому что туда съезжаются неподвластные талибам террористы из других мест: Ирака и Сирии. В Афганистане усиливается радикальная организация «Исламское государство». В самом движении «Талибан» (запрещено в РФ) верх берут силы, связанные с радикальной сетью Хаккани. Эта ситуация требует проактивных действий со стороны всех заинтересованных сторон, в том числе стран-соседей, потому что просто сидеть и ждать чрезвычайно опасно.

По этой проблеме позиция Индии остается резко антиталибской. Хотя есть некоторые признаки того, что какие-то контакты налаживаются. В частности, в итоге состоялись переговоры между послом Индии и представителем политического офиса движения «Талибан» в Дохе. Но возникает вопрос: насколько этот политический офис представляет сейчас реальную власть талибов? Как мне представляется, афганская проблема будет осложнять взаимодействие России и Индии в дальнейшем.

Фактически наиболее сильным интеграционным проектом на пространстве Евразии остается китайская инициатива «Пояс и путь». Какие-то страны участвуют в ней более активно, какие-то менее активно, где-то возникает некоторое недостаточно четкое взаимодействие между, например, Казахстаном и Россией (дорожную сеть подвели к границе РФ, современной автодороги с российской стороны нет). В Нью-Дели отрицательно относятся к этому проекту. Год назад на встрече глав государств ШОС Индия воздержалась при голосовании в итоговой резолюции, которая выражала поддержку в инициативе «Пояс и путь».

Помимо этого пандемия новой коронавирусной инфекции изменила миропорядок, и мы теперь не знаем, как с этим справиться. На мой взгляд, пандемия стала катализатором тех процессов, которые зрели гораздо раньше. А может быть, и поводом для того, чтобы эти процессы в некоторой степени завуалировать. В первую очередь, потерю роли глобального лидера со стороны, прежде всего, США, и глобального Запада в целом. Это провал глобализационных проектов, которые совершались под эгидой глобального Запада. И теперь мы оказываемся в ситуации, когда понятно, что многие интеграционные проекты начинают замедляться. Не говоря уже о проблемах, которые возникли в Европейском союзе: выход из него Великобритании, противоречия Брюсселя с Варшавой и Будапештом, но это выходит за круг проблем, которые рассматриваются на конференции. Это и взаимоотношения между двумя берегами Атлантического океана, что еще дальше от тематики нашей конференции. Обюрокращивание многих международных институтов, начиная от Всемирного антидопингового агентства (WADA), которое диктует свои нормы поведения странам-участницам, до Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), которая занимается фактически тем же самым во время пандемии коронавируса.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: что должно прийти на смену этому буксующему глобалистскому порядку? Возможно, некоторые страны готовы замкнуться на собственных проблемах, и, одержимые автаркией (самообеспеченностью), придут на смену глобальному управлению. С другой стороны, существуют неплохо работающие механизмы, которые могли бы стать базой для развития нового мирового порядка. И здесь России и Индии принадлежит ведущая роль, прежде всего, в ШОС. Должны создаваться или расширяться уже существующие региональные группы (объединения), в которых важна роль субрегиональных

групп. Последние, близкие друг другу страны, могут сформировать некое ядро для механизма взаимодействия. В этом отношении перспективным направлением, на котором Индия могла бы сыграть роль в рамках ШОС, является налаживание мостов для сотрудничества с такими международными объединениями как АСЕАН. У России это не в центре внимания, но даже в настоящее время этот механизм работает вполне успешно. Сделать так, чтобы ни та, ни другая организация не поглощали друг друга, не объединялись в некую надрегиональную структуру, а именно налаживали взаимодействия. У Индии есть политика, которая раньше называлась Look East («Взгляд на Восток»), сейчас она называется Act East («Действия на Востоке»). Эта политика выражает заинтересованность Нью-Дели в установлении связей с Юго-Восточной Азией, странами, входящими в Азиатско-Тихоокеанский регион. Поэтому в налаживании механизмов взаимодействия ШОС, ЕАЭС, и АСЕАН Россия и Индией могли бы объединить усилия, чтобы создать некую новую модель взаимодействия в этом регионе мира.

Ранее в Москве говорили о Евразии от Лиссабона до Владивостока. Но в силу, во-первых, внутренних причин в ЕС, во-вторых, некоторых сложностей во взаимоотношениях между Россией и ЕС, было логично заменить «Евразию от Лиссабона до Владивостока» на «Евразия от Мурманска до Сингапура».

И.Е. Федорова,
старший научный сотрудник сектора Ирана
Института востоковедения РАН,
кандидат исторических наук
(Россия)

Иран и страны Южной Азии: возможности и перспективы сотрудничества

В своем докладе предлагаю уделить внимание двухсторонним отношениям Ирана и стран Южной Азии потому, что они являются базой для установления региональной кооперации. И если будут иметь место серьезные проблемы на уровне двухсторонних отношений, то и региональная интеграция на евразийском пространстве будет усложняться.

И для Ирана, и для стран Южной Азии большое значение имеют двухсторонние отношения, потому что Индия – это де-факто ядерная страна, обладающая большим экономическим потенциалом. Какие факторы способствуют развитию отношений между Ираном и Индией? Прежде всего, приход нового президента Эбрахима (Ибрагима) Раиси в ИРИ к власти и его очередной поворот на Восток. Причина этого заключается в том, что прозападная политика президента Хасана Роухани потерпела поражение. И в той обстановке для Ирана важно развивать отношения со странами Востока.

Способствует развитию таких отношений и экономика, потому что именно Иран является естественным геоэкономическим поставщиком энергоносителей во всю Южную Азию, в частности в Индию и Пакистан.

Последние страны испытывают постоянный энергодефицит, который мог бы покрываться Исламской Республикой Иран.

Еще один фактор, который способствует сотрудничеству между Ираном и Индией – это борьба с терроризмом, в первую очередь с радикальной организацией Исламского государства Витайет Хорасан (структурное подразделение радикальной организации «Исламское государство», признанное в РФ террористической). Как было объявлено, в его территорию входят часть Индии, Ирана и Пакистана.

Другой фактор – это ситуация в Афганистане, потому что отсутствие стабильности, возможное возникновение гражданской войны в этой стране рассматриваются представителями стран как прямая угроза их национальной безопасности. Это и поток беженцев, и возможность непредвиденных военных конфликтов, даже непреднамеренны, случайно вызванные военные конфликты на границе третьих стран.

Иран заинтересован в укреплении отношений с Пакистаном, потому что с ним тоже возможно хорошее экономическое сотрудничество и совместная координация действий по ситуации в Афганистане. Однако на фоне таких возможностей имеют место и очень большие проблемы в отношениях между названными государствами.

Экономическому сотрудничеству Ирана с Индией мешает санкционный режим США. И тот факт, что индийские компании в основном соблюдают тот санкционный режим, привело к существенному снижению двустороннего товарооборота. С апреля 2018 года по январь 2019 года он составлял 13,5 млрд. долл., а за следующий год (с апреля 2019 года по январь 2020 года) – уменьшился до 10,4 млрд. долл., в первую очередь по причине резкого сокращения экспорта иранской нефти из-за санкций США. В тоже время экономическое сотрудничество между Пакистаном и Ираном практи-

чески не развивается и едва дотягивает до 1 млрд. долл. ввиду серьезной зависимости Пакистана от Саудовской Аравии, регионального соперника ИРИ.

Еще один фактор, который мешает сотрудничеству Ирана и Пакистана – это действия религиозных националистических группировок, которые активно ведут свою работу в иранской провинции Систан и Белуджистан соседнем пакистанском Белуджистане. Так, группировка Джейш аль-Адль совершает террористические атаки в Иране, который обвиняет в бездействии силовые структуры Пакистана. С другой стороны, Пакистан тоже обвиняет Иран в том, что белуджские сепаратистские группировки, например, «Армия освобождения Белуджистана», действует с территории Ирана.

В результате вывода войск иностранной коалиции из Афганистана влияние Индии на эту страну существенно сократилось. И там еще более активно стала действовать Китайская Народная Республика (КНР), а также другие внешнеполитические игроки, в первую очередь Пакистан. Поэтому Индия заинтересована в том, чтобы найти партнеров по диалогу и по действиям в Афганистане. И одним из таких партнеров рассматривается ИРИ. Интересы этих двух стран по Афганистану совпадают: противодействие терроризму, создание инклюзивного правительства, в которое бы входили представители различных этнических, национальных и религиозных группировок. Подходы же Тегерана и Исламабада к урегулированию ситуации в Афганистане не совпадают. В частности, Иран осудил действия талибов и поддерживающий талибов Пакистан, что произошло после визита руководителя пакистанской Межведомственной разведки (ISI) в афганскую провинцию Панджшер, где осуществлялись активные военные действия против талибов.

Для укрепления взаимодействия Ирана со странами Южной Азии необходимо, во-первых, в экономической

области – меньше уделять внимания влиянию внешних игроков, а в первую очередь США и Саудовской Аравии. Во-вторых, в области борьбы с терроризмом необходим более тесный диалог между представителями оборонных ведомств (пока он ведется только между Ираном и Индией на уровне советов по национальной безопасности). Расширение такого диалога за счет Пакистана поможет и в борьбе с терроризмом.

Таким образом, укрепление двухсторонних отношений во всех сферах между государствами региона – это основа для региональной интеграции и совместной работы в рамках международных организаций. Потому что именно работа в ШОС и других организациях, которые охватывают регион, базируется на развитии двухсторонних отношений. Хотелось бы надеяться, что в этом направлении Иран и страны Южной Азии будут действовать активно, что поможет решить проблемы региона.

Э.Э. Полетаев,

руководитель дискуссионного клуба «Мир Евразии»
(Казахстан)

Афганский вызов для Казахстана: меры безопасности, сопряжение усилий и гуманитарная дипломатия

В начале своего выступления хотелось бы отметить, что 15 октября 2021 года проходит заседание глав государств СНГ в режиме видеоконференции. На этом мероприятии президент России В. Путин заявил об обеспокоенности ситуации в Афганистане, которая несет риски для стран Центральной Азии и всего пространства СНГ. И даже несмотря на то, что некоторые страны находятся в стороне от этого региона, ситуация требует активизации совместных усилий ввиду концентрации вблизи стран СНГ экстремистских и террористических группировок.

И В. Путин, и президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев на этом заседании говорили, что не нужно торопиться с официальным признанием движения «Талибан» (запрещено в РФ). В частности, Касым-Жомарт Токаев сказал, что страны СНГ не должны оставлять Афганистан, а Казахстан разделяет позицию ООН по этой проблеме. И в фокусе внимания Афганистана должно находиться все мировое сообщество. И хотя казахстанская внешняя политика формируется в г. Нур-Султан, именно в Алматы открыта миссия ООН по содействию Афганистану.

Нужно обратить внимание, что в Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы, которая была утверждена 6 марта 2020 года, в числе приоритетов региональной многосторонней дипломатии был указан пункт 4.1 – придание хабу ООН в г. Алматы статуса межрегионального центра ООН, и содействие его деятельности в государствах Центральной Азии и Афганистана. Эта концепция оказалась частично реализованной через полтора года.

Именно Республика Казахстан (РК) в Центральной Азии уделяет афганской проблематике системное, а не конъюнктурное значение. Наша страна всегда серьезно относилась к формированию собственного имиджа за рубежом. На эти цели Казахстан ежегодно выделяет 50 млн. долл. На самом деле, эта сумма снижена, если учесть бюджеты посольств и некоторых других организаций РК.

Кроме того, в 2017–2018 годах Казахстан участвовал в работе Совета Безопасности (СБ) ООН в качестве непостоянного члена. Впервые среди государств Центральной Азии. Председательство РК в СБ ООН тогда было связано с Афганистаном. Этой же проблеме были посвящены и заявления бывшего тогда президентом Нурсултана Назарбаева. Он говорил, что выступает за скорейшее возвращение к мирной жизни Афганистана.

В июле 2021 года президент Касым-Жомарт Токаев утвердил Основные направления государственной политики по официальной помощи развитию (ОПР) на 2021–2025 годы. Там указано, что государства Центральной Азии и Афганистан будут находиться в фокусе географических приоритетов оказания ОПР.

Кроме того, в Казахстане создано агентство, подведомственное Министерству иностранных дел – это некоммерческое акционерное общество «Казахстанское агентство по международному развитию (KazAID)» со 100% -м участием государства (аналог американского USAID). И, в отличие от американского USAID, фокус

внимания KazAID сосредоточен на Центральной Азии и Афганистане. Как следствие, по некоторым показателям Казахстан от получателя помощи фактически перешел к статусу государства-донора. KazAID – это первая организация «Официальной помощи развитию» среди стран Центральной Азии. Ее финансирование будет осуществляться не только из бюджета страны, но и за счет частных пожертвований и в рамках государственно-частного партнерства.

Фактически Казахстан Афганистану и не только ему уже более 20 лет оказывается помощь, на которую уже потрачено более 500 млн. долл. Появление KazAID означает систему в такой работе, ее институционализацию. Это нужно и в рамках продвижения имиджа республики.

По данным на 2020 год товарооборот между Казахстаном и Афганистаном составил около 600 млн. долл., что для Казахстана не так много. При этом, во-первых, доминирует экспорт Казахстана в Афганистан. Помимо этого, РК оказывает значительную и не только финансовую Афганистану. Еще до создания KazAID Казахстан инвестировал в человеческий капитал Афганистана. Так, в 2009 году по инициативе Н. Назарбаева из нефтяных доходов были выделены средства на обучение около 1 тыс. афганцев в казахстанских университетах. Первоначально эту программу планировалось продлить до 2022 года, но этому помешали ситуация в Афганистане и пандемийные ограничения. Хотя часть афганцев продолжает учиться в алматинских вузах. Это осуществляется в рамках государственной программы «Казахстан – Афганистан». По ней обучались полицейские, пограничники, учителя и представители других специальностей. Помимо этого РК оказывает гуманитарную помощь в виде поставок продовольственных товаров, нефтепродуктов, смазочных материалов и оборудования.

В вопросах безопасности необходимо обратить внимание на следующие вопросы.

1) Влияет ли дестабилизация в Афганистане на Казахстан и другие страны Центральной Азии?

На мой взгляд, о принципиальной дестабилизации речь пока не идет, потому что это все-таки другой регион. Это не Большая Центральная Азия (американский проект) или Пакистан, Афганистан, плюс пять стран ЦА. Нужно признать, что за годы существования в рамках Российской империи, затем СССР, ментальные, политические, и другие особенности продолжают разделять Афганистан и Центральноазиатский регион.

2) Формирует ли победа талибов риски для безопасности в Центральноазиатском регионе?

Для начала это зависит от географической близости. Для Таджикистана и Казахстана эти риски проявляются в разной степени, потому что от южной точки Казахстана до Афганистана 800 км, а Таджикистан имеет с ним общую границу. Тем не менее, Афганистан сейчас способствует региональной консолидации стран Центральноазиатского региона. Об этом свидетельствуют и встречи президентов наших стран в последние месяцы.

На протяжении последних 30 лет нежелание считать эту страну частью Центральной Азии поддерживало общерегиональную внешнеполитическую повестку. Однако подходы к оценке и роли Афганистана сейчас меняются. Другая в этой стране стала и внутривнутриполитическая ситуация. Но каких-то радикальных, прорывных решений по этой проблеме страны Центральной Азии не предлагают.

3) Возможна ли в нынешних условиях реализация экономических проектов с участием Афганистана?

Существуют две точки зрения. С одной стороны, реализация экономических проектов требует гарантий безопасности, так как никто не будет инвестировать в нестабильные территории. С другой стороны – как достигнуть стабильности, если экономическая ситуация в Афганистане ухудшается? При этом разные внешнеполитические игроки имеют в этой стране разные

интересы. Как следствие, быстрого результата пока ждать по Афганистану не стоит.

4) Решат ли талибы наступать на страны Центральной Азии?

Ситуация существенно обострилась в связи с таджикской проблематикой. И чем дальше от Афганистана находится то или иное государство, то оно более жестко начинает давать оценки происходящему в этой стране. Они, например, страны ЕС, настаивают на более суровых моральных принципах. А соседи Афганистана выражают надежду на сотрудничество с ним. Тем более, что у них существует взаимный товарооборот и контакты налажены.

Тем не менее, самым жесткий критиком движения «Талибан» оказался президент Таджикистана Эмомали Рахмон. Казалось бы, это соседняя страна. В Афганистане почти четверть населения – этнические таджики, которые негативно относятся к талибам. В результате Э. Рахмон стал самым популярным центральноазиатским президентом на Западе, несмотря на неизбежный транзит высшей власти в этой стране.

Странам СНГ, ЕАЭС и ОДКБ приходится учитывать такую таджикскую позицию. Тем более, что Э. Рахмон сам воевал с талибами в период гражданской войны, по итогам которой стал президентом Республики Таджикистан (РТ). По сути дела, его спасли таджики, поэтому Э. Рахмон стоит не только за таджиков в Афганистане, но и за себя как за политика.

Но вряд ли талибы начнут наступление в Центральную Азию. Это больше алармизм. Со времен Российской империи граница с Афганистаном достаточно жестко контролировалась, и это наследие остается и сейчас. Во всяком случае, пограничные группировки в том же Узбекистане, Туркменистане и Таджикистане наиболее боеспособные как раз со стороны Афганистана.

Не нужно забывать о 201-й российской военной базе в Таджикистане. ОДКБ проводят совместные учения.

Причем с привлечением Узбекистана, который не собирается возвращаться в ОДКБ. Его армия считается сильнейшей в регионе.

Ситуация в Афганистане напоминает то, что происходит внутри герметичного афганского казана. При этом талибам в первую очередь нужно получить легитимность. В 1990-е годы их официально признали только Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия и Пакистан. Сейчас и этого не произошло. Как следствие, страны постсоветского пространства присматриваются к талибам и не принимают каких-то решений. Но важно сохранить торговлю. По объему двустороннего товарооборота для Афганистана Казахстан – это четвертое по важности государство (8% всего афганского экспорта). И большая часть этого экспорта представляет собой зерно и муку, то есть основу рациона местных жителей, которых почти 40 млн. Поэтому торговля Афганистана с Казахстаном представляет собой очень важную социальную значимость. Казахстан, со своей стороны, неоднократно на разных международных площадках призывал поддерживать Афганистан. Сейчас на заседании глав государств СНГ, ранее на саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). В РК проходило и заседание представителей съезда мировых религий, где также обсуждалась афганская тематика.

Существует опасения, что радикалы, находящиеся сейчас в Афганистане, будут вмешиваться во внутриполитическую ситуацию в странах ЦА. В боевых действиях в Сирии участвовало достаточно много выходцев из наших республик, в том числе из Казахстана. Тем более, что талибы и казахи – это сунниты, они придерживаются ханафитского мазхаба. И такие опасения имеют место, несмотря на наличие государственных программ по противодействию экстремизму и терроризму. Однако талибам сейчас важнее закрепиться и легитимизировать себя.

В целом, хотелось бы отметить, что в афганской проблематике больше нужно слушать бизнес. А построение необходимой инфраструктуры – это задача афганского государства, которое всегда справлялось с этим вопросом при помощи внешних партнеров. Советский Союз построил автодорожный тоннель Саланг, чем наладил коммуникации внутри страны. Американцы строили дороги. Тем не менее, это не учитывало местную специфику. В итоге Афганистан страдает феноменом выученной беспомощности. Именно поэтому талибы так легко в условиях определенного равнодушия пришли к власти, несмотря на наличие подготовленной и хорошо вооруженной американцами армии, которая разбежалась вместе с президентом Ашрафом Гани.

В отношении Афганистана нужно действовать, как строители дорог, которые сначала смотрят, где люди протаптывают тропинки, а только потом туда кладут асфальт. А пока получается все наоборот. Политикам в первую очередь важно знать, кто за что будет платить, то есть почувствовать вкус бюджета (США вложили в Афганистан около 1 трлн. долл.). И сейчас главный вопрос не только в том, будет война дальше или нет, перекинется ли нестабильность на соседние государства или нет, а кто будет платить за Афганистан дальше, если США ушли. Может быть, это будет Китай. Надеюсь, что это не будут страны СНГ, у нас не очень большие финансовые возможности.

Как непосредственный участник террористических событий в 2011 года, когда работал редактором казахстанского представительства российской газеты «Известия» и житель 3-го микрорайона (старый район г. Алматы), могу сообщить, что не смог проехать к собственному дому, потому что силовыми структурами РК часть микрорайона была перекрыта, все въезды. Тогда впервые было официально признано наличие террористического акта в Казахстане – это был теракт в г. Актобе (Западный Казахстан).

В 3-м микрорайоне Алматы несколько людей, вооруженных автоматами, снимали квартиру. Казахские неподготовленные спецслужбы использовали некачественные бронежилеты, которые оказались пробиты. Тогда при ликвидации радикалов погибло несколько казахстанских силовиков. Был создан внешний периметр ограждения, но из дома, где скрывались радикалы, жителей даже не выселили. Поэтому затем у местных жителей возникли значительные психологические проблемы.

Вторая волна борьбы с актами терроризма в РК была в 2016–2017 годах. После этого в республике стало спокойнее. Тогда ввели цветовую дифференциацию уровней террористической опасности, и какое-то непродолжительное время (год или два) во всех публикациях эту информацию. В целом сейчас Алматы беспокоят совершенно другие проблемы, в первую очередь урбанизации. Недавно она стала двухмиллионником, а реально, учитывая агломерацию, от 2,5 до 3,0 млн. чел. Как следствие, дорожные пробки, нехватка жилья, рост цен, низкие заработные платы, криминал, который несут приезжие. Но это бытовой криминал, а не терроризм.

С.А. Притчин,

старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований
ИМЭМО им Е.М. Примакова РАН,
кандидат исторических наук
(Россия)

Перспективы российско-азербайджанского сотрудничества

Мое мнение – это позиция российского эксперта, который давно занимается Азербайджаном, поэтому в большей степени понимаю логику развития событий и позицию Баку на международной арене. И в обосновании, например, иранской позиции по Азербайджану. Не все понимают и какие транспортные коридоры будут создаваться. Так, в девятом пункте заявления о перемирии от 10 ноября 2020 года прописано: «Разблокируются все экономические и транспортные связи в регионе. Республика Армения гарантирует безопасность транспортного сообщения между западными районами Азербайджанской Республики и Нахичеванской Автономной Республикой с целью организации беспрепятственного движения граждан, транспортных средств и грузов в обоих направлениях. Контроль за транспортным сообщением осуществляют органы Пограничной службы ФСБ России».

В принципе, это приблизительно такой же зеркальный принцип, который существует в отношении Лачинского коридора: азербайджанские военные гарантируют связь между Карабахом и Арменией, но безопасность обеспечивают российские миротворцы.

Все остальное – это попытка порою Азербайджана добиться хоть каких-то подвижек в урегулировании.

Уже прошел почти год с окончания второй войны в Нагорном Карабахе. Но по очень многим позициям, например, по транспорту, даже нет понимания того, куда будет развиваться ситуация. Азербайджан строит дороги и окончил строительство аэропорта в Физули, а с армянской стороны до сих пор спорят, какую дорогу мы все-таки откроем и по какому принципу. Это в азербайджанском обществе, в политической элите вызывает определенное недовольство, поэтому выстраивается публично максималистская позиция, но она используется как давление на Ереван.

По моим ощущениям, несмотря на то, что Азербайджан бо льшую часть вопросов для себя решил в отношении Карабаха и азербайджанских районов, армяно-азербайджанские отношения стали более уязвимыми и более зависимыми от внешних факторов. Аналогичная ситуация наблюдается и в российско-армянских отношениях, потому что слишком много других факторов влияют на двухсторонние контакты. Если говорить о перспективах отношений России и Азербайджана, то многое будет зависеть от имплементации заявления о перемирии от 10 ноября 2020 года. Любая остановка в имплементации какого-либо пункта вызывает недовольство азербайджанского руководства. Это отражается в СМИ в виде претензий по каким-то вопросам в отношении России, что наносит определенный урон двусторонним отношениям.

Подобная динамика наблюдается и в российско-армянских отношениях. Они также очень сильно влияют на характер российско-азербайджанских отношений. Так, любые новые договоренности по поставкам Армении вооружений, обсуждение возможности расширения российской военной базы в Гюмри моментально становятся предметом азербайджанского политического дискурса.

Нельзя не учитывать и турецкий фактор, потому что он во многом является определяющим. Турции традиционно было гораздо проще поддерживать Азербайджан и воспользоваться ситуацией, обусловленной стремлением Баку хоть каким-то образом преломить многолетнюю ситуацию в Нагорном Карабахе. И Турция максимально использовала эту ситуацию, нарастив там свое влияние и создав для себя много возможностей. Хотя и не пошла на развертывание в Азербайджане своих вооруженных сил. Хотя есть присутствие турецких военнослужащих в совместном с Россией мониторинговом центре, есть соглашение по размещению штабных офицеров, которые были и до второй войны в Нагорном Карабахе. Конечно, имеется турецкая авиационная компонента вблизи Баку с размещением на ротационной основе. Но это не полноценная турецкая военная база. Это больше инструмент давления на Армению. Тем не менее, фактор Турции очень существенен, и по этой причине Москва не заинтересована в дальнейшем ухудшении российско-азербайджанских отношений. Потому что любое изменение нынешнего статуса-кво, баланса сил между Арменией и Азербайджаном в отношениях с Россией создает возможность Анкаре навязывать Баку свое военное присутствие, еще более сильно.

Понятно, что азербайджано-турецкие отношения являются многоплановыми и включают в себя серьезную зависимость Баку от Анкары в экономике. Если посмотреть, то инвестиции Турции в Азербайджане гораздо меньше, чем азербайджанские в Турции. Они включают НПЗ STAR, который был запущен в 2020 году, это и компании по переработке нефти.

Ключевой экспорт нефти и природного газа из Азербайджана идет через Турцию. Именно поэтому Россия сегодня в какой-то степени даже является контригрокком, который позволяет Баку балансировать, чтобы не впасть в полную зависимость от Анкары. Представим

себе ситуацию, что по какой-то причине отношения испортились. У Азербайджана есть договор об использовании нефтепровода Баку – Новороссийск, который раньше использовался для строительства нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан в качестве резервного. И хотя нефтепровод через РФ имеет ограничения по объему, сам факт его наличия достаточно важен.

И хотя Турция максимально помогла Азербайджану во второй карабахской войне, Азербайджан хочет сохранить свой суверенитет. Это было целью внешней политики Гейдара Алиева, которую продолжает Ильхам Алиев. Для них контролировать внутреннюю политическую ситуацию в Азербайджане, быть автономным игроком – это важнейшая задача внешней и внутренней политики. И неудивительно, что Азербайджан является таким активным игроком в Движении присоединения.

Нужно еще раз подчеркнуть, что сейчас российско-азербайджанские отношения достаточно уязвимы. Так, недавно премьер-министр Армении Никол Пашинян встречался в России президентом В. Путиным. Эти переговоры продолжались три часа, после их проведения Н. Пашинян заявил о том, что Армения готова к открытию транспортных коридоров. По-видимому, речь идет о северной части такого коридора через территорию Республики Армения (РА), так как южный маршрут через так называемый Зангезурский коридор пересекает г. Мегри. Для Армении важно открыть северный маршрут, которая из Иджевана проходит через Ереван. Но с точки зрения экономики, нужно восстановить на юге железную дорогу, которая действовала в советское время. И Азербайджан готов в это инвестировать. В принципе, он не против открытия всех других транспортных коридоров, но для Баку важно иметь сухопутную связь с Нахичеванской Автономной Республикой.

Во всем остальном, уровень политического диалога между Москвой и Баку остается достаточно высоким.

Главы наших государств очень уважительно друг к другу относятся. Это важный инструмент сглаживания каких-то острых факторов в рамках двусторонних отношений.

В сфере экономики нужно учитывать, что у работающей в Азербайджане британской компании British Petroleum стратегия направлена на зеленую энергетику. И даже в тех странах, в которых они активно работают, у них действует внутренний запрет на инвестирование в новые нефтегазовые проекты. British Petroleum сокращает свои вложения в углеродные проекты. Соответственно, у Азербайджана не так много возможностей, потому что уже несколько лет американская компания ExxonMobil пытается продать свою долю в разработке месторождения Азери – Чираг – Гюнешли, в том числе ввиду невысокой там добычи. В таких условиях российская компания «Лукойл», у которого нет возможности развивать проекты в России на шельфе, разрабатывает каспийский кластер в Азербайджане. Помимо того, «Лукойл», скорее всего, будет ключевым оператором азербайджано-туркменского проекта «Достлуг». В результате «Лукойл» становится важным фактором для развития российско-азербайджанских отношений.

В.И. Белов,

профессор кафедры теории
и истории международных отношений РУДН,
доктор исторических наук
(Россия)

Стратегические вызовы безопасности Ирана на Ближнем и Среднем Востоке

Хотел начать с того, что Иран, и все болевые точки, которые есть на Ближнем Востоке, может быть, без Северной Африки, они, так или иначе, сопряжены друг с другом. От позиции этого государства достаточно многое зависит с точки зрения эффективности решений, которые предстоит найти при урегулировании конфликтных ситуаций. Мне видно и ближневосточный, и сирийский конфликт, и кризисные проблемы, проявленные в отдельных странах. Это беженцы, наркобизнес, терроризм, сепаратизм, разделенные народы, внутриконфессиональное соперничество в исламе, и проблемы Южного Кавказа, Афганистана и Центральной Азии, которые сейчас уже обсуждались. Поэтому Тегеран вынужден принимать не только внешнеполитические, но и внутривнутриполитические решения с учетом взаимопереплетения традиционных для этого огромного региона Юго-Западной Азии, и возникающих ситуаций глобализации новых проблемных полей.

Возникают и новые проблемные поля, и они формируются не только из-за того, что мир вступил в новую фазу развития, но и в силу того, что происходят в связи с этими потрясениями какие-то новые подвижки на

реальном пространстве данного региона. Мне кажется, существенные с точки зрения оценки того, как Иран должен оценивать возникающие риски, которые, как видите, взаимосвязаны и взаимообусловлены. Можно, наверное, даже предположить, что Нагорный Карабах неслучайно проявился именно в этот момент, который мы сейчас наблюдаем. Он не мог возникнуть годами раньше, видимо, по каким-то высшим законам.

Выделяю следующие основные геополитические вызовы. Геополитика, она сценарна, на пределе реализации она ведет к войне. Поэтому, когда мы говорим о геополитических вызовах для Ирана, мы говорим о вызовах безопасности и тех вызовах, которые реально сейчас оцениваются в Тегеране, когда он принимает свои решения. И здесь первое – это региональная безопасность, поиск альтернативы проектам новых границ в регионе. Куда более актуальная тема, куда более серьезный геополитический вызов. Здесь я бы выделил три направления деятельности Ирана.

Первое – антикризисная иранская дипломатия. Называю ее иранской дипломатией треугольников, которая все заметнее выстраивается по региональному принципу: это Индостан, Среднеазиатский регион, Кавказ, Ближний Восток.

Второе – это противостояние планам США по сдерживанию Ирана.

Третье – формирование устойчивой системы международной безопасности и сотрудничества в Евразии через активное участие в деятельности Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС). Здесь речь идет о том, что Иран нацелен на создание единого интегрированного экономического пространства на Ближнем и Среднем Востоке через знаменитую Организацию экономического сотрудничества (ОЭСР), участие в работе ССАГПЗ, Евроазиатском союзе, и ШОС в первую очередь.

Как представляется, стремясь к активному участию в масштабных евразийских проектах развития – здесь надо

назвать «Пояс и путь», – руководство ИРИ сделало ставку на создание, по сути, геополитической региональной группировки исламских государств, включая Афганистан, Пакистан, в союзе с Китаем и опорой на Индию.

В геоэкономическом отношении реализована модель каспийской звезды, которая как многолучевой хаб соединяет евразийские транспортные маршруты, включающие и Россию через МТК «Север – Юг».

Второй вызов – это проблема изоляции Ирана с севера и востока. И как раз здесь направлений действий три. Первое – сохранение выгодного для Ирана баланса сил на Южном Кавказе и в Центральной Азии в ситуации попыток формирования тюркского коридора между Турцией и Пакистаном через Азербайджан, Узбекистан и Афганистан, что грозит Ирану изоляцией с севера и востока, поскольку расширяет геополитическое влияние Турции и способствует расширению НАТО на Восток.

Второе. Организация усилий по стратегическому взаимодействию (это очень новое явление) со странами Центральной Азии и Южного Кавказа.

Третье, тоже очень новое направление – это попытка выйти на стратегическое партнерство с Китаем, Индией и Россией. И в этой связи отмечаю, что уже с 2013 года французская академия Сен-Сир в лице профессора [Тома] Флиши сделала предложение о готовности Ирана участвовать в воссоздании древнего союза между персидской и китайской цивилизациями периода Монгольской империи на основе окружения острова тюркской цивилизации от Турции до Монголии, и в целях противодействия усилиям США по разделенности этих трех стран. И в этом прагматическом союзе третьим участником Флиши видел Россию.

Сейчас западноевропейские аналитики пытаются вбросить тему имперскости и соответствующих необходимых, видимо, санкций против этих амбиций со стороны этих стран (Россия, Индия, Иран и Китай). Но, на

мой взгляд, на самом деле, это очередной фейк, потому что ни Китай не проводит политику имперского проникновения в Евразию, ни Россия, ни тем более Иран.

Наконец, третий большой вызов – это тема лидерства на Ближнем и Среднем Востоке (Юго-Западной Азии). Тоже проблемы глобализации и регионализации, потому что государства-гегемоны в регионе стали возможны только в условиях регионализации. Поэтому это проблема, которая имеет и теоретическое значение.

Какие направления деятельности предлагает Иран? Выстраивание новой системы безопасности в регионе в контексте решения проблемы Афганистана, урегулирования сирийского кризиса и ситуации в Ираке. Кстати, и сейчас дискуссии, которые ведутся, например, в американском Арабском центре по поводу будущего Ирака: «А будет ли новое правительство площадкой, способной для регионального соглашения в области региональной безопасности?». То есть сегодня тема региональной безопасности на Большом Ближнем Востоке оказывается, видимо, приоритетной после событий в Афганистане и бесславного ухода отсюда Соединенных Штатов.

Как представляется, ставка в этом направлении действий Ираном делается на создание геополитической региональной группировки исламских государств, включая Афганистан и Пакистан в союзе с Китаем и опорой на Индию. А в геоэкономическом отношении здесь будет реализована модель каспийской звезды.

Второе – это формирование стратегических треугольников «Иран – Китай – Россия» и так далее. Эта идея не нова. Она была высказана в 1997 году президентом Исламской Республики Иран Хашеми Рафсанджани. И пока Иран заключил отношения стратегического партнерства с Китаем в 2021 году только что. С Индией практически он вышел на уровень отношений стратегического партнерства. И уже в 2018 году на сайте Верховного лидера ИРИ была информация, что

президент России В.В. Путин, находясь с визитом в Иране, говорил о том, что Иран – стратегический партнер Российской Федерации. Хотя наши иранисты, и я в том числе, пока считаем, что есть только подходы к тому, чтобы выйти на этот уровень стратегического партнерства между Россией и Ираном. Поэтому треугольник, тем более стратегического партнерства по примеру «Россия – Индия – Китай», наверное, пока нереален.

Главным вызовом для всех вовлеченных в регион Юго-Западной Азии государств, и для ИРИ в том числе, является политика США, которые с 2006 года перешли от методов военно-политического проникновения к формированию отношений стратегического сотрудничества во всех сферах: экономика, торговля, – подчеркиваю, – образование, культура и так далее, что и было заявлено Дж. Байденом как новый курс и отказ от прямого военного вмешательства и продемонстрировано на примере Афганистана, но не Сирии.

Думаю, если это будет продолжаться и политика Дж. Байдена будет реализована, в том числе в русле так называемой концепции, связанной с развитием внутреннего потенциала Соединенных Штатов, то тогда произойдет переоценка всех ценностей, которые сегодня значимы при принятии региональных решений. И мне кажется, что Иран видит эту перспективу и готовит себя для того, чтобы отреагировать должным образом на возникающую ситуацию.

Подводя итоги, в целом сегодня перед Россией, перед международным сообществом, которое входит в этот круг региональных акторов, стоит задача формирования системных многоуровневых, многоаспектных отношений с Ираном, необходимую преемственность углубления уровней отношений в системе «внешний мир – Иран». Это возможно обеспечить, на мой взгляд, лишь через совместное взаимовыгодное и равноправное участие в реализации статусных евразийских технологических, инфраструктурных и торговых проектов.

А.Г. Гаджиев,
научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего
и Среднего Востока Института востоковедения РАН,
кандидат исторических наук
(Россия)

Тюркский совет во внешней политике Турции

В настоящее время концептуальная основа турецкой внешнеполитической стратегии находится в стадии очередного периода трансформации, то есть формируется новая турецкая внешняя политика. Официального названия и текстового оформления у нее пока нет, но есть ряд публикаций ведущих турецких аналитических центров, в которых осуществлена попытка осмысления ее целей и задач, основополагающих принципов, ключевых положений и приоритетных направлений.

Одним из главных следует считать материал, изданный Фондом политических, экономических и социальных исследований (SETA) под названием «В процессе глобальных перемен. Большая стратегия Турции». В качестве основной цели в работе ведущего мозгового центра страны провозглашается обеспечение долгосрочных интересов Турции и создание вокруг нее такой реальности, в которой она смогла бы занять сильное место в новом посттурбулентном мире. По мнению автора материала, новая позиция Турции должна основываться на сдерживающей военной силе страны. Таким образом, в основе формирующейся турецкой внешнеполитической концепции, условно названной «Большой стратегией Турции», лежит стремление расширить зону турецкого военно-политического влияния.

Сегодня мы видим, что турки обеспечили себе военное присутствие на достаточно обширной территории от Азербайджана, Афганистана, Северного Ирака и Сирии, до Катара, Ливии и Сомали. Свое присутствие сами турки объясняют тезисом о том, что оборона Турции начинается с дальних рубежей. Это, в свою очередь, восходит к натовской стратегии передовой обороны. Конечно, турецкая трактовка этой стратегии сильно отличается от натовской интерпретации. В турецком понимании, передовая оборона – это защита турецких национальных интересов на дальних подступах. В то же время в Турции нет однозначного понимания относительно инструментария и способов реализации данной стратегии. Не вдаваясь во внутренние турецкие споры, можно выделить три основные интерпретации стратегии передовой обороны, которые являются ключевыми в новой концепции Турции.

Первую из них в своей книге «Стратегическая глубина» представил Ахмет Давутоглу в контексте концепции «ноль проблем с соседями». Вторую изложил адмирал Рамазан Джем Гюрдениз в своей работе под названием «Труды о Голубой Родине». Третья интерпретация – это синтез идей А. Давутоглу и Р.Д. Гюрдениза, который стал проявляться с 2015 года, а именно после создания альянса правящей «Партии справедливости и развития» с «Партией националистического движения». По мнению А. Давутоглу, Турции для расширения своего влияния необходимо отойти от политики, где ее воспринимают в качестве моста между Западом и Востоком, Севером и Югом, Европой и Азией, христианским и мусульманским миром. Турции, по словам А. Давутоглу, необходимо стать моделью, на которую бы ориентировались страны региона с целью преобразования Большого ближневосточного региона (это не американский вариант Большого Ближнего Востока). Стратегическое значение Турции заключается не только в географическом месторасположении, но и

в ее способности интегрироваться с мировой системой. Тезисы А. Давутоглу легли в основу турецкой внешней политики в период с 2002 по 2015 год, что особенно проявившись во время событий так называемой арабской весны.

В свою очередь, доктрина «Голубая Родина» была впервые изложена в июне 2006 года адмиралом Р.Д. Гюрденизом во время симпозиума в командном центре военно-морских сил Турции. Главная идея этой доктрины заключается в обеспечении морского превосходства Турции в восточной части Средиземного моря, Персидском заливе и Красном море, с опорой на создаваемые турецкие военно-морские базы. Это, по мнению Р.Д. Гюрдениза, должно привести и к расширению морской юрисдикции Турции.

Согласно доктрины «Голубой Родины», существует три жизненно важных аспекта безопасности турецкой геополитики в Средиземном море. Первое – это проблема с Грецией, и, соответственно, с ЕС относительно районов турецкой морской юрисдикции. Вторая – это потенциал независимого Курдистана со свободным доступом к Средиземному морю. И третье – это будущее Северного Кипра с геополитическими последствиями для Турции, особенно в отношении прав на гарантии безопасности. Следует отметить, что основная часть сторонников идеи «Голубой Родины» являются антизападниками, которые придерживаются евразийских взглядов.

В 2015 году стало наблюдаться слияние концепций А. Давутоглу и Р.Д. Гюрдениза. Поводом послужило то, что в результате парламентских выборов 7 июня 2015 года правящая «Партия справедливости и развития» утратила возможность формирования правительства в одиночку. Был создан народный альянс (Cumhur İttifakı) правящей партии и «Партии националистического движения». Партия Vatan («Родина» или «Отечество») поддержала этот союз. Усилились

позиции сторонников доктрины «Голубой Родины». В результате стала меняться турецкая внешняя и военная политика. Демократический дискурс (лозунги) сменялись на националистическую риторику. В турецкой общественно-политической жизни формировались новые связи и форматы взаимодействия, которые ранее казались невозможными. Политический ислам уже не воспринимался кемалистами и националистами в качестве главной угрозы. Возникло гибридное образование, которое на сегодняшний день состоит из неоосманистов-исламистов, националистов-консерваторов и левых кемалистов. Во внешней политике это привело к объединению некоторых тезисов «Стратегической глубины» с доктриной «Голубой Родины». Общей для одной и другой доктрин оказалась именно стратегия передовой обороны, то есть обеспечение безопасности государства на дальних рубежах. А. Давутоглу, например, в то время говорил, что оборона Стамбула начинается с Боснии, а оборона Эрзурума – с Грозного. Этим описывается и доктрина «Голубой Родины».

«Стратегическая глубина» А. Давутоглу в свое время критиковала республиканскую Турцию за ее чрезмерную осторожность во внешней политике. Такую же критику можно наблюдать и со стороны левых кемалистов. Оба лагеря сходятся в том, что считают «национальный обет» термином, сужающим внешнеполитические горизонты. Следовательно, турецкие внешнеполитические интересы должны простирается, по их мнению, далеко за территорию национального обета. И только в этом случае может быть обеспечена безопасность турецких границ и территории страны.

Наиболее демонстративным проявлением этой доктрины стал турецко-ливийский меморандум по разграничению морских зон на Средиземном море, подписанный 27 ноября 2019 года. Согласно данному документу, Турция и Ливия рассматриваются в качестве морских соседей, а морские границы между ними

проходят через область, которая не учитывает морские претензии греческих островов, включая Крит.

В 2020 году турецкие ВМС провели масштабные военные учения под кодовым названием «Голубая Родина». Р.Д. Гюрдениз считает, что республиканская Турция до сих пор чрезмерно мягко относилась к Греции. То же самое мы видим и у А. Давутоглу, который призывал к более решительным и жестким мерам по отношению к Греции и Кипру.

Аналогичное сейчас наблюдается в восточной части Средиземного моря, где осуществляется геологоразведочное бурение, чуть ли ни ежедневно нарушается греческое воздушное пространство. Это является одним из проявлений доктрины «Голубой Родины». Разумеется, что эта доктрина далека от теоретических разработок «Стратегической глубины», возможно, поэтому она не стала полностью заменять «Стратегическую глубину», а наполнила ее новым содержанием, изменив практически до неузнаваемости.

Новая политика Турции в области внешней политики и безопасности основывается на трех ключевых элементах:

а) милитаризация внешней политики, то есть выход на первый план военной силы, и, соответственно, ослабление роли дипломатии;

б) принятие за основу тезиса о том, что оборона Турции начинается за пределами турецких границ;

в) развитие военно-промышленного комплекса, способного надлежащим образом реализовать на практике взятые на вооружение внешнеполитические идеи. Во главу угла турецкой политики в области безопасности поставлена задача усиления турецкого военного присутствия за пределами турецких границ, и создание военных баз.

Сегодня правительство и правящая ПСР, создав альянс с левыми кемалистами и националистами-консерваторами, при помощи традиционных государственных механизмов пытается обеспечить региональное

лидерство республики, используя жесткую силу и военный инструментарий. В свою очередь, националистические или кемалистские круги используют появившиеся возможности сформированного альянса для продвижения с помощью Р. Эрдогана своих внешнеполитических идей и своей политики в области безопасности. Ужесточение позиций по курдской проблеме, проведение военных операций в Сирии, главным образом против прокурдских отрядов Народной самообороны, вмешательство в ситуацию в Ливии, создание военных баз, наращивание вооружения, активное использование радикальных исламистских группировок с целью снижения потерь в рядах турецкой армии в ходе проведения трансграничных либо военных операций. Все это вписывается именно в кемалистскую стратегию по повышению уровня безопасности Турецкого государства.

Однако нельзя сказать, что между Правительством, ПСР и левокемалистскими кругами царит полное взаимопонимание. Это в частности выражается как на египетском направлении, так и в политике Турции в отношении сирийского правительства. Данное обстоятельство является серьезной проблемой не только для Анкары, но и для ее партнеров.

Что касается Тюркского совета, то Турция намерена повысить статус данного объединения до уровня международной организации. Это позволяет, во-первых, использовать Совет в качестве козыря и элемента торга в диалоге с Россией, Китаем и Западом. Во-вторых, это дает возможность Анкаре заявить о себе на глобальной арене. В-третьих, возможность заручиться поддержкой по некоторым проблемам, в частности Нагорный Карабах, Кипра и некоторым другим. В-четвертых, формировать новые транспортные и энергетические узлы и коридоры, чтобы повысить свой статус как транзитного государства в глобальных коммуникациях.

Вместе с этим, имеется целый ряд проблем для интеграции Турции с тюркскими государствами:

1. У стран Тюркского совета нет общей повестки.

Если мы посмотрим на последний его саммит, который состоялся 31 марта 2021 года, то видим, что одна сторона сообщала о внутренних проблемах, другая призывала к глобальному диалогу (в частности Казахстан), третья – к региональному взаимодействию, четвертая – о необходимости поддержать турок-киприотов. В таких условиях говорить о выработке общей стратегии не приходится.

2. Отсутствие общих подходов к проблеме обеспечения региональной безопасности (существуют разногласия о том, на какие силы опираться в данном вопросе).

3. Центральноеазиатские государства не желают обрести нового старшего брата в лице Турции.

4. Очевиден разный экономический потенциал этих стран (ВВП Турции более чем в 2,5 раза больше, чем ВВП всех стран, которые входят в Тюркский совет, вместе взятых).

5. Отсутствует четкая стратегия по интеграции с созданием наднациональных институтов (это будет в виде Лиги арабских государств, ЕС).

6. Возрастает конкуренция между ключевыми игроками, то есть между Турцией и Казахстаном.

7. Отсутствие сухопутных границ с Турцией.

8. Неучастие Туркменистана (участвует в работе Международной организации тюркской культуры (ТюрКСОЙ), но не стал присоединяться к Тюркскому совету или участвовать в каких-то его мероприятиях).

9. Экономики стран Тюркского совета не являются взаимодополняемыми (готова ли, например, Турция к поставкам из Центральной Азии рабочей силы, сельскохозяйственной продукции; в этом плане у РФ гораздо больше преимуществ, чем у Турецкой Республики).

10. Внешние игроки (региональные, глобальные), в том числе Россия, Китай, Иран, и также, наверное, США и ЕС не заинтересованы в дальнейшем углублении интеграционных процессов, основанных именно на этнической основе.

Конечно, у Р. Эрдогана есть проблемы со здоровьем, но нельзя сказать, что они критичны. Хотя была информация, что он ищет преемника. С этим могла быть связана информационная кампания по «очернению» деятельности министра внутренних дел Сулеймана Сойлу, которая проводилась в мае-июне 2021 года (именно он провозглашался главным преемником Р. Эрдогана). На данный момент трудно среди потенциально возможных преемников того, кого поддерживает Р. Эрдоган.

Не хватает и единства в турецкой правящей коалиции. Именно из-за этого многие влиятельные фигуры вышли из Партии националистического движения и создают собственные партии. В то же время указанная партия имеет устойчивый электорат из националистов с исламистским элементом. В связи с этим не нужно ожидать, что Народный альянс расколется. Пока партии, входящие в него, взаимодовлетворяют друг друга.

Н.Ф. Кислицына,

доцент кафедры Международные отношения
и геополитика транспорта Института международных транспортных
коммуникаций РУТ (МИИТ),
кандидат юридических наук
(Россия)

Меры нормативно-правового характера в борьбе с пандемией COVID-19 в рамках ЕАЭС

В рамках своего выступления уделю основное внимание правовым мерам, которые в течение 2019–2020 годов и позднее принимались в рамках ЕАЭС для того, чтобы стабилизировать ситуацию после возникновения пандемии COVID-19. Это необходимо потому, что действие государств в любом направлении экономического, социального и политического характера должно основываться на праве. В рамках международного публичного права есть достаточно давно устоявшийся термин, такой как кодификация или прогрессивное развитие. В данном случае вопрос, связанный с прогрессивным развитием, имеет очень важное значение.

Нужно исходить из того, что нормативно-правовая база в обязательном порядке должна не просто соответствовать тем событиям исторического, политического и экономического характера, не просто соответствовать тем тенденциям и трендам, которые есть сейчас, но и инновационного и научно-прогрессивного характера. Право должно, на мой взгляд, даже идти впереди. И если возникает ситуация, при которой есть определенный прорыв в экономике, политике и социально-культурных сферах, у нас есть прорыв в развитии

транспорта и его инфраструктуры, но нет должной правовой базы, которая неспособна регламентировать эти вопросы, то получается большой провал. И в какой-то момент возникнет негативная ситуация, которая может регрессировать все эти достижения, то есть процесс пойдет в обратную сторону. Поэтому на сегодняшний день даже в период пандемии COVID-19 и все те меры, которые предпринимаются государствами на всех уровнях должны соответствовать нормам международного регулирования. Как со стороны универсальных структур, как Организация Объединенных Наций. Так, и межправительственных организаций регионального уровня (ЕАЭС, ЕЭС, иные международные организации). Конечно, нельзя забывать и о национальном уровне, то есть в рамках каждого конкретного государства.

Проведем краткий анализ того, что за последние два года было разработано на правовом уровне в рамках органов ЕАЭС в контексте борьбы с пандемией COVID-19. Прежде всего, стоит обратить внимание на решение Высшего Евразийского экономического совета. В соответствии с Договором о ЕАЭС, который является учредительным документом данного регионального интеграционного объединения, решения этого органа являются приоритетными. А юридическая сила решений, постановлений этого органа – ключевой. В этих решениях было акцентировано внимание на основных ориентирах макроэкономической политики государств-членов ЕАЭС на 2020–2021 годы. В данном документе очень подробно, во-первых, дается оценка и статистические данные о том, какие были достижения в 2018–2019 годах. Так, по итогам 2019 года только в Киргизии наблюдалось небольшое превышение установленного уровня долга. Во всех государствах-членах ЕАЭС в 2019 году был отмечен экономический рост, положительная динамика в развитии промышленного сектора. При этом в 2019 году вырос спрос на продукцию. Следовательно, наблюдался прогресс в области экономики.

Отдельный раздел рассматриваемого документа был посвящен тем проблемам, с которыми столкнулись абсолютно все государства, все международное сообщество в 2020 году. Тогда ситуация в мировой экономике резко ухудшилась. Принятие необходимых мер по сдерживанию коронавирусной инфекции привело к сжатию экономической активности, обвалу мировых финансовых рынков, возникновению проблем с перевозками грузов и пассажиров, торможению мировой торговли и разрушению межстрановых цепочек создания добавленной стоимости.

Данный документ, во-первых, ярко иллюстрирует те проблемы, с которыми столкнулись государства-члены ЕАЭС. Во-вторых, в этом же документе четко прописываются все меры экономического и правового характера, которые должны быть отражены как в совместных правовых актах органов Евразийского экономического союза, и, безусловно, на национальном уровне всех государств-членов данного регионального интеграционного объединения.

Более того, 25 марта 2020 года было принято распоряжение Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) «О реализации мер, направленных на предотвращение распространения коронавирусной инфекции COVID-19». Не перечисляя все меры, о которых говорит ЕЭК, хочется акцентировать внимание на том, что все органы ЕАЭС отражают в своих документах правового характера. Так, чтобы предотвратить падение по нескольким направлениям в связи с пандемией, государства-участники должны были сконцентрировать свое внимание не только на каких-то узкоспециализированных направлениях, но видеть общую цель. В экономике должна быть определенная сдержанность, четко сформулированы цели и задачи, которые достигаются за этот период, сформулированы идеи, которые должны быть реализованы в финансово-таможенных сферах. И когда мы пересекаем границ, перевозим

груз или пассажиров, мы должны четко наладить действия, которые будут способствовать, по крайней мере, сдерживанию падения тех экономических рисков, тех проблем, на которые негативно влияет COVID-19.

Еще одним важным документом в рамках ЕАЭС является распоряжение Евразийского межправительственного совета, которое было принято 10 апреля 2020 года «О предпринимаемых в рамках Евразийского экономического союза мерах, направленных на обеспечение экономической стабильности в условиях развития пандемии коронавирусной инфекции COVID-19». И здесь уже в первых статьях речь идет о принятии срочных временных антикризисных и стабилизационных мерах.

Почему в самом начале своего выступления мной было упомянуто прогрессивное развитие? Дело в том, как и в первых же статьях Договора о ЕАЭС в этом документе четко зафиксирован правовой статус данного объединения: ЕАЭС – это международная организация региональной экономической интеграции. На мой взгляд, одно из ключевых звеньев и цепочек, которые поддерживают стабильность в экономике, во взаимодействии в экономической сфере между государствами, безусловно, является транспорт и его инфраструктура. К сожалению, пандемия COVID-19 очень жестко ударила именно по транспорту. Последний, считаю, странобразующей отраслью всех государств в отдельности и в целом в международном сообществе. Поэтому, сейчас все государства пытаются направить меры и правового, и иного характера, чтобы стабилизировать, улучшить, поднять объем перевозок, грузов и пассажиров. Особенно, если речь идет о доставке медикаментов. И когда возникает вопрос, как же нам доставить препараты, которые необходимы для лечения людей, то закрытие границ, усиление таможенных вопросов приводит к тому, что гибнут люди. Как следствие, право, экономика и транспорт между собой тесно взаимосвязаны.

Именно на уровне регионального и универсального сотрудничества, безусловно, всем государствам, представителям государств необходимо предпринимать эти достаточно срочные меры. И право должно быть гибким ко всем тем вызовам, с которыми сталкивается сейчас мировое сообщество.

О.М. Нессар,

старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН,
кандидат исторических наук
(Россия)

Состояние и перспективы изменения ситуации в Афганистане при талибах

В своем докладе сосредоточусь на нескольких моментах.

Во-первых, не могу не сказать о тех ошибках и просчетах, которые были допущены. Ведь то, что произошло 15 августа 2021 года, стало неожиданностью для всех, в том числе для руководства талибов. Во-вторых, представляет интерес вопрос о том, чем отличаются нынешние талибы и какие изменения произошли в движении «Талибан». Третье, возможный сценарий дальнейшего развития событий и несколько рекомендаций.

Ошибки стратегического характера и просчеты (тактические ошибки) можно разделить на две таких группы.

1) Одна из ошибок стратегического (фундаментального) характера. Это неучет реального уровня коррупции в Афганистане, в частности в армии. Ранее американцы заявляли, что афганская армия включает 350 тыс. военнослужащих. На самом деле, значительная часть из них – это виртуальные военнослужащие. Более того, афганская армия фактически превратилась в крупнейшего работодателя для сельского местного

населения, которое туда шло, чтобы что-то заработать. Тем не менее, американцы значительную часть этой помощи (до 75% в последние годы) выделяли на финансирование афганской армии, распределяя через нее финансовые средства местному населению. Как следствие, в афганской армии был крайне низкий моральный дух.

2) Из тактических просчетов, не обязательно США, можно отметить, что президент Ашраф Гани превратился в помеху на пути реализации мирного плана Соединенных Штатов. В последние месяцы он стал представлять реальную угрозу, потому что отказывается открыть дорогу для формирования коалиционного правительства. Вполне возможно, что американцы захотели каким-то образом на него оказать давление, поэтому не были приняты необходимые меры для того, чтобы предотвратить падение крупных городов. Считалось, что когда талибы возьмут некоторые крупные города, это подтолкнет А. Гани к формированию коалиционного правительства с талибами и афганскими другими политиками.

Однако все пошло иначе. Дело в том, что радикальная сеть Хаккани, близкая к пакистанской Межведомственной разведке, пошла на не согласованные с катарским офисом движения «Талибан» действия. И по тем фотографиям, которые были распространены катарским телеканалом «Аль-Джазира» в президентском дворце, это подтверждается. Фактически произошел переворот внутри движения «Талибан». Сеть Хаккани захватила Кабул, и до сих пор его контролирует.

Сеть Хаккани всегда присутствовала в руководящем совете движения «Талибан», ее влияние росло. В какой-то момент ее представители стали действовать самостоятельно, что ранее не исключалось. Эксперты всегда говорили, что существует риск военного захвата власти в движении «Талибан». Тем не менее, американцы пошли на риск, чтобы спасти мирный план.

Чем отличаются сегодняшние талибы от талибов 1990-х годов. Для понимания этого рассмотрим талибов как этнорелигиозную организацию, то есть отбрасывая террористическую составляющую. И смотрим, что происходит в контексте религиозном, а что в этническом. Конечно, на все это накладывает определенное влияние пребывание иностранных войск. В религиозном плане часто говорят (талибы это официально подтверждают), что они ханафиты. Это более умеренные, чем салафиты. Но сегодня в рядах талибов очень много салафитов. Талибы в этом отношении дали свободу своим полевым командирам. Последние, выступая в социальных сетях, не говорят, что они салафиты. Но по их высказываниям, и как они излагают свое мнение по тому или иному вопросу, видно, что они на самом деле салафиты.

Полагаю, что у талибов религиозная составляющая стала слабее. Помимо этого, талибам надо было мобилизовать большое количество населения для борьбы с афганским правительством, в том числе на севере страны. Поэтому они стали вовлекать в борьбу таджиков и узбеков. Религиозные требования к новым боевикам стали менее жесткими, чтобы привлекать людей. Отсюда и влияние этого фактора на этническую составляющую. Если раньше движение «Талибан» было монолитным (пуштунским), то в последние годы внутри движения этнический состав изменился.

Сегодня же, после захвата власти, талибы стоят перед выбором: вернуться к старому формату или оставить все так, как есть. Если оставить так, значит, надо делить власть. А они пока этого не хотят. Имеется недовольство уже в Бадахшане и Тахаре среди полевых командиров, потому что с ними не делятся властью. Более того, 14 октября поступило сообщение о том, что талибы создают некую комиссию по очистке от неугодных или недостойных людей. Возможно, что эта комиссия будет заниматься тем, чтобы сделать мо-

политным движение «Талибан». И теперь возникает вопрос: что будет с этими недовольными? Они пойдут в ИГ? Тем более салафиты как раз среди этих таджиков и узбеков.

Многие страны рассматривают талибов как борцов против ИГ, и они сами это чувствуют, что этим они симпатичны. Но, на самом деле, если посмотреть на ситуацию, ведь после 15 августа 2021 года, то произошла резкая активизация ИГ. Так, 20 атак зарегистрировано только официально в афганской провинции Кандагар. И большинство последних атак – против шиитов. Таким образом, ИГ пытается перевести вооруженный конфликт в религиозную плоскость. В Афганистане никогда, в отличие Сирии и Ирака, не было проблем между суннитами и шиитами. Если ИГ удастся столкнуть их, то ситуация станет похожа на то, что мы имели в Сирии и Ираке, а у ИГ появятся опорные точки в афганском обществе, и, скорее всего, внешняя поддержка.

Выделяю два сценария дальнейшего развития событий в Афганистане. Оптимистический сценарий заключается в том, что талибам удастся урегулировать ситуацию, в том числе при помощи Китая. Для Пекина важно, чтобы талибы контролировали всю страну, неважно как. Если им это удастся, то это один путь: заработают экономические проекты регионального уровня, Афганистан превратится в связующий мост. В этом заинтересован Пакистан, Китай, большая часть Центральной Азии. Возможно, это будет препятствовать другим проектам в Евразии.

Пессимистический сценарий: ИГ существенно усилит в стране свои позиции. Уже сейчас много недовольных таджиков и узбеков. Если к ним прибавятся еще и недовольные талибы, то ситуация станет совершенно иной. В результате, мы можем получить на территории Афганистана четыре вооруженных структуры: «Талибан», ИГ, «Северный альянс – 2» или Фронт нацио-

нального сопротивления и шиитская группировка из хазарейцев. Может быть, это будут ветераны дивизии «Фатемюн». И определенные заявления в этом отношении уже появляются.

В отношении рекомендаций. Во-первых, для многих стал неожиданным уровень международной координации. Ожидалось, что какие-то страны пойдут на признание талибов, например, Пакистан, Катар и Китай. Но они не пошли. Это результат международной координации. Более того, Катар сейчас стал жестче. Сложно сказать, удастся ли внешним игрокам сохранить этот уровень. Талибы рассчитывают на раскол внутри международного сообщества. Они прощупывают позицию Турции, Катара и других стран, чтобы найти разобщенность. Пока такой разобщенности нет.

Следует ожидать ужесточения санкционного режима со стороны США, их не стоит недооценивать. Американцы ушли из Афганистана, но все еще остаются сильным игроком. В частности, на последних переговорах в Дохе они дали четкий сигнал талибам, что могут ужесточить санкционный режим, и это коснется и всех других стран, которые будут сотрудничать или даже поставлять продовольствие в Афганистан.

По поводу позиции внешних игроков. Часто мы слышим такой термин как инклюзивное правительство. Но каждая страна закладывает в это понятие свое значение, у каждого игрока имеются к талибам собственные требования. Главное среди них – все хотят из талибов сделать не талибов, но последние хотят остаться талибами.

В принципе нельзя сказать, что в этом отношении прогресса нет. Потому что они сейчас сталкиваются с серьезными экономическими проблемами. И одно дело, быть какой-то группировкой, а другое дело – находиться у власти и нести ответственность, включая выплату зарплат. 13 октября и.о. министра иностранных дел талибов сказал, что им надо платить зарплату полу-

миллиону государственных служащих. А в афганских банках денег нет, активы Центрального банка страны в размере 9 млрд. долл. заморожены в США. Поэтому процесс смягчения позиции талибов, так или иначе, пойдет. Но задача международного сообщества на данном этапе состоит в том, чтобы уменьшить влияние радикального крыла движения «Талибан», усилить влияние муллы Абдула Барадара.

Перед захватом Кабула численность вооруженных формирований движения «Талибан» составляла порядка 70 тыс. боевиков. Нынешняя численность аналогичных формирований «Исламского государства» достигает 4 тыс., включая 2,5 тыс. на севере страны. Но их численность можем существенно вырасти.

Недавно выступил таджик из Фронта национального сопротивления. Он перечислили общие интересы ИГ и таджикского сопротивления. Они могут если не кооперироваться для свержения власти движения «Талибан», то, по крайней мере, не мешать друг другу. При этом следует учитывать, что таджики составляют порядка 30–35% населения страны. Однако перепись не проводилась уже 40 лет, поэтому эксперты вынуждены использовать в своих научных работах данные ЦРУ.

Турция – это амбициозное государство. И ее амбиции не ограничиваются Африкой, Кавказом, Центральной Азией, турки начинают заниматься и Афганистаном. 14 октября эту страну посетила делегация талибов. Скорее всего, Турция будет стараться наращивать свое влияние на Афганистан. И у нее уникальное положение. С одной стороны, является членом НАТО, а с другой – мусульманское государство, которое имеет очень хороший имидж в общественном сознании афганцев. Поэтому у Анкары все шансы стать в перспективе одним из ключевых игроков в Афганистане.

И в России, и в Центральной Азии часто так говорят, что уход США из Афганистана имел целью дальнейшую дестабилизацию в этом регионе. Однако на

самом деле, таких планов не было. Двадцать лет пребывания в Афганистане – это большой срок, и если бы у американцев были какие-то планы, они бы давно их реализовали. Может быть, в качестве периферийных и были такие планы, но они все свои планы провалили. Американцы могли оставаться, тратить деньги, но ничего не менять. Так продолжалось бы очень долго.

К. Хас,
эксперт по евразийской политике, политолог
(Турция)

Евразийское направление внешней политики Турции: приоритеты, риски и перспективы

Мне бы хотелось обсудить тему «Евразийское направление внешней политики Турции: приоритеты, риски и перспективы». Чтобы понять основные аспекты евразийского направления внешней политики Турции, необходимо, как мне представляется, коротко осветить некоторые важные моменты во внутренней обстановке страны.

С одной стороны, в Турции отмечается весьма противоречивая и агрессивная активность. С другой стороны, все указывает на то, что само государство разрушает себя изнутри и в экономическом, и в социальном, и, безусловно, в политическом измерении. Турецкая экономика ухудшается восьмой год подряд. Хотя существуют официальные данные о ее росте.

Если официально ВВП государства составляет 700 млрд. долл., то в реальности – всего 600 млрд. долл. Падает и ВВП на душу населения. Такая картина наблюдается впервые за 100-летнюю историю. Если в 2013 году ВВП на душу населения составлял 17,5 тыс. долл., а сейчас примерно 7 тыс. долл. Нет никаких признаков, что национальная экономика поправится в ближайшем будущем.

Восемь лет назад Турция была в «Большой двадцатке», так как по уровню экономике занимала 16-е

место в мире, то в 2021 году страна фактически вышла из «Большой двадцатки» по своим экономическим показателям.

По исследованиям независимых экономистов, инфляция в Турции превышает 40%. Потеря в турецкой лире по отношению к доллару колоссальна в последнее время. Валюта падает даже по отношению к афганскому афгани. Более того, именно турецкая лира – это самая стремительно падающая валюта в отношении американского доллара. За последние два года четыре раза менялся руководитель Центрального банка страны. Сейчас вновь обсуждается его возможное переназначение.

На фоне ухудшения экономики и деградации прав человека в стране сильно возрастает безработица и нарастает утечка мозгов. Только в 2020 году по сравнению с предыдущим количество покинувшей страну молодежи в процентном отношении выросло на 70%. Безработица среди молодежи составляет 44%.

Стоит сказать, что не только молодежь покидает страну, но и представители крупного бизнеса, инвесторы и интеллигенция.

В социальном плане стремительно усугубляется поляризация в обществе, увеличивается количество мигрантов из Сирии, Ирака и стран Африки. По официальным данным, количество беженцев в Турции составляет 4 млн. чел., а по неофициальным – 5 млн. К уже имеющемуся потоку мигрантов из соседних государств в последнее время добавился «новый афганский поток».

Все это создает большую напряженность у местного населения. Фактически наблюдается социальный коллапс. Цифры говорят сами за себя. Последние пять лет по официальным данным количество заключенных в Турции из-за деградации демократии в стране выросло почти в три раза и достигло 300 тыс. К 2023 году турецкое правительство поставило задачу строительства 228 новых тюрем.

Что касается политического аспекта, то рейтинги президента Р. Эрдогана постепенно падают. Его власть заметно пошатнулась на фоне ухудшения не только экономического, но и социального положения местного населения. Тема проблем со здоровьем Р. Эрдогана широко обсуждается как в самой Турции, так и за ее пределами. Если ранее факты о состоянии его здоровья умалчивались, то сегодня это уже невозможно скрывать.

Даже проправительственные компании по опросам общественного мнения показывают, что рейтинг Р. Эрдогана отстает от представителей оппозиционных сил. А в 2023 году предстоят президентские выборы в Турции. Очевидно, что Р. Эрдоган находится в самом слабом периоде за свое 19-летнее правление. Чем ближе выборы, тем более Турция открыта к любым провокациям со стороны властей как во внутренней, так и во внешней политике.

Безусловно, что внутренняя обстановка прямо влияет на стиль, приоритеты и характер проводимой внешней политики Анкары, в том числе и на евразийском направлении. Во внешней политике у Турции кроме Великобритании наблюдаются напряженные отношения со всеми ведущими странами мира. Можно с уверенностью говорить о том, что турецкая внешняя политика от Сирии, Ливии до Украины и Южного Кавказа работает преимущественно военными методами, то есть наблюдается ее милитаризация. Военные методы значительно опережают дипломатические. Несмотря на то, что Турция уже провела четыре военных операции в Сирии, в настоящее время руководство страны ищет возможность начать проведение пятой. На мой взгляд, Анкара неспособна конструктивно решить курдский вопрос внутри собственной страны. Однако, несмотря на это, турецкие власти пытаются заниматься вопросом курдов, например, в той же Сирии. Интернационализируя, таким образом, свой собственный курдский вопрос, а это, безусловно, не в интересах самой

Турции. Все это проходит на фоне очевидной проблемы радикальных и террористических группировок, что создает дополнительные напряженности в отношениях между Анкарой и Москвой. Уже третьи договоренности подписали Анкара и Москва по Идлибу.

Можно предположить, что турецкое руководство ожидает новый виток напряженности как с Россией, так и со США. Ситуация в Ливии и Восточном Средиземноморье также представляет для Анкары большие трудности. И пока результат вмешательства выглядит для Турции туманно.

С другой стороны, участие Турции во второй карабахской войне во многом отражало общую линию политики НАТО в отношении России. Стоит отметить, что расширение Трансатлантического альянса к границам РФ в последние годы идет именно за счет увеличения военной активности Турции на постсоветском пространстве. В этом контексте ситуация, сложившаяся в Нагорном Карабахе, это не единичный пример того, как Анкара в той или иной мере вплотную подступает к границам России. Уже несколько лет идет активный процесс военного сопряжения между Турцией и Украиной. Есть план по продаже новых 48 БПЛА Bayraktar TB2, из них в 2019 году уже 10 проданы. Идет процесс углубления сотрудничества двух стран в других направлениях военно-технического характера, как совместное производство БПЛА, двигателей и военных судов.

Принимая во внимание напряженность вокруг Донбасса и вовлеченность турецкого руководства по линии ВТС со странами Балтии и Польшей, а также учитывая ту роль, которую играет Анкара в Грузии и Азербайджане, можно предположить, что будет расширяться турецкое военное присутствие в этих регионах, что будет крайне негативно восприниматься в Москве.

Что касается ведущей организации Евразийского континента – ШОС, то Турция имеет в ней статус

партнера по диалогу с 2012 года. Но у Анкары нет достаточно доверительных отношений со многими странами-членами этой организации. Так, например, отношения с Китаем, одним из ведущих акторов ШОС, нельзя назвать радужными. Это в первую очередь обусловлено уйгурским вопросом. Факт, что турецкое руководство имеет крепкие отношения с джихадистскими группировками в Сирии, где воюют радикалы из Синьцзян-Уйгурского Автономного Района КНР, создает дополнительную напряженность в турецко-китайских отношениях.

С другой стороны, в теоретическом плане ШОС может играть важную и конструктивную роль в абсорбировании возрастающих из Афганистана угроз, учитывая то, что все соседи Афганистана, кроме Туркменистана, являются или, как Иран, в ближайшее время станут членами ШОС. Однако этого не удастся ввиду различий в подходах и отношения к движению «Талибан». А учитывая тот факт, что турецкое руководство имеет крепкие связи с джихадистскими группировками, возможность того, что Анкара может играть в какой-то степени дестабилизирующую роль в Афганистане и Центральноазиатском регионе, очень высока.

С другими членами ШОС, как, например, с Индией, у Турции также сложные отношения. Это, в первую очередь, обусловлено партнерскими отношениями Анкары и Исламабада, что создает дополнительное беспокойство у Нью-Дели. Приход «Талибана» к власти в Афганистане стал ударом для внешней политики Индии.

Укреплению турецко-индийского диалога не способствует и нынешняя деятельность Анкары в отношении Исламабада и Кабула. 14 октября 2022 года Турция стала первой страной-членом НАТО, которая приняла делегацию «Талибана» на высоком уровне. 15 октября талибы встретились с руководителем управления

религиозного института Diyanet (турецкий муфтият). Это создает напряженность в отношениях с Индией и негативно влияет на Южный Кавказ. Как известно, во время и после второй карабахской войны Индия поддерживала сторону Армении, а Турция и Пакистан – Азербайджана.

А также трудно говорить и о том, что существует взаимопонимание между Анкарой и Тегераном. Учитывая изменение геополитической конъюнктуры в итоге второй карабахской войны, именно Иран после Армении можно назвать самым недовольным государством. Логическим продолжением того, что Баку укрепляет свои позиции в регионе, становится усиление сепаратистских настроений в иранском Азербайджане. И это также играет на руку турецким властям. Сам факт того, что вместе с Израилем Турция в Азербайджане и Каспийском регионе проявляет свое военно-политическое присутствие, создает беспокойство как у России, так и у Ирана. Вдобавок этого вероятность снижения транзитной роли Ирана в случае открытого Нахичеванского транспортного коридора, и увеличение беспокойства со стороны тюркского мира. Ведь этот коридор может напрямую соединить Азербайджан и Турцию.

Полагаю, что в п. 9 трехстороннего соглашения о перемирии от 10 ноября 2020 года речь сначала идет о разблокировании всех экономических и транспортных связей в регионе. А только потом об Армении, поскольку она гарантирует безопасность транспортного сообщения между западным районом Азербайджанской Республики и Нахичеванем. Азербайджанская сторона пытается читать этот пункт со второго предложения.

Что касается Совета сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркского совета), то можно отметить тот факт, что в последние годы турецкое руководство больше всего акцентирует внимание на политической идентичности этой организации. Особенно заметно это стало после вступления в 2019 году в Тюркский

совет Узбекистана. Это создает дополнительную напряженность в отношениях с Россией, Китаем и Ираном. С другой стороны – Анкара, используя страхи центральноазиатских государств в отношении нового Афганистана, старается укрепить там свои военно-политические позиции. Только недавно в честь 30-й годовщины независимости Туркмении во время парада были продемонстрированы турецкие ударные БПЛА. Сейчас идут переговоры о возможной продаже этих БПЛА Казахстану и Киргизии.

Таким образом, во-первых, с уверенностью можно сказать, что, учитывая внутреннюю напряженную обстановку в стране, турецкое руководство будет чаще обращаться к военным методам и стараться увеличить свою военную активность во внешней политике в целом и на евразийском направлении в частности. Во многом это будет идти вразрез с интересами самой Турции. С другой стороны, очевидно, что само турецкое политическое руководство нуждается во внешнеполитических маневрах для сокрытия внутренних проблем. Однако желание и амбиции турецкого руководства не совпадают с его возможностями.

Во-вторых, военная активность Анкары идет параллельно с новыми инструментами во внешней политике государства. Это также создает напряженность и беспокойство. Здесь речь идет о различных джихадистских группировках, с которыми у турецкой политической элиты, и непосредственно руководства страны, взаимовыгодные отношения. Такие группировки используются как эффективный инструмент во внешней политике, что можно было наблюдать в Сирии, Ливии и других регионах мира.

Другой важный инструмент внешней политики Анкары – это частные военные компании, как SADAT. Они также имеют радикальный фон в своих действиях. По собственным заявлениям, SADAT предоставляет военную подготовку и консультации минимум в 22

преимущественно мусульманских странах мира. Интересно, что руководитель SADAT в прошлом имел звание генерал-майора, и в конце 1990-х годов был уволен из армии в связи со своими радикальными взглядами. Он же в недавнем прошлом был личным официальным советником президента Р. Эрдогана и непосредственным командиром нынешнего министра обороны Турции Хулуси Акара во время его службы в армии.

И, наконец, если объективно оценивать ситуацию, которую мы наблюдаем в турецкой внешней политике, особенно после так называемого переворота 2016 года, то вся внешняя политика Анкары очень гармонично вписывается в интересы Великобритании, которая недавно назвала Россию врагом № 1 в своей военной доктрине.

А.Г. Аршев,

эксперт аналитического центра «Фонд стратегической культуры»
(Россия)

«Тюркский мир» Реджепа Эрдогана в Стамбуле пытается «расширить горизонты»

12 ноября 2021 года в Стамбуле состоялся очередной, анонсированный еще в марте, восьмой Саммит глав государств учрежденного в 2009 году Совета сотрудничества тюркоязычных государств, известного как «Тюркский совет» (ТС). Для участия в мероприятии в город на берегах Босфора съехались президенты Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, а также глава правительства Венгрии Виктор Орбан и генеральный секретарь Тюркского совета Багдад Амреев. Впервые во встрече лидеров тюркоязычных государств поучаствовал президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов. «Вступление Туркменистана [пока – в статусе наблюдателя] в организацию завершит формирование нашей семьи. Добро пожаловать, Туркменистан», – возгласил, выступая накануне на заседании Совета министров иностранных дел ТС, министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу. А также он сообщил о планируемом изменении названия «Совета сотрудничества тюркоязычных стран» на «Организацию тюркоязычных государств».

Ключевым игроком на поле «тюркской интеграции» является, конечно, президент Турции Реджеп Эрдоган, переключившийся на пропаганду идей братства тюрков по всем миру по мере того, как начала явно блекнуть

и пробуксовывать идея всеобщего «мусульманского братства» от Марокко и Адриатики до Индонезии под водительством Ак-Сарая. За рамками эфемерных поисков «справедливости» в «мире больше пяти», «пантюрская» и «пантуранская» версии турецкого наднационального проекта традиционно исповедовались основанной Альпарсланом Тюркешем «Партии националистического движения» (ПНД) – ключевого союзника эрдогановской «Партии справедливости и развития» по правящей коалиции. Согласно мнению ряда экспертов, открытая поддержка Анкарой националистической группировки «Серые волки» (идеологически мотивированный молодежный боевой отряд «ПНД») свидетельствует об эволюции правящего турецкого режима в сторону большего радикализма и небезопасного для соседей авантюризма.

На этом фоне призывы к совместной борьбе со «всеми формами терроризма», а также с «исламофобией и ксенофобией, которые являются чумой нашего времени», представляются не более чем пропагандистским прикрытием агрессивного внешнеполитического курса и этнически обусловленных «двойных стандартов». Выступая на пленарном заседании саммита, Р. Эрдоган выразил также надежду на прием в ТС непризнанной «Турецкой Республики Северного Кипра», являющуюся, по его мнению, «неотъемлемой частью тюркского мира». Приняв председательство в ТС от Ильхама Алиева, турецкий лидер вручил прикаспийскому «брату» «Высший орден тюркского мира» за освобождение «оккупированных земель» в ходе военных действий против Нагорного Карабаха. Главы государств открыли новое здание Генерального секретариата организации. Помимо традиционных связей с Азербайджаном, качественно укрепившимся в период подготовки и активной фазы военных действий в Нагорном Карабахе, министр обороны Турции Хулуси Акар активно осваивает пространство Центральной Азии. Аналогично

Азербайджану, в Турции на постоянной основе проходят обучение будущие казахстанские военнослужащие младшего, среднего и высшего офицерского звена. Бойцы сил специального назначения Республики Казахстан повышают квалификацию в ходе учений на турецкой территории. А в начале лета власти Бишкека, также входящего в состав ОДКБ, подписали контракт на поставку турецких беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) «Байрактар».

Потенциал развития торговли между государствами с общим населением около 160 млн. чел.¹ глава Союза торговых палат и товарных бирж Турции Рифат Хисарджыклыоглу оценивает примерно в 1 трлн. долл. Для того, чтобы «показать миру нашу огромную силу», необходимо сперва «усилить экономическую интеграцию между странами». В свою очередь, глава турецкой дипломатии отметил значимость устранения барьеров на пути экономического сотрудничества стран – членов Совета. Не забыл он и о этнически мотивируемых трансграничных коммуникационных проектах, способствующих превращению Турции в макрорегиональный логистический хаб: «Транскаспийский торгово-транзитный коридор Восток – Запад будет укреплен Зангезурским коридором и будет способствовать благополучию всего тюркского мира».

Помимо традиционных вопросов регионального сотрудничества и перспектив «тюркских соединенных государств», не остались без внимания столь часто обсуждаемые в последнее время «зеленые технологии и умные города в цифровую эпоху». В связи с участившимися стихийными бедствиями, М. Чавушоглу предложил создать «Механизм гражданской защиты»

---

¹ В одном из презентационных роликов, как и в некоторых речах Р. Эрдогана говорится о «300-миллионном семействе» тюркских народов. Представляется, что столь значительный разброс в оценках коррелирует с уровнем геополитических фантазий и амбиций тех, кто их озвучивает.

для координации совместных усилий. Приняв Стамбульскую декларацию, главы государств утвердили и руководящий документ «Видение тюркского мира – 2040». Будучи разработанным по инициативе почетного председателя ТС Нурсултана Назарбаева, он обозначает приоритетные направления сотрудничества на предстоящие 20 лет. «Нас должны объединять не только исторические и культурные корни, но и видение дальнейшего развития», – отметил М. Чавушоглу, добавив, что тюркоязычные страны должны определять развитие процессов, а не реагировать на них, что «возможно лишь при наличии механизмов оперативного принятия решений».

К настоящему времени в рамках ТС функционирует ряд механизмов и инициатив, обеспечивающих взаимодействие по различным направлениям. Среди них – Тюркская торгово-промышленная палата, Тюркский инвестиционный фонд, вышеупомянутый «Транскаспийский торгово-транзитный коридор», «процесс братских портов», Совет по здравоохранению, Группа по цепочкам поставок, Программа по обмену студентами и преподавателями, Проект по совместным турам Шелкового пути, Международные лагеря молодежи, Фестивали молодежи, Универсиады, Молодежная платформа и другие. В октябре в Баку встречались генеральные прокуроры, и в том же месяце в Стамбуле прошел организованный офисом Фахреддина Алтуна медиафорум ТС с участием более 350 гостей. Среди обсуждавшихся вопросов – сотрудничество в сфере СМИ, съемка кинофильмов и сериалов, а также работа в социальных сетях и «совместная борьба с дезинформацией». Как заявил входящий в «ближний круг» президента Турции Алтун в ходе еще одного представительного мероприятия, возглавляемое им Управление по связям с общественностью придерживается в вопросах пропаганды и контрпропаганды агрессивного и «проактивного» подхода. В мае в Баку прошла пре-

зентация первого цифрового проекта «Тюркский мир», призванного сформировать «единую коммуникационную платформу», основанную на общих исторических, религиозных, культурных ценностях и языках народов тюркоязычных стран. Медийное сопровождение недавней карабахской войны, многочисленные ролики о превосходстве турецкого оружия над российским, а также многогранная деятельность TRT World – лишь некоторые примеры заметных успехов, достигнутых на ниве пропаганды.

И это – далеко не все. Переговоры глав государств в Стамбуле сопровождали многочисленные мероприятия по линии экономического и «культурно-гуманитарного сотрудничества», причем не только в Турции. Иные из них носят весьма специфический характер. Например, одним из «непризнанных мировым сообществом тюркских государственных образований» назвал крупнейший российский регион – Республику Саха (Якутия) – Telegram-канал «Тюркской академии наук» со штаб-квартирой в Нур-Султане и со связями с «Тюркским советом» и с Международной организацией тюркской культуры (ТЮРКСОЙ). Несмотря на то, что участниками этих организаций формально числятся преимущественно бывшие советские республики, их очевидным лидером выступает Анкара. Впоследствии неоднозначную, мягко говоря, запись удалили, однако системная и долговременная работа надгосударственных «тюркских» структур с элитами и общественными мнениями ряда субъектов Российской Федерации не вызывает сомнений. Можно уверенно предположить, что предстоящее председательство Ак-Сарая в ТС будет отмечено новациями по части продвижения турецкой «мягкой силы» с ее несомненным «двойным», а то и «тройным дном». Так, нацеленная вовне медийная продукция, по наблюдению экспертов-профессионалов, апеллирует к коллективному бессознательному тюркских народов, способствуя пробуждению у них

национальной гордости, чувств сопричастности к «великому тюркскому миру» и его (как сказали бы в советские времена) «передовому авангарду».

Реализация проекта *Türk Konseyi'nden Türk Birli i'ne* («От Тюркского совета – к Тюркскому союзу») предполагает формирование единого алфавита и языка, и в конечном итоге – единого государственного объединения. Многие из того, что до прихода к власти Р. Эрдогана казалось едва ли не фантастикой – ныне либо уже реализовано, либо приобретает реальные очертания. Апологеты победной поступи «Соединенных Штатов тюркского мира» уверены, что встреча на берегах Босфора, а особенно – предстоящее председательство в Совете Турции «придаст новый импульс и станет важным поворотным моментом в сотрудничестве» государств, интеграция которых «выйдет на новый более тесный уровень». В свою очередь, менее пафосно настроенные наблюдатели указывают также и на некоторые негативные последствия, которые неизбежно возникнут в случае более жестких рамок «тюркской интеграции». К примеру, неизвестно, каким образом предполагаемые «механизмы оперативного принятия решений», о которых говорит М. Чавушоглу, будут сочетаться с продвинутым туркмено-китайским энергетическим сотрудничеством, либо же с фактом членства Казахстана и Киргизии в Евразийском экономическом союзе...

«Эрдоган очень заинтересован в расширении зоны влияния Турции, – полагает политолог Керим Хас. – В Средней Азии, где живут братские туркам тюркские народы, делать это проще и логичнее всего. Во-вторых, Анкаре нужно как можно больше рычагов давления на Москву. Увеличивая свое влияние в приграничных с Россией странах, Турция получает сильные позиции в переговорах с Кремлем по всем вопросам. А их очень много. Это и Сирия, и Ливия, и различные экономические проекты, и ситуация на Южном Кавказе».

В общем, вопросов пока явно больше, чем ответов, но все же, как представляется, многое будет зависеть от способности участников ТС к подлинной координации на высоком политическом уровне за рамками общих лозунгов.

Г.Л. Акопов,

директор Ростовского филиала Московского государственного
технического университета гражданской авиации,
профессор, доктор политических наук
(Россия)

Интеллектуальный капитал в информационном социуме – базис евразийской интеграции

В современном обществе инновационные интернет-коммуникации – основа развития интеллектуального капитала. Мы видим, что мир бурно меняется. Сегодня уже ни для кого не секрет, что в глобальном мире развивается, зарождается и уже функционирует информационное общество. Определение информационного общества известно. Чтобы не тратить время, я не буду на нем детально останавливаться. Подчеркну лишь одно – что критерием информационного общества является доля валового внутреннего продукта (ВВП) в информационных услугах. То есть последние становятся доминирующим сектором экономики. Сегодня на пленарном заседании конференции прозвучало, что для того, чтобы что-то продавать, надо что-то производить. На мой взгляд, чтобы вписаться в современное информационное общество в числе лидеров, необходимо развивать производство и распространение именно информационных товаров и услуг. И эти возможности, считаю, нужно реализовать в том числе и в рамках евразийской интеграции.

Мы видим, что в современном мире самые богатые люди, самая большая доля прибыли достается именно

производителям информационных товаров и услуг. В принципе, основных вы все знаете. Суть в том, что люди или корпорации, создавшие мощные информационные продукты, доминирующие на глобальном информационном рынке, становятся богатейшими людьми, обладателями доминирующей позиции в мире. На мой взгляд, в этом направлении нужно стремиться для того, чтобы в мире обладать тем статусом, к которому нужно идти. У нас один из докладчиков показывал, что наши компании, которые где-то в середине богатейшей сотни – это ресурсоснабжающие корпорации. Но мы видим, что в информационном обществе все дальше и дальше вверх уходят именно информационные корпорации.

Руководжу ростовским филиалом Московского государственного технического университета гражданской авиации. Мы у себя в университете активно внедряем современные цифровые технологии. У нас студенты разрабатывают много разных информационных продуктов. Применяем эти технологии в образовательном процессе, реализуем в научно-исследовательской работе тоже.

В современном евразийском сообществе у нас есть неоспоримый плюс – мы все имеем общую базу, в том числе образовательную, интеллектуальную, и возможность ее сообща развивать. На мой взгляд, с точки зрения интеграции очень полезно развивать именно образовательные технологии, развивать интеллектуальный капитал, который позволит в рамках евразийской интеграции выйти на передовой уровень. В этом контексте, на мой взгляд, очень эффективно использовать высшие образовательные учреждения. Наверное, ни для кого не секрет, что российские вузы представлены в большинстве русскоговорящих государств. С точки зрения интеграции этот потенциал, на мой взгляд, необходимо использовать, он имеет большие возможности для реализации на практике.

В.В. Евсеев,

заведующий отделом евразийской интеграции и развития ШОС
Института стран СНГ, кандидат технических наук
(Россия)

Сравнение военных потенциалов России и США

Достаточно часто западные эксперты некорректно сравнивают военный потенциал России и США. Это хорошо иллюстрирует статья Карла Гамильтона (Carl Hamilton) из университета в г. Роскилле (Дания) под названием «Какие военные возможности имеет Россия в сравнении с США?». По его мнению, оба государства способны развивать сравнимые по качеству вооруженные силы (ВС), но при этом (об этом автор умалчивает) используют несопоставимые военные бюджеты. Так, республиканская администрация Трампа первоначально запросила на военные расходы 2021 финансового года у Конгресса США 740 млрд. долл. Но уже в конце ноября 2020 года было предложено еще увеличить такие расходы для постройки двух многоцелевых атомных подводных лодок класса «Вирджиния». В результате военный бюджет США на 2020 год составил 778 млрд. долл. (по сравнению с 2019 годом рост составил 4,4%). Для сравнения, военный бюджет России в 2020 году не превысил 61,7 млрд. долл. (рост 2,5% по сравнению с 2019 годом). И это нельзя объяснить только разным паритетом покупательной способности.

Демократическая администрация Байдена решила сохранить в 2022 финансовом году военные расходы на этом же уровне (770 млрд. долл.). Однако ранее на

военные операции в Афганистане и Ираке тратилось ежегодно не менее 80 млрд. долл. После вывода американских войск из Афганистана большая часть этой суммы будет выделена на разработку перспективных вооружений, что фактически означает рост военных расходов.

В связи с этим у западных экспертов возникает вопрос: насколько эффективно в США используются финансовые средства на военные цели?

Как считает К. Гамильтон, Россия способная мобилизовать и вооружить в короткие сроки больше войск, чем США. Причина этого, по его мнению, состоит в том, что РФ имеет призывную (на самом деле, контрактно-призывную) армию, а США – контрактную. В частности, подготовленный мобилизационный резерв России включает 2 млн. чел., которые за последние пять лет отслужили в ВС один год по призыву. К этому следует добавить 350 тыс. военнослужащих в Федеральной службе войск национальной гвардии и еще 20 млн. чел. как военного резерва разной категории (их уход с военной службы превышает пять лет).

В США же подготовленный военный резерв составляет 800 тыс. чел., из которых более половины состоит в национальной гвардии. Это означает, что Вашингтон не сможет быстро восстановить воинские потери в ходе крупномасштабного конфликта (например, с Москвой или Пекином). РФ сможет же увеличить свою армию мирного времени в два раза или за короткий срок довести ее численность до 3 млн. чел. и вооружить их. При этом отмечается, что ВС США имеют серьезные проблемы с обеспечением своей деятельности в мирное время, что в частности обусловлено низким уровнем набора новых военнослужащих.

К сожалению, указанный западный эксперт мыслит категориями Второй мировой войны и недостаточно учитывает нынешнюю ситуацию. Во-первых, США не собираются воевать на собственной территории.

Боевые действия планируется вести в Европе (против РФ), в Северной и Южной Корее, Японии против КНР. При этом американцы будут стремиться максимально задействовать военный потенциал своих союзников. И не замечают, что в этом случае под ответными ударами, включая ракетно-ядерные, окажется мирное население их союзников.

Во-вторых, Россия имеет большой мобилизационный ресурс для обороны собственной территории. Но его крайне проблематично задействовать при войне в США, учитывая географическую удаленность, серьезное превосходство американцев в военно-морских силах и ограниченность ресурса военно-транспортной авиации России. Не говоря уже о том, что численность населения США в два с лишним раза превышает численность россиян.

В-третьих, военная доктрина США предполагает нанесение по РФ разоружающего удара с помощью ядерных средств и систем высокоточного оружия в обычном оснащении. Именно для этого они в декабре 2001 года при администрации Буша-младшего вышли из Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО). Тогда предполагалось, что ответный удар ракетно-ядерных сил России будет парирован национальной системой ПРО, в том числе передового базирования. Именно для этого наиболее мощная база стратегических ракет-перехватчиков была развернута на Аляске (наиболее ожидаемое направление ответного удара проходит через Северный полюс).

Однако ставка на кинетический перехват (удар боевого блока боевой ступенью) себя не оправдала в первую очередь потому, что для этого нужно было обеспечить промах не более 1,5 м. Абсолютно нерешаемой осталась проблема селекции в космосе, если боеголовки прикрываются комплексом средств преодоления ПРО. А именно на этих высотах работают боевые ступени не только стратегических ракет-перехватчиков, но

и противоракет SM-3 наземной (базы противоракет в Польше и Румынии) и морской системы управления ракетным оружием «Иджис». Ответом на это стало развертывание российских систем с гиперзвуковым оружием (в первую очередь, ракетного комплекса стратегического назначения «Авангард» и системы воздушного базирования «Кинжал», планируется к развертыванию система морского базирования с гиперзвуковой ракетой «Циркон»).

Потенциально проблема перехвата российских боевых блоков в какой-то степени может быть решена только в случае развертывания ударных систем американской ПРО на низких космических орбитах. Но в этом случае США нужно иметь постоянно действующую группировку около 1 тыс. таких низкоорбитальных спутников. По финансовым соображениям это не могут даже США. Не говоря уже о возможности выведения таких спутников из строя имеющимися в РФ и КНР системами противоспутникового оружия.

Таким образом, исходя из своей военной доктрины каждая страна использует собственную систему комплектования мобилизационного резерва. Те страны, которые ориентируются на оборону, как правило, используют контрактно-призывную систему комплектования ВС. Те страны, которые не планируют воевать на собственной территории или надеются исключительно на защиту своих союзников (в первую очередь, США) могут иметь только контрактную армию. Поэтому некорректно сравнивать мобилизационные ресурсы России и США. Для нас нет альтернативы контрактно-призывной системе комплектования. США же пока могут ограничиваться контрактным принципом комплектования собственных ВС. Все это является принципиально важным для понимания военно-политического взаимодействия на евразийском пространстве.

Б.А. Шаповалов,

политолог-социолог,

заместитель председателя Национального Координационного

комитета «Победа» и Союза офицеров Республики Молдова,

директор Учебно-производственного центра «Bat-intelect» (Молдова),

доктор философии, член-корреспондент Международной кадровой академии

(Молдавия)

Туманные перспективы российско-молдавских отношений в условиях политического дрейфа Республики Молдова в Европейский союз и НАТО

С моей точки зрения, к сожалению, Российская Федерация проиграла битву за Молдову. В ЕС, который ее тоже не ждет, и ее не примут. Тем не менее, те процессы, которые у нас происходят, очень показательные. Наверное, если бы не Приднестровский конфликт, размещенные там российские миротворцы вместе с ограниченным воинским контингентом РФ, то, наверное, нас бы постигла участь Украины. Но Республике Молдова очень длительный период времени удавалось как-то лавировать. Все это зависело от того, кто приходил к власти. Левые коммунисты, социалисты – это была одна ситуация. Приходили правые – это была совершенно другая ситуация.

Но с 11 июля 2021 года, после досрочных парламентских выборов в Республике Молдова (РМ), к власти пришли опять проевропейские, прозападные, проамериканские силы в лице партии «Действие и солидарность» во главе с сегодняшним президентом

Майей Санду. У них парламентское большинство (63 депутатских мандата из 101 в национальном парламенте). Сформировано полностью свое правительство. Причем РМ стала единственной страной в мире, в которой президент страны, все члены правительства и большинство депутатов в парламентской фракции партии «Действие и солидарность» имеют другое (румынское) гражданство. Фактически Республика Молдова является захваченным государством, в которой руководство страной не управляет, а выполняет распоряжения или Румынии, или Европейского союза, или посольства США в РМ. За последние месяцы наблюдаются сплошные провалы практически по всем направлениям деятельности правительства. Растут цены на все. Газовый контракт с Российской Федерацией, который завершился 30 сентября 2021 года, не продлен. Руководство страны устроило истерию под лозунгом «Шантаж России». Вполне ожидаем перебой и с электроэнергией. С пандемией новой коронавирусной инфекции власти не справляются. А при этом за счет бюджета закупается вооружение у американцев, правда всего на 5 млн. долл., что неизбежно обострит отношения с Приднестровьем. Президент М. Санду отметилась своими антироссийскими выступлениями на «Крымской платформе» и на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций.

Одна из последних новостей – смещен со своего поста, арестован Службой информации и безопасности генеральный прокурор, арестован через несколько дней заместитель генерального прокурора. Второй заместитель генерального прокурора подал в отставку. Фактически в РМ произошел захват государственной власти, но таким мирным путем, партией, которая победила на досрочных парламентских выборах.

Благодаря предыдущему президенту Игорю Додону, лидеру «Партии социалистов», с мая 2017 года Молдова стала наблюдателем при ЕАЭС. Это в какой-то

степени позволило улучшить экономическое состояние республики за последние три года. Новый президент М. Санду отказалась участвовать в заседании даже Совета глав государств СНГ. Вместо нее в этом заседании участвовала премьер-министр Наталья Гаврилица. 13 октября министр иностранных дел Республики Молдова заявил, что республика отзывает своего представителя из Евразийской экономической комиссии, потому что на ее содержание тратится 10 тыс. долл., которые не приносят результата РМ.

Нынешние власти республики, как и на Украине, заботливо готовились Фондом Сороса и Фонда Конрада Аденауэра, проходили стажировку в европейских странах или США. Далее приведена хронология событий, которая отчетливо показывает, куда ныне движется республика.

19 июля президент М. Санду подписывает декларацию, где Россию обвиняет в агрессии против Украины, Грузии, Молдовы. 23 августа М. Санду участвует в «Крымской платформе» и заявляет, что Россия аннексировала Крым и грубо нарушила международное право.

27 августа М. Санду устраивает парад независимости, в котором участвует президент Украины В. Зеленский, который в своем выступлении делает прямые антироссийские заявления.

2 сентября М. Санду участвует в передаче на одном из молдавских телеканалов, где с подачи ведущей заявляет, что Россия развязала войну с Приднестровьем в 1992 году.

15 сентября цена на газ на европейском рынке достигает 960 долл. за 1 тыс. куб. м. М. Санду заявляет, что компания «Молдова Газ» – дочерняя компания «Газпрома» – должна вести переговоры о закупке газа, а правительство к этому отношения не имеет.

30 сентября Молдова отказала во въезде российскому миротворцу в звании подполковника через кишиневский аэропорт.

11 октября один из депутатов правящей партии требует провести мониторинг русскоязычных каналов: «НТВ», «Первый в Молдове» и некоторых других, намекая на их закрытии. Это во время проведения переговоров по газу с Российской Федерацией.

14 октября министр транспорта, вице-премьер Андрей Спино на заседании парламента открыто обвинил Россию в газовом шантаже. Однако новое правительство этим не занималось, не вело переговоры. С января стоимость газа для Молдовы, благодаря предыдущему президенту И. Додону, составляла 125 долл. за 1 тыс. куб. м. С 1 октября пришли рыночные цены в 790 долл., так как прошлый контракт завершился. При таких ценах молдавская экономика через 3–4 месяца рухнет. И вместо диалога с РФ молдавские политики заявляют о закупках газа у Украины и Румынии».

США заботливо создают сегодня коалицию «Украина, Молдавия, Грузия» с целью подключить их к Польше, Румынии и странам Балтии. Цель у этого русофобского пояса через демократические реформы, то есть приведение к власти прозападных сил, двигаться в Европу и противостоять вредоносному влиянию и дезинформации РФ.

Основные направления внешней и внутренней политики молдавского руководства сегодня определяются в Брюсселе и Вашингтоне. В Молдове активно работает около 200 европейских, румынских и американских неправительственных организаций (НПО) и СМИ, которые финансируются Западом и активно влияют на все, что происходит в Молдове. В 2020 году их годовой бюджет перевалил за 150 млн. долл. Наиболее активны пять таких структур: «Фонд Джорджа Сороса», институт «Открытое общество», «Национальный фонд демократии» (США), «Европейский фонд за демократию», «Фонд Конрада Аденауэра» (Германия), и Департамент по делам румын. Последняя открыто финансирует очень многие СМИ, которые уничтожают молдавскую идентичность и культуру.

Анализ сложившейся после досрочных парламентских выборов 11 июля 2021 года политической ситуации в Молдове показывает, что к власти в стране пришла проевропейская, проамерикански настроенная правая политическая партия «Действие и солидарность» (PAS, что по-молдавски или по-румынски значит «шах»). Вся полнота власти находится в руках лидера этой партии М. Санду. У них парламентское большинство и собственное правительство. И все они являются гражданами Республики Румыния. А с учетом того, что из шести судей Конституционного суда пятеро тоже являются гражданами Республики Румынии и сторонниками правящей партии и президента, молдавская власть сегодня реально находится под полным внешним управлением со стороны Румынии, официальных структур со стороны ЕС и посольства США.

Сегодня молдавское общество расколото, приблизительно 48% и 52%. По большому счету, 52% населения выступает за восточный вектор развития. Но последние выборы показали разницу в 300 тысяч голосов, в первую очередь за счет европейской диаспоры, которая была открыто организована. А в РФ голосовало всего 5 тыс. молдаван, хотя проживает 400 тыс. наших сограждан.

Если говорить про социологические опросы, то вступление в НАТО поддерживает всего 26,5% граждан республики. 26 сентября в Кишинев прибыла первая партия американского вооружения в виде броневиков «Хаммеры» и стрелковое оружие. В тоже время нужно учитывать, что Республика Молдова пять лет тому назад подписала соглашение с Республикой Румыния о военной помощи при чрезвычайных ситуациях. Президент М. Санду хотела бы уничтожить Приднестровье вместе с 1500 российских военнослужащих, которые охраняют склады с боеприпасами и оружием в Колбасне, и входят в состав миротворческого батальона

в 430 чел. Молдавская сторона официально считает миротворческий батальон, законно находящиеся силы на территории Приднестровья по договору 1992 года, и тех, кто охраняет склады в Колбасне – оккупационными войсками РФ. Есть соответствующие заявления, резолюция национального парламента, соответствующий закон 2006 года. А в нескольких местах территория Приднестровской Молдавской Республики простреливается артиллерией, так как имеет ширину всего 30–40 км. С другой стороны, в Приднестровье проживает 250 тыс. граждан РФ (половина населения), что фактически исключает силовой вариант решения этой проблемы.

У.Б. Жамбаева,

доцент «РЭУ имени Г.В. Плеханова» в Улан-Баторе,
советник президента «Организации мира и дружбы Монголии»,
кандидат философских наук
(Монголия)

Стратегия экономического развития «Пояс и путь» в рамках взаимодействия стран АТР

Мне бы хотелось абстрагироваться от заявленной тематики по просьбе моего непосредственного начальника, президента «Организации мира и дружбы Монголии» Загджав Дэлэгийн, который сегодня вовлечен в судебные-исполнительные решения в Монголии. Вопрос касается Улан-Баторской железной дороги.

Региональная интеграция является обязательным этапом процесса экономической глобализации. Региональное сотрудничество в Азии на сегодняшний день находится на определенном подъеме. Среди задач в области торгово-экономических отношений РФ с Монголией, наряду с участием в крупных инфраструктурных проектах, приоритетным является развитие российско-монгольских региональных и приграничных связей.

Представленные, как правило, деятельностью малого и среднего бизнеса, региональные приграничные связи призваны были не столько делать погоду в макроэкономических показателях вышеуказанных стран, сколько осуществлять механизм самообеспечения занятых в нем граждан, поддерживая социальную стабильность российско-монгольского приграничья.

В этой связи нужно сформировать новые альянсы с приграничными регионами в сфере эксплуатации логистической инфраструктуры, коммуникации, организовать глобальные поставки в транспортную цепочку. И данная реализация возможна только в контексте унификации объединенной транспортно-логистической системы, причем открытой. И важным элементом реализации данной системы является создание общего рынка транспортных услуг в рамках единой системы.

Гарантированное предложение качества сквозной транспортной логистической услуги по принципу одного окна в отношении железнодорожной системы возможно и раскрывается только на базе определенного подхода к организации транспортного сообщения между Российской Федерацией, Китаем и Монголией в целом.

В настоящее время логистика перемещения грузов устроена так, что в качестве основной платформы выступает Улан-Баторская железная дорога, как единственное совместное российско-монгольское предприятие (пакет акций делится 50 на 50). К сожалению, внутреннего рынка для железнодорожных перевозок в Монголии нет, поэтому самый перспективный сегмент – это транзитные перевозки. Без участия Китая и России железная дорога Монголии не имеют каких-либо возможностей для расширения.

В 2005 году правительством Монголии был выделен очень интересный проект по трехстороннему сотрудничеству Монголии, Китая и России. Но его реализация замедлилась из-за выборных процессов в республике. Он так и остался на уровне проекта.

На базе вышеуказанной тематики мне бы хотелось обратить внимание на острую ситуацию в Улан-Баторской железной дороге. Уже порядка шести месяцев не могут назначить ее начальника и главного инженера. Мне это не понятно, как гражданке РФ по происхождению монголке. Мой прадед Петр Бадмаев (тибетолог, дипломат и ближайший помощник царя Александра III) был основа-

телем идеи создания Улан-Баторской железной дороги. Поэтому с болью смотрю на эту профанацию политики, коррупционные и экономические преступления в рамках совместного российско-монгольского предприятия. И появляется ряд вопросов, связанный с тем, для чего есть устав совместного предприятия. В ретроспективе он должен работать по всем техническим вопросам, но по факту оказывается, что происходит некоторое игнорирование согласованных инструкций и схем. И хотелось бы также сказать, что, к сожалению, говорить о паритетности в рамках данной системы не получается.

В связи с этим хотелось бы выразить благодарность политической партии «Справедливая Россия», а именно руководителю фракции «Справедливая Россия – За правду» в Государственной Думе Сергею Миронову. Будучи свидетелем всех этих коррупционных преступлений, подлога в отношении действительно профессионалов, специалистов, которые выступали в качестве кандидатов на должность начальника Улан-Баторской железной дороги, подтверждаю, что он оказал проактивное содействие в раскрытии этих коррупционных преступлений. Но, к сожалению, реальность такова, что 14 октября 2022 года в Иркутске прошла встреча представителей правительства Монголии с руководством Улан-Баторской железной дороги и представителями РАО «РЖД». Она ни к чему не привела. И вопросы корректных показателей и начальника Улан-Баторской железной дороги остаются открытыми.

В качестве возможного варианта решения этой проблемы можно рассматривать достижение компромисса на базе визитно-информационного центра на базе Экономического совета посольства Российской Федерации в Монголии. Там можно было бы создать соответствующую рабочую группу по кадровой политике. И решение этой проблемы, по мнению президента «Организации мира и дружбы Монголии» Загджав Дэлэгийн, будут рассматриваться как прямые инвестиции в развитие сотрудничества между Россией, Китаем и Монголией.

В.А. Надеин-Раевский,

директор Института политических и социальных исследований
Черноморско-Каспийского региона,
кандидат философских наук
(Россия)

Интеграционные проекты и перспективы военно-политической разрядки на Кавказе

Говоря об интеграционных проектах в Евразии, нужно выделить не только ШОС и ЕАЭС, но и Тюркский совет. Идея последнего была заложена еще в XIX века на основе пантюркизма и пантуранизма, который отличается от пантюркизма тем, что тюркские народы – это субъект пантюркизма, в отличие от уральской и алтайской семьи, объединенные в турецком понимании, как туранские народы. Турецкие войска в количестве 6 тыс. военнослужащих ехали воевать в Южную Корею именно для защиты туранских братьев.

Многие представители тюркских народов России поддержали идею Великого Турана. Ее теоретиками были не менее 24 представителей наших тюркоязычных народов, которые стали в Турции виднейшими националистами. Так, Ахметзаки Валиди Тоган – прекрасно образованный турецкий националист, стоящий на жестких правовых позициях. Первый из этого рода Зеки Валидов был премьер-министром Башкирской республики. Поссорился с большевиками и ушел к белогвардейскому генералу Александру Дутову. Именно А.В. Тоган был арестован вместе с руководителем и будущим лидером партии националистического дви-

жения Алпарсланом Тюркешем во время войны по обвинению в создании пантюркийского общества. Тем не менее, общество было создано под названием *Bozkurtlar* («Серые волки»). А организацию «Гювен» возглавлял А.В. Тоган. Его судили, а потом выпустили. Маршала же Мустафу Чакмак, который собрал полумиллионную армию на границах с Советским Союзом, уволили в отставку. В то время ему было больше 70 лет.

Были интересные страницы и моменты в истории этого движения. Кемаль Ататюрк осуждал его и говорил: «Мы должны уйти в наши естественные границы, а не мечтать о всяких панисламизмах и так далее» (слово «пантюркизм» тогда еще не применяли).

Распад Советского Союза привел к росту интереса к пантюркизму. Организации по всей Турции пропагандировали эту идею, учитывая, что 56% российской территории – это национальные образования, из которых большинство тюркоязычные. На эту цель все и было направлено.

В 1992 году Фетхуллах Гюлен, известный всему миру теоретик и проповедник ислама, призвал молодых турок ехать и учить казахских, узбекских турок, крымско-татарских, татарских и других турок. И действительно тысячи поехали в Азию добровольно. Были созданы десятки лицеев по всей бывшей территории Советского Союза: в Казахстане 26, в Киргизии – 13, а также в Азербайджане и других республиках, включая Татарстан и Башкирию. Они хорошо учили точным наукам, давали два-три иностранных языка. Это привлекало. За это образование платили, но не все. Каждый 10-й, наиболее талантливый, не платил. Вот так воспитывалась элита современного тюркского общества по всем бывшим республикам Советского Союза.

Официально правительство Турции через организацию ТiКА выделило 26 тыс. стипендий для тюркских студентов, чтобы они обучались в турецких универси-

татах. За 20 лет стипендии были полностью израсходованы. Это позволяло формировать протурецкую элиту.

В лицеях дети жили в общежитиях, их хорошо кормили, у них всех обязательно был воспитатель. Никто официально никакого Корана у них не преподавал. Только после учебы в общежитии. Именно там занимались религиозным воспитанием.

В 2013 году возник конфликт Ф. Гюлена с Р. Эрдоганом, что привело к закрытию турецких лицеев. В реальности, их переформатировали, сохранив тот же преподавательский состав. Это пример культурной, политической, а главное, идеологической интеграции. Их запретили, в том числе потому, что как историческую науку там учили только историю Османской империи. Помимо этого, не все были довольны турецким образованием в лицеях и высшим образованием в Турции. Раздражало высокомерие части турок, которые этим занимались.

Очевидно, что турки не откажутся от этого проекта. Конечно, в турецком обществе появилась новая интеллигенция. Подтверждением этого стало письмо турецкой интеллигенции «Армяне, простите нас». И десятки тыс. турок подписались под этим письмом. Но в ответ было письмо антиармянское, под которым уже 400 тыс. подписались.

Это идейная основа турецкого интеграционного проекта, который отличается от ШОС. Последняя – это, прежде всего, вопросы безопасности. ЕАЭС – это, прежде всего, экономика. А здесь все наоборот, идут от политики. Теперь уже речь идет о создании «Армии Турана», а с Азербайджаном приступили к его практической реализации. В рамках подготовки всех силовых структур турки многого добились. Это полицейские органы, судебные органы, министерства, ведомства, межминистерское сотрудничество, это тюркский парламент.

Конечно, экономически что-то здесь трудно сделать. И торговлю тяжело развивать. У стран Тюркского сове-

та разная экономика. При этом нужно учитывать, что в Турции есть современная промышленность. Так, в промышленной кооперации по созданию американского истребителя-бомбардировщика F-35 турки должны были производить 900 компонентов (узлы, механизмы, детали).

Как на Кавказе могут интеграционные проекты способствовать установлению мира в регионе? На первый взгляд, кажется, ничего не получается. Но трехстороннее заявление о перемирии от 10 ноября 2020 года начиналось с общего: о всех путях и транспортных коридорах. А конкретизировались только два – так называемый Зангезурский коридор через армянский Сюник и Лачинский коридор. Последний открыли. А нужен ли еще северный коридор, чтобы Армения имела такую же железнодорожную и автомобильную связь с РФ, как и Азербайджан с Нахичеванью? Но возникает вопрос об обеспечении его безопасности. Уверен, что армянская сторона не пойдет на открытие Сюникского (Зангезурского) транспортного коридора, если не будет адекватно предоставленной возможности иметь связь с Россией через азербайджанскую территорию.

М.О. Дмитриева,

старший преподаватель кафедры международных отношений
Дальневосточного федерального университета,
кандидат политических наук
(Россия)

Россия и Центральная Азия: сотрудничество в эпоху перемен

Противостояние Соединенных Штатов и Китая становится, пожалуй, главным трендом, который будет иметь воздействие на все процессы мирового порядка на ближайшую перспективу. В ситуации, когда стороны пытаются создать коалиции, и складываются предпосылки к установлению биполярного мира в новом формате, для России важно не попасть под удар чужого соперничества; принятие чьей-либо стороны будет контрпродуктивным действием, которое помешает реализации ее национальных интересов.

В этих непростых условиях России следует сосредоточить усилия на приоритетных направлениях внешней политики, к числу которых на протяжении уже многих лет относится Центральная Азия (ЦА). Далеко не всегда внешнеполитический курс для этого региона был последовательным и продуманным. Скорее – реакционным. Можно утверждать, что задачи по восстановлению и закреплению позиций России в регионе базируются на геостратегических принципах, и ее поступки в ЦА представляют по большей части ответную реакцию на инициативы и шаги других внерегиональных акторов – Китайской Народной Республики, Соединенных Штатов и европейских стран.

Одним из главных вызовов здесь представляет политика Китая, который на протяжении всего постсоветского периода постепенно наращивал свое влияние в регионе, доведя его в некоторых случаях до абсолюта.

Особые отношения России с Китаем не позволили привести страны к конфронтации, но, очевидно, что соперничество существует, и оно будет увеличиваться по мере того, как Пекин будет заходить «на территорию» Москвы (например, размещать военные базы в регионе). Как отмечают нидерландские эксперты Г. Хофсти и Н. Бродерс, по мере роста силовой асимметрии между Китаем и Россией КНР будет позволять себе быть более напористым в военной сфере, что до сих пор было прерогативой русских².

Однако противостояние двух сверхдержав, США и КНР будет отнимать у них много сил и ресурсов, которых может не хватить на не самое приоритетное для них центральноазиатское направление. У России появился шанс упрочить свои позиции в Центральной Азии, стабильность в которой напрямую влияет на безопасность страны.

Российский эксперт Ф. Лукьянов отмечает, что «сейчас наступает новая эпоха, когда вся Евразия начинает структурироваться по-иному»³. Государства региона и внерегиональные акторы начинают понимать, что «Большая игра» (которая, как утверждалось, является лучшим описанием дел в регионе и после распада СССР) не приносит выгоды никому. Поэтому начинают набирать обороты тенденции к сотрудничеству при сохранении некоторых форм протекционизма.

---

² Hofstee G., Broeders N. Multi-dimensional Chess Sino-Russian relations in Central Asia // Clingendael. – URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/2020-11/Strategic_Alert_Sino-Russian_relations_November_2020.pdf (дата обращения: 05.04.2021).

³ Лукьянов Ф. Без «Большой игры» // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2019/11/13/lukianov-centralnoj-azii-nuzhna-ne-bolshaia-igra-a-bolshoj-ryvok.html> (дата обращения: 11.01.2021).

Показателен пример Узбекистана. После прихода к власти Ш. Мирзиева Ташкент начал проводить активную внешнюю политику по всем направлениям. В отношении России был сделан большой шаг вперед к углублению и качественному росту отношений.

Несмотря на то, что Узбекистан не входит в ОДКБ, Москва и Ташкент тесно взаимодействуют в деле обеспечения безопасности в регионе. «А двусторонние отношения России и Узбекистана становятся важным самостоятельным институтом в системе безопасности Центральной Азии»⁴.

Визит президента РФ В. Путина в Узбекистан в октябре 2018 года стал кульминацией процесса налаживания отношений между двумя странами.

Как сообщалось, в ходе Первого российско-узбекского форума межрегионального сотрудничества компании, ведомства и организации двух государств подписали более 800 соглашений и меморандумов на общую сумму около 27 млрд. долл.⁵ Было достигнуто соглашение о строительстве первой в Центральной Азии атомной электростанции. Были подписаны документы, регламентирующие развитие отношений в сфере культуры и образования.

Другой российский эксперт А. Воробьев среди факторов, способствующих наращиванию партнерства между Москвой и Ташкентом, выделяет «эффект «низкой базы». Потенциально выгодные обеим сторонам проекты назревали либо были на виду и раньше: три, пять и более лет тому назад. И сейчас появилась

---

⁴ Россия – Узбекистан: перспективы двустороннего взаимодействия в контексте нового миропорядка // сайт клуба «Валдай». – URL: <http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/rossiya-uzbekistan-perspektivy-vzaimodeystviya/> (дата обращения: 11.01.2021).

⁵ Узбекистан и РФ подписали соглашения на 27 миллиардов долларов // Сайт Sputnik. – URL: <https://uz.sputniknews.ru/economy/20181019/9740980.html> (дата обращения: 11.01.2021).

возможность воплотить их в жизнь⁶. А эксперт О. Барабанов отмечает, что «ощутимый рост доверия в двусторонних отношениях сейчас связан отчасти и с тем, что со стороны России по отношению к Узбекистану не было завышенных ожиданий, не было долгой интеграционной истории и невыполненных обещаний»⁷.

Не теряет своей актуальности вопрос присоединения Узбекистана к Евразийскому экономическому союзу. Дискуссии ведутся довольно давно. Сторонники и противники интеграции приводят весомые доводы в защиту своей точки зрения. Чтобы избежать негативных последствий при решении вступления в ЕАЭС российский эксперт С. Притчин предлагает рассмотреть растянутые во времени сценарии присоединения⁸. В декабре 2020 года Узбекистан получил в ЕАЭС статус наблюдателя. Во время выступления на заседании Высшего Евразийского экономического совета Ш. Мирзиев подчеркнул, что «страны ЕАЭС являются основными, естественными торговыми партнерами Узбекистана», и «экономики стран дополняют друг друга»⁹.

Каким бы ни было решение Ташкента относительно полноценного членства в ЕАЭС, России следует воспользоваться моментом готовности Узбекистана к сотрудничеству как на двусторонней основе, так и,

---

⁶ Воробьев А. Курс России в Центральной Азии: между Ташкентом и Астаной // Сайт РСМД. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/kurs-rossii-v-tsentralnoy-azii-mezhdu-tashkentom-i-astanoy/> (дата обращения: 21.01.2021).

⁷ Барабанов О. Россия и Узбекистан: перспективы сотрудничества // Сайт клуба Валдай. – URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-uzbekistan-sotrudnichestvo/> (дата обращения: 11.01.2021).

⁸ Притчин С. Евразийский экономический союз расколол Узбекистан // Независимая газета. – URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2019-11-24/11_7734_uzbekistan.html (дата обращения: 11.01.2021).

⁹ Первое выступление президента Узбекистана Шавката Мирзиева на заседании Высшего совета ЕАЭС. URL: // <https://www.youtube.com/watch?v=RSrt6T9Jgqs> (дата обращения: 11.01.2021).

возможно, в формате интеграционного института. В Ташкенте понимают, что если выбрать в качестве основного партнера Соединенные Штаты, то нельзя надеяться на продолжение отношений с Китаем. А это в данный момент совсем невыгодно: Узбекистану отведена роль логистического хаба в инициативе «Пояса и Пути», Ташкент стремится получить больше инвестиций от КНР. Доказательством интенсификации сотрудничества между двумя странами стало открытие в октябре 2020 года генерального консульства Узбекистана в г. Гуанчжоу. К тому же претензии американцев к уровню демократии и открытости общества уже были причиной прекращения сотрудничества с ними. Однако, как подчеркивает известный эксперт А. Князев, «Ташкент продолжает занимать важное место в американских сценариях. Не исключено, что именно Узбекистан может быть выбран в качестве площадки для каких-то этапов внутриафганского переговорного процесса»¹⁰. И, вероятно, данное предложение может быть поддержано, поскольку отвечает стремлениям республики поднять свою значимость на международной арене и стать важным актором в регионе. При этом следует учитывать, что Узбекистан продолжит реализовывать многовекторную внешнюю политику. Утверждение Соглашения между правительством Республики Узбекистан и правительством Турецкой Республики о военно-финансовом сотрудничестве и Протокола об оказании финансовой помощи подтверждают этот тезис.

Ташкент после некоторого перерыва, связанного с пандемией новой коронавирусной инфекции, возобновляет активные действия в отношении региона

---

¹⁰ Панфилова В. Узбекистан получит новое задание от США [Электронный ресурс] // Независимая газета. – URL: https://ng-ru.turbopages.org/ng.ru/s/cis/2020-06-30/5_7898_uzbekistan.html (дата обращения: 11.01.2021).

Южной Азии. В июле 2021 года прошла международная конференция «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности». Республика ищет новые пути выхода к океану. Проект строительства железной дороги «Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар» является одним из шагов в этом направлении. Целью данной политики является выход к на порты Индийского океана и к Аравийскому морю. Афганистан остается проблемной зоной для реализации подобных проектов, поэтому Ташкент стал выступать автором инициатив по урегулированию внутриафганского кризиса. Россия справедливо рассматривает Узбекистан как особо важного актора в регионе и продолжит тесное взаимодействие с ним, прилагая усилия для его укрепления. Более того, некоторые эксперты говорят о возможности пересмотра Москвой своих приоритетов в регионе.

Действительно, за последние годы в отношениях России и Казахстана возникали спорные моменты. Например, оказалось, что желание попасть на емкий российский рынок не воплотилось в жизнь. К тому же, введенные против России санкции негативно отражаются и на Казахстане. Двусторонние отношения за последнее время были омрачены нежеланием Казахстана голосовать в ООН в поддержку России (Казахстан не признал Абхазию, Южную Осетию и воссоединение Крыма с Россией) и решением республики перейти на латинский алфавит. Но Москва с пониманием отнеслась к этим действиям, не ставя под сомнение лояльность Нур-Султана.

Что касается сопряжения ЕАЭС с китайским проектом «Пояса и пути», то Россия предлагает вести переговоры с КНР от имени всего ЕАЭС, Казахстан же выступает за переговоры с каждой страной ЕАЭС в отдельности. Таким образом, можно сказать, что «если Россия сегодня проявляет больше интереса к наиболее выгодному позиционированию ЕАЭС в международной

системе координат, то для Казахстана приоритетным является повышение эффективности союза»¹¹. Казахстан стал настойчиво требовать повышения эффективности самой организации, ее институтов. Неосторожные высказывания российских политиков порой болезненно воспринимаются в республике. Одним из последних таких эпизодов стало заявление председателя Комитета по образованию и науке Государственной Думы В. Никонова о том, что «территория Казахстана является подарком России и СССР». Послу РФ была направлена нота протеста. Ситуация была прояснена на дипломатическом уровне, но еще долго обсуждалась казахстанским обществом. С. Притчин констатирует, что «российско-казахстанские отношения становятся заложником внутривнутриполитических процессов»¹². Набирающая силу национал-патриотическая идеология в совокупности с проводимыми реформами (например, латинизация казахстанского языка) могут стать причиной деградации отношений России и Казахстана.

Однако на сегодняшний день достигнутый уровень доверия помогает странам открыто обсуждать возникающие проблемы и координировать работу по их разрешению. Президент РК К.-Ж. Токаев неоднократно заявлял, что Россия остается приоритетным вектором внешней политики Казахстана. И довольно большой резонанс в СМИ произвело его заявление, что в стране не считают воссоединение Крыма с Россией аннексией.

---

¹¹ Кузьмин Н. Казахстан голосует «ЗА» эффективность ЕАЭС // Сайт Информационно-аналитического Центра МГУ. – URL: <https://ia-centr.ru/experts/nikolay-kuzmin/kazakhstan-golosuet-za-effektivnost-eaes/> (дата обращения: 06.04.2021).

¹² Притчин С. Российско-казахстанские отношения проходят тест на доверие // Независимая газета. – URL: https://www.ng.ru/courier/2021-02-14/11_8082_kazakhstan.html?fbclid=IwAR1p_3hgkVOEfPIId7qZDZxetANP6EnFCYN7mIX7tPkNYEiGyuJyy6w6-iyU (дата обращения: 16.03.2021).

Сохранение этих отношений является важнейшей задачей политики РФ. При этом следует умело варьировать между Ташкентом и Нур-Султаном, чтобы не вызывать у них подозрения и отторжения.

Провозглашение крупнейшими республиками ЦА в качестве приоритетного направления сотрудничества с соседними странами региона не должно как-то напрягать Москву. Встречи глав государств Центральной Азии продемонстрировали их желание наладить отношения между собой, которые далеки от идеальных. Стабильность внутри региона выгодна России, и должна ею всячески поддерживаться.

Это предположение вписывается в новый формат отношений, который начинает выстраивать Кремль в отношении своих союзников. Они заключается в том, что российская внешняя политика во главу угла ставит национальные интересы страны. По оценке российского эксперта Д. Тренина, «такая эволюция подхода Москвы к бывшим союзным республикам – прежним окраинам империи – признак крепнущего реализма российской внешней политики в ближнем зарубежье»¹³.

Одним из важнейших направлений внешней политики России в настоящее время является реализация проекта Большой Евразии. Поворот на Восток стал иметь глобальный масштаб. По словам министра иностранных дел России С. Лаврова, «нашим безусловным приоритетом остается содействие естественным процессам формирования Большого евразийского партнерства – широкого интеграционного контура от Атлантики до Тихого океана с участием членов ЕврАзЭС, ШОС, АСЕ-

---

¹³ Тренин Д. Между невмешательством и бездействием. Как России реагировать на кризис в Армении // сайт Московского Центра Карнеги. – URL: https://carnegie.ru/commentary/84002?fbclid=IwAR2Ain9i2w56dxerEQJRxLrJMIj1GT1XeKpD7qViD6B35iZiNoH5_k0sf4A (дата обращения: 16.03.2021).

АН и всех других государств континента, включая и страны Евросоюза»¹⁴.

Ядром этого проекта по идее должен стать ЕАЭС. Однако стоит признать, что в настоящее время Союз не обладает необходимыми ресурсами, чтобы стать центром, вокруг которого сможет сформироваться единое экономическое пространство Евразии. России, как и странам-участницам, необходимо предпринять усилия для наращивания критической массы организации. Предложенную РФ концепцию Большого евразийского партнерства можно оценивать как целесообразный проект, но он нуждается в развитии и уточнении. Эксперт В. Панова обращает внимание, что «маловероятным будет представляться фактическое, а не декларируемое согласие сильных экономических партнеров в Азии ориентироваться на построение предлагаемого Россией Большого евразийского партнерства с центральной ролью Москвы»¹⁵. Стоит с большим вниманием отнестись к созданию Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП). России в настоящее время важно не упустить возможность принять участие в формировании макрорегиона. Для этого необходимо развивать тесное сотрудничество в разных форматах между Евразийским союзом и АСЕАН как центра ВРЭП, чтобы новые нормы и правила не были продиктованы, а разработаны совместно. И здесь возникает задача повышения эффективности Союза, что может быть достигнуто в том числе за счет наделения Евразийского

---

¹⁴ Лавров С. Мир на перепутье и система международных отношений в будущем // Сайт РСМД. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/mir-na-perepute-i-sistema-mezhdunarodnykh-otnosheniy-v-budushchem/?sphrase_id=32595785 (дата обращения: 13.01.2021).

¹⁵ Панова В. Прыжок азиатских тигров в пространство мегарегионов // сайт РСМД. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pryzhok-aziatskikh-tigrov-v-prostranstvo-megaregionov/> (дата обращения: 16.03.2021).

зийской экономической комиссии новыми правами и возможностями для реализации поставленных целей.

Для Москвы регион Центральная Азия занимает особое место, поскольку Казахстан и Киргизия являются членами ЕАЭС, а вместе с другими центральноазиатскими республиками (кроме Туркменистана) входят в ШОС, которая может стать договорной площадкой и точкой сопряжения Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Пояса и Пути». Об этом заявляется в Московской декларации (2020 года) Совета глав государств-членов ШОС: «Подтверждая поддержку инициативы Китая «Один пояс, один путь» (ОПОП), отмечают текущую работу по совместному осуществлению этого проекта, в том числе усилия по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и ОПОП»¹⁶.

В настоящее время отношения Москвы и Пекина находятся, по выражению сторон, на беспрецедентно высоком уровне. Визит министра иностранных дел России С. Лаврова в Китай, и автоматическое продление Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве на очередные пять лет после жестких переговоров США и КНР в Анкоридже и серьезных санкций Евросоюза позволяет говорить о новом этапе сотрудничества между Россией и Китаем. Заместитель директора ИМЭМО им. Примакова А. Ломанов отмечает, что «в этих условиях Китай и Россия нуждаются в друг друге намного больше, чем это было 20 лет назад»¹⁷. Однако, несмотря на общие подходы в строительстве мирового порядка, отношения Москвы и Пекина не лишены разногласий. К таким чувствительным местам можно отнести взаи-

---

¹⁶ Московская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества // сайт ШОС. – URL: <http://rus.sectsc.org/documents/> (дата обращения: 13.01.2021).

¹⁷ Китай: разрушение старых иллюзий // Интерфакс. – URL: <https://www.interfax.ru/world/757541> (дата обращения: 24.03.2021).

модействие в Центральной Азии, где Китай планомерно наращивает свое присутствие, в то время как Россия понемногу лишается привилегированного положения. Разделение труда в регионе, когда Китай занимался вопросами экономического развития, а Россия – вопросами безопасности, подходят к концу, поскольку Пекин начал продвигать свои проекты безопасности – передача вооружения, обучение, стремление привлечь частные военные кампании. Таким образом, складываются предпосылки для становления Китая в качестве гегемона на пространстве Центральной Азии, где России будет отведена роль младшего партнера. Чтобы не допустить такого развития событий А. Габуев, руководитель программы «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе» Московского Центра Карнеги, предлагает «укреплять суверенитет центральноазиатских стран. ...Это означает значительную перестройку политики»¹⁸. Это не означает, что Россия должна будет вмешиваться во внутренние дела стран региона, поскольку, как показывает практика, любое вмешательство – это дестабилизирующий фактор.

2021 год ознаменуется тридцатилетним юбилеем распада Советского Союза. И многим постсоветским странам в условиях, когда внерегиональные акторы, оказывающие влияние на регион в первые два десятилетия независимости, сейчас заняты по большей части решением внутренних проблем, придется доказывать свое право на существование. Для России это можно обозначить как окончательный выход из имперского существования¹⁹, и необходимость проработки внеш-

---

¹⁸ «Роль Китая не может играть ни одна страна». Александр Габуев о растущем влиянии Китая в Центральной Азии // Коммерсант. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4671797> (дата обращения: 20.03.2021).

¹⁹ Тренин Д. Россия и страны СНГ: «взросление» отношений. 20 лет спустя. Как изменился мир после распада СССР? Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия. – М.: НП РСМД, 2017. – URL: https://russiancouncil.ru/upload/iblock/56a/evolutionofpostsovietspace_ru.pdf (дата обращения: 11.01.2021).

неполитического курса, который отвечал бы ее национальным интересам. Представляется, что определенные шаги в этом направлении уже осуществляются.

Что касается политики в отношении Центральной Азии: сейчас из-за последствий пандемии и, как результат этого, самоизоляции стран региона, тормозятся интеграционные процессы, в том числе и китайская инициатива «Пояс и Путь». Возможно, будут появляться пространства, которые можно будет занять при условии неповторения ошибок прошлого. Тогда можно рассчитывать на усиление позиций в регионе в целом и в каждой стране в отдельности. В настоящий момент важно не заикливаться на геополитических амбициях, а больше концентрировать внимания на экономическом развитии, трезво оценивать свои ресурсы.

К.А. Фролов,

заведующий отделом по связям с РПЦ Института стран СНГ
(Россия)

Когнитивные основы евразийской интеграции

Важны глубокие основы, скрепляющие Евразийский союз.

Что касается участия в нем Белоруссии, строящей с Россией Союзное государство, то здесь все ясно. Белорусы и русские являются одним народом. Великий русский философ Николай Лосский писал, что белорусы веками шли на смерть за право называть себя русскими. Соответственно, единый русский народ воссоединяется в форме Союзного государства России и Белоруссии. Логично и участие Армении – только в союзе с Россией возможно отстоять не только свою восточнохристианскую идентичность, но и национальную независимость.

Но какие ключевые аргументы для народов Средней (Центральной) Азии, которым предложена очень удобная и привлекательная альтернатива евразийской интеграции в виде единой исламской нации с наложением пантюркизма, которую, с подачи аналитических структур Великобритании, президент Турции Р. Эрдоган рассматривает как возрождение «культы» Османской Империи. Конечно, за евразийскую интеграцию выступает советская элита и интеллигенция Средней Азии. Но это, как правило, уже пожилые люди.

Что же предложить молодежи?

Талибан напугал. Исламистский неоосманизм – это «софт версия Талибана». Это – важный, но кратковременный эффект.

Необходимо опереться на традицию, тем более, что этому, «от противного» помогает политика глобализации, уничтожения не только традиционных ценностей, но и национальных государств, которую осуществляет президент США Дж. Байден. Его идеологом является основатель Давосского Форума Клаус Шваб, который в своей книге «Великая перезагрузка» призывает использовать пандемию коронавируса в качестве политического повода для установления во всем мире «новой нормальности», в которой не будет традиционных институтов церкви и традиционного ислама, семьи и национальных государств. Власть над ними перейдет к транснациональным корпорациям.

Православная традиция отождествляет антихристианскую глобализацию с эсхатологическими пророчествами об Антихристе, у которых в исламе существует свой аналог – «ложный имам Даджал». Шииты в Иране прямо отождествляют США с «Большим Шайтаном» или «Главной Сатаной».

Такой «эсхатологический союз» православной и исламской традиций и является подлинной «закваской» Евразийского союза. Именно эта «закваска» закрепляет ключевое место России. Ни «Талибан», ни Турция не могут спасти от «Большого шайтана». Такой подход не только скрепляет Евразийский союз, но и привлекает в него Иран, где «политическая эсхатология» является государственной политикой.

Указанный подход все более привлекает Китай, который в противостоянии с США делает ставку на традиционную многодетную семью и подавление глобалистской идеологии, политической и идеологической власти ЛГБТ.

А.Г. Аршев,
эксперт аналитического Центра «Фонд стратегической культуры»
(Россия)

**«...Наш мехтеран будет играть громко»:
от Кавказа до Сибири – в поисках
«борцов за свободу»**

10 декабря 2021 года в г. Керфез провинции Коджаэли на северо-западе Турции был открыт сквер им. Чеченского террориста, «первого президента» так называемой «Ичкерии» Джохара Дудаева. Резонансная инициатива принадлежит главе местного муниципалитета Шенеру Сегютю – однопартийцу президента Р. Эрдогана по «Партии Справедливости»²⁰, по словам которого «для турецкого народа является большой честью открыть парк имени человека, являющегося символом борьбы за свободу»²¹. «Да помилует Аллах доблестного командира Джохара Дудаева, в честь которого был назван этот парк. Пока исламский мир будет в единстве, с дозволением Аллаха, наш мехтеран (османский военный оркестр) будет играть громко.

---

²⁰ Позиция оппозиционеров в данном вопросе ни на йоту расходится с линией правящей партии. «С уважением и милосердием» вспоминала «годовщину мученической смерти кавказского полководца Д. Дудаева» руководитель оппозиционной партии İYİ Parti Мераль Акшнер. А основатель Gelecek Partisi Ахмет Давутоглу помянул «героического сына Кавказа, легендарного лидера Чечни Д. Дудаева в 25-ю годовщину его мученической кончины».

²¹ См.: Норин Е. Чеченская война. Т. 1. 1994–1996. М., 2021.

Я благодарю всех, кто собрал нас здесь, прежде всего нашего мэра», – подхватил его заместитель.

После уничтожения «легендарного чеченского лидера» (определение одного из проправительственных турецких изданий) в 1996 году имя «героя» присваивали десяткам объектов, среди которых – улицы, парки и площади в Стамбуле, Анкаре, Сивасе, Кайсери, Адапазары и в других местах. В том же Керфезе в микрорайоне им. Дудаева проживает несколько сотен беженцев из Чечни. В административном центре провинции Невшехир также имеется микрорайон, мечеть и даже названный именем Дудаева детский сад. Местные СМИ охотно цитируют слова первого «президента Ичкерии» о Турции как о «проблеске надежды для тюркского мира и для исламского мира».

В свойственном ему эмоциональном стиле откликнулся на действия турецких властей глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров, призвавший турецкого президента Р. Эрдогана определиться: «...Либо вы получаете статус государства, публично поддерживающего террористов, либо выступаете за прозрачные и честные отношения с Российской Федерацией, не меняя своих убеждений за ее спиной». Пока же «в Турции находят убежище разыскиваемые бандиты и отморозки, пока они открыто устраивают сборища и мероприятия по переименованию парков именами террористов, причастных к гибели тысяч мирных граждан, мы оставляем за собой право на ответные действия», – предупреждает чеченский лидер.

Особо нервную реакцию в Турции вызвало предложение Р. Кадырова увековечить в Грозном имя лидера запрещенной в Турции Рабочей Партии Курдистана Абдулы Оджалана, отбывающего пожизненный срок в тюрьме на острове Имралы. Турецкие СМИ обращают внимание на слова главы Чечни о «прямой угрозе» турецко-российским отношениям, на призывы Анкару проявлять осторожность, а Москву – предпринимать активные дипломатические шаги.

«Обращаюсь и к министерству иностранных дел Российской Федерации: нынешние действия турецких властей – это прямая угроза для российско-турецких отношений, которые развивались веками. Следует обратить на это внимание и принять против подобных проявлений упреждающие дипломатические меры», – заявил Р. Кадыров. Пока сложно судить, в какой форме такие меры последуют (и последуют ли вообще) за рамками стандартных заявлений российских официальных лиц. Как сообщил пресс-секретарь Президента России Дмитрий Песков, по дипломатическим каналам Москва непублично донесла Анкаре соответствующее неодобрение.

«Турция и в 90-е годы, и сегодня являлась и является прибежищем боевиков различных мастей, в том числе и сбежавших из России во время войны в Чечне. Многие из этих боевиков по сей день проживают в Турецкой Республике, активно способствуют ухудшению взаимодействия между Россией и Турцией», – напоминает научный сотрудник ИМЭМО РАН Владимир Аватков. «...Как отнесется Эрдоган к инициативе по созданию в России парка им. Гюлена, которого считает своим личным врагом?», – задает вопрос Евгений Сатановский, напоминая о многочисленных турецких геноцидах, «от армян и понтийских греков, до алавитов и азербайджанцев-шиитов, которых в Османской Порте, как еретиков, уничтожали в ходе турецко-персидских войн». Отставной дипломат, обозреватель агентства Regnum Михаил Демулин обращает внимание на издержки реагирования постфактум, а не до того, как резонансное событие уже произошло. Логичнее было бы, исходя из имеющейся информации, предупредить партнера о конкретных последствиях в случае недружественного шага, в то время как предъявление ультиматумов «далеко не всегда приводят к поставленным целям... Из теории дипломатии известно, что ультиматум ставит в более неудобное положение

сторону, объявившую его, нежели ту, которой этот ультиматум адресован. Не в наших интересах доводить до такого и в отношениях с Турцией».

Некоторое время назад министр иностранных дел России Сергей Лавров обратил в шутку демонстрацию президентом Турции в компании с лидером националистов Девлетом Бахчели некоей «карты тюркского мира» с намеком претензии на значительную часть российской территории с проживающими на ней тюркскими и иными народами. В их числе – расположенная на пути из Казахстана в Якутию Хакасия, откуда некоторое время назад были депортированы иностранцы (выходцы из Казахстана и Турции, муж и жена Эмин Карачак и Назгуль Кежетай), снимавшие там некий фильм о тяжелой жизни страдающих под пятой «русского империализма» тюркских народов. Интересно, что после Хакасии иностранцы намеревались отправиться в славящуюся социально-экономическим неблагополучием Республику Тыва, однако были задержаны. Как сообщают местные СМИ, к выбору респондентов «туристы» подходили весьма своеобразно: «они не обращались в министерство национальной и территориальной политики, и министерство культуры. И даже не интересовались позицией руководства движения хакасского народа. Общались граждане преимущественно с теми жителями, которые недавно приняли ислам». По мнению автора Telegram-канала «Русский Ориенталист», речь идет о формировании очередного «колониального нарратива, которым когда-нибудь, в теории, можно обосновать отделение Сибири» от России.

Не забывают в Турции и о пресловутом «черкесском вопросе», который активно раскручивался с подачи «неправительственных» американских фондов в преддверии Зимней Олимпиады 2014 года в Сочи.

10 октября в районе Бейликдюзю Стамбула был открыт очередной памятник переселенцам-«мухаджи-

рам». Сторонники версии об учиненном русскими колонизаторами «геноциде» предпочитают обходить стороной невыгодные для них факты тесной связи проекта «Черкесии» с османской и британской разведкой. Так, с 1830 года турки на английские деньги возили мятежным черкесам оружие и порох, а спустя несколько лет британские разведчики работали уже непосредственно на Северо-Западном Кавказе. Небезызвестный Дэвид Уркварт деятельно добивался поддержки черкесов и признания их «независимости» на государственном уровне. Как следует из воспоминаний других агентов, Джона Белла и Джеймса Лонгворта, курируя контрабандный ввоз на Кавказ огнестрельного оружия, они занимались подкупом старшин племен натухайцев и шапсугов. Давая от имени Великобритании ложные обещания, они и их «коллеги» продлили разорительную для России Кавказскую войну на годы, если не на десятилетия²².

Как заявил в видеоролике телекомпании Deutsche Welle турецкий писатель черкесского происхождения Фари Хувадж, в настоящее время черкесская община в Турции, насчитывающая до нескольких млн. чел., находится на пути к ассимиляции, а черкесский язык и культура – на грани исчезновения. Этого оказалось достаточным, чтобы в целом идеологически выверенный видеосюжет стал предметом обструкции со стороны правящей партии и лояльных ей СМИ. Возвестив в 2014 году конец «эпохи отрицания, неприятия и ассимиляции», впоследствии, по мере укрепления своего союза с радикальными националистами президент Р. Эрдоган уже через год перешел на иные позиции, спровоцировав даже уличные выступления представителей черкесской общины. В отличие от благостной

---

²² См., напр.: Медведев А. Война империй. Тайная история борьбы Англии против России. М.: «Эксмо», 2016.

официозной картинке, реальная интеграция переселенцев с Северного Кавказа (не говоря уже о других этноконфессиональных группах) изобилует примерами совершенно иного рода. Здесь и запрет говорить на родном языке, и разгон черкесских обществ, и высылка неугодных, и массовые репрессии, и запрет национальных традиций, и запрет использования черкесских имен и фамилий, и тюркизация названий деревень... Большинство так называемых «реформ», декларированных было при «раннем» Р. Эрдогане в рамках безнадежного процесса вступления в ЕС. Наличие же лиц черкесского происхождения на высоких должностях в правительстве и армии – не более чем еще одно доказательство процесса ассимиляции, свидетельствующей отнюдь не в пользу Турции в сравнении с Россией, где черкесские общины пользуются большими свободами. Достаточно упомянуть, что в трех республиках с «черкесским» компонентом – Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии – языки титульных народов наделены официальным статусом наряду с русским, а телевизионные и радиоканалы вещают на черкесском языке.

Несмотря на «фирменную» антиколониальную риторику, геополитический функционал современной Турции по части «загребания жара чужими руками» не слишком изменился. Думается, не случайно в последнее время участились сообщения о вскрытии и ликвидации правоохранительными органами в ряде российских регионов экстремистских и террористических ячеек, в той или иной мере ориентирующихся на «турецких партнеров». Еще одним методом их работы может стать активная, пусть и закамуфлированная под «благотворительность», поддержка этносепаратистских движений под завесой «антиколониальной» демагогии. Не встречающая идеологически мотивированного и организационного противодействия турецкая «мягкая сила» (в действительности совсем не «мягкая») способна создать немало проблем.

Секция 2.
ЕАЭС: АКТУАЛЬНЫЕ ТRENДЫ РАЗВИТИЯ

К.К. Рахимов,

ранее советник премьер-министра Киргизской республики,
эксперт по экономике и транспорту
(Киргизия)

**Разноскоростная интеграция
в разных интеграционных объединениях.
Сценарии развития евразийской интеграции
в условиях выхода на плато**

Так получилось, что, будучи экспертом аналитического сообщества, успел два года поработать в правительстве Киргизии. У нас год назад случилась повторная революция. Это такой достаточно странный процесс. И как-то меня забыли уволить, поэтому был вынужден наблюдать все процессы в формальном ранге советника премьера, но без обратной связи с руководством, которое постоянно менялось.

Вообще, если подходить к теме разноскоростной интеграции, мы должны понимать, что мы попали в такую ловушку сужения тематики до экономической повестки. Мы забыли про гуманитарную, образовательную и социальную области в широком смысле, что выделяет гуманитарную сферу, и самое главное – политическую повестку. Поэтому в начале 2021 года написал статью, где обозначил три возможных сценария: эволюционный, реэволюционный и инволюционный, потому что не надо бояться усыхания какого-то процесса. Не надо бояться того, что надо немножко останавливаться, потому что иногда это получается объективно.

Как хорошо сказали, что мы сейчас повторяем те же цели, которые были обозначены в 2014 и 2016 годах. На самом деле, мы топчемся вокруг текста договора, который был подготовлен в 2014 году.

Не надо бояться сценария инволюции. Там есть свои плюсы, например, экономия ресурсов. Возможно, что нам не нужна такая громоздкая структура как Евразийская экономическая комиссия в том формате, которая потребляет около 200 млн. долл. в год. Надо ли нам содержать такую структуру? Кто считал ее эффективность? Кто нам может подсчитать КПД Евразийской экономической комиссии? Они постоянно требуют расширения и развития полномочий. Вы представляете, на что нас толкаете? Но нынешний сценарий развития надо описывать. Возможно, что нам надо сконцентрироваться на 3-5 проектах. Если мы сейчас действительно уперлись в тот же энергетический или еще какой-то рынок, их нужно восстанавливать.

Теперь спорный тезис, но я его должен озвучить. В рамках разносторонней интеграции должно быть поглощение двухсторонних проектов, которые имеют отношение к странам ЕАЭС. Приведу два примера.

Один большой или очень большой – это Союз (Союзное государство) России и Белоруссии. Считаю, что его надо помещать под зонтик ЕАЭС, потому что он, на самом деле, не противоречит последнему. Соответственно, все диалоги, связанные с Союзом России и Белоруссии, с союзными программами, необходимо вести полностью внутри евразийской интеграции. А у нас получается, что в одной «лаборатории» варят вот это российско-белорусское «нечто», а рядом стоит другая «лаборатория», которая пятисторонняя. И мы наблюдаем этот процесс со стороны. То есть из одной колбы наблюдаем, что же происходит в другой колбе. Это, мягко говоря, не конструктивно, когда есть возможность сделать одну общую «лабораторию».

Есть понятие поглощения двухсторонних проектов на уровне инструментария. Например, это россий-

ско-киргизский фонд развития (РКФР), который был обозначен как инструмент, в том числе, евразийской интеграции. Мне было очень интересно слушать риторику представителей Евразийской экономической комиссии 2016 года, когда они говорили: «Нет, это не наш проект. Мы к нему отношения не имеем. Это так называемая «двухсторонка». Я говорю: «Позвольте, у нас вся риторика в Киргизии построена на том, что РКФР – это прямой путь для выравнивания условий, чтобы поднять уровень в Киргизии до среднего по ЕАЭС. Поддержка промышленности и так далее».

Считаю, что в рамках проектов Евразийского банка развития, в рамках Фонда стабилизации и развития все это надо объединять. Потому что, опять же, я буду все время ссылаться на логику Европейского союза, можно и нужно объединять подобные вещи. Имеется в виду, что мы имеем «лишнюю хромосому» в лице Таджикистана (он же не совпадает со структурой ЕАЭС), и еще туда вступает Узбекистан именно как полноправный учредитель ЕАБР. Не надо этого бояться. Опыт показывает, что в рамках разноскоростной интеграции можно все это проговаривать и делать.

Очень важный момент терминологический – понимать, такие вещи, как усеченная интеграция или как в Европе ее называли «a-la carte». Вот то, что есть в меню, бери и делай. Не нравится – не бери. И вам ничего в итоге не будет.

Второй момент – пятнистая интеграция. Есть проекты, которые требуют другой динамики, нежели чем существующая ситуация в рамках неповоротливости бюрократии.

Асимметричная интеграция – это нормальный подход. Он совпадает с пятнистым, но не всегда. То есть мы не должны бояться асимметрии. Она у нас уже по умолчанию асимметричная: слишком различны масштабы России и всех остальных четырех стран ЕАЭС.

И в рамках всего этого я вижу перспективы отдельных проектов ускоренной и интенсивной интеграции,

включающих политическую повестку. Последнее – это вопрос непростой. Пока не будет надстройки в виде политических конструкций по аналогии с Европейским союзом, мы все время будем попадать в какие-то ловушки либо у нас будут ложные цели. Это мое мнение.

Что мы получили на уровне Евразийской экономической комиссии? Мы получили наднациональную гидру бюрократов. Там постоянно работает механизм так называемой защиты национальных интересов. И там есть некая парадигма, что вот мы работаем в ЕЭК, мы наднационалы. Но, опять же, сложно называть себя наднационалом, будучи гражданином РФ, работающим в г. Москва. То есть, так или иначе, у тебя будет какой-то конкретный интерес. У нас даже нет внутреннего иммунитета в отношении решений, которые могут быть непопулярными по отношению к своей родине, по отношению к своей стране. Киргизия в этом плане самая «шумная» страна, и мы постоянно видим значительную критику оппозиции в отношении тех же министров, которые делегированы в ЕЭК. Они не отчитываются перед парламентом страны и вообще занимаются какой-то своей повесткой, вместо того чтобы отстаивать там национальные интересы. Хотя они отвечают за конкретный портфель. Транспорт, энергетика, инфраструктура – это один портфель. А второй – это таможня. Они не могут отстаивать интересы по другим вопросам.

Поэтому закрепление так называемой неоднородности – это дуализм. Это интеграция, которой мы не должны бояться. Да, есть моменты, где мы должны понимать, что единство – это не единообразие. Когда мы начнем это понимать, тогда у нас будут шансы на то, что наша интеграция будет двигаться. Возможно, что она будет где-то ситуативная. Возможно, в рамках подходов, выработанных учеными и исследователями, которые занимаются европейской интеграцией, где нет так называемой предопределенной гибкости, т.е. когда

закладываются определенные возможности: уходить, сдвигаться и т.д.

Вообще, в этом плане нам все-таки надо вернуться к изучению подходов других стран, по крайней мере, европейской интеграции как примера самой эффективной интеграции на данный момент. Несмотря на то, что пандемия внесла свои коррективы, оказалось, что не все там так просто с точки зрения национальных границ и всевозможных карантинных. Но вот эта модель, которая состоит из разноскоростного движения, вот этого твердого ядра европейского, изменяемой геометрии, авангарда Европейского союза (в авангарде не всегда могут быть Франция и Германия, иногда могут быть молодые участники).

Еще раз подчеркну, не надо бояться экспериментировать. Надо смотреть, что мы могли бы еще сделать не в рамках каких-то двухсторонних проектов, но в рамках вот этой большой колбы. И все-таки остаюсь убежденным евразийцем. Надеюсь, что мы будем развиваться. И даже потенциально инволюционный сценарий не должен убить евразийскую интеграцию как таковую.

Т.Н. Манасерян,

профессор Ереванского государственного университета,
доктор экономических наук
(Армения)

О повышении конкурентоспособности наших национальных хозяйств и ЕАЭС в целом путем обеспечения экономической безопасности

По моему убеждению, само развитие завязано на двух очень важных компонентах – безопасности и конкурентоспособность. Без этих двух факторов трудно представить себе развитие в целом. Однако, парадоксально, что это касается не только ЕАЭС. Наши национальные хозяйства, впрочем, также развиваются. За все время независимости все программы правительства фактически носили вот такой характер. Во-первых, односторонний оптимистический характер. в этих программах нет никаких угроз, нет никаких оценок угроз экономической безопасности. То есть может создаться впечатление, что мы находимся на уровне устойчивого развития, и нам следует просто подумать о том, как вообще мы будем развиваться.

Во-вторых, мне бы хотелось акцентировать внимание на том, что нам нужны сценарии, в том числе для ЕАЭС в целом. Почему-то мы склонны считать, что у нас безоблачное будущее, наших усилий достаточно, и мы пойдем в светлое будущее. Не может быть такого. Не очень динамично развиваются и все факторы, действующие не только на отдельные хозяйства, но

и на региональную группировку. И в этой связи хочу отметить, что постсоветские страны после обретения независимости, к сожалению или к счастью, имеют разные внешние политики и внешнеэкономические связи в том числе. Одни прозападные, проевропейские, другие проамериканские, третьи пророссийские и т.д. А некоторые пытаются быть и там, и там. Так вот, исходя из всего этого, надо также оценить нашу евразийскую интеграцию.

Но одним из важных упущений я бы назвал следующее. Нам почему-то кажется, что постсоветские страны составляют некую неделимую общность. Абсолютно нет. Достаточно взглянуть на такой блок, как ГУАМ. Организация называется «Организация за демократию и экономическое сотрудничество». Крайне антироссийское движение, созданное в 1997 году. И в этой среде у нас не столько друзей, сколько людей, которые всячески будут мешать региональной интеграции.

И оказывается, что, несмотря на специфики развития национальных хозяйств, все-таки есть нечто общее. И это нечто общее называется экономической безопасностью, которую мы пока не сумели обеспечить.

Среди нас нет стран, которые решили бы проблему бедности. Значит, бедность остается главной угрозой экономической безопасности. Отсутствие ориентиров и общей цели я тоже назвал бы угрозой экономической безопасности. Мы не можем каждый день менять политику в зависимости от того, какое правительство в наших странах или кто представляет наши страны в ЕЭК. Таким путем нельзя добиться устойчивого развития.

Наверное, единственная страна, которая сумела более-менее обеспечить экономическую безопасность, это Белоруссия. Другие страны пока зависят от источников извне, то есть от импорта. А согласно методике, допустимо импортировать не более 25% продовольствия и товаров первой необходимости.

Финансовой безопасности угрожают не только изменяющиеся валютные курсы и финансовых кризисов, но и, в первую очередь, бегство капитала из наших стран. Мы системно не анализируем эту ситуацию и пока не оцениваем это как общую угрозу. Пока мы не можем использовать все эти временно свободные финансовые ресурсы.

Назову вам парадокс, который существует в Армении. Временно свободные денежные финансовые ресурсы у нас составляют примерно столько, сколько внешний долг страны. Мы не умеем использовать наши же временно свободные денежные ресурсы. Берем займы, авторы которых, конечно, ставят условия. И условия вовсе не экономические, а политические. В то время, если бы мы использовали свои местные ресурсы, мы бы не сталкивались с этим.

К другим угрозам можно отнести проблемы в транспортной и демографической безопасности, «утечке мозгов», старение населения и т.д. Думаю, что никто не скажет, что в его стране нет таких угроз экономической безопасности. Суть в том, чтобы мы сопоставили свои действия в политике в разных направлениях, и как-то их координировали. Необязательно, чтобы это политика была общей, но она должна быть гармонизирована. И я полностью согласен с Азой Мигранян, потому что если у нас не будет промышленной политики, ничего не получится. Что мы делаем сегодня? Мы вытесняем друг друга из местного единого экономического рынка. Этого быть не должно, не говоря уже о том, что нам необходимо задуматься о формировании и создании евразийского бренда. Несколько раз об этом было сказано на самом высоком уровне, но мы не делаем этого. Нет конкретных проектов. Я бы предложил, чтобы в ЕЭК создали маленькие структуры, где была бы пара ответственных лиц за конкретные евразийские проекты, за исследования, оценку и сокращение экономических угроз.

Предложений много, назову только несколько. Это использование наших преимуществ. Великие экономисты в свое время говорили о преимуществах, которые каждая страна может выявить, а потом реализовать. Никогда не было либерализма, потому что развитые страны никогда этого не придерживались. В XXI веке пора освободиться от этого мифа. Эта идеология уже умерла в 2008 году. Нам надо сейчас подумать о том, как выявить национальные конкурентные преимущества и сообща использовать преимущества кооперирования. Пока нам это не удастся. Есть много других предложений, но не буду занимать ваше время. Хочу поблагодарить за ваше терпение.

Я не за то, чтобы не было этой структуры, а чтобы мы могли рационально использовать административные ресурсы. И чтобы действительно посчитали, сравнили коэффициент полезного действия. Какая польза от того, что она есть? Какой результат? Что мы получаем от этого и учитывается ли мнение экспертов? Можно немного экономить на этих ресурсах и создать экспертную структуру, подпитывающую эти административные структуры. Потому что без экспертного мнения, без научной обоснованности предложений, мы ничего не достигнем.

Я изучил структуру экспорта и импорта членов ЕАЭС. Главным показателем для роста страны для меня является сам экспорт. Как мы видим, рост ВВП в Белоруссии составляет больше 30%, в РФ 21,3%, в Казахстане 32% и т.д. Теперь давайте посмотрим на экспорт стран. В Армении с начала 2016 года экспорт имел огромный рост. И к 2020 году экспорт распространялся на другие страны ЕАЭС и за его границы. Как вы видите, экспорт Армении в страны ЕАЭС с 2016 по 2019 год более чем удвоился, в 1,9 раз. И что интересно, экспорт вообще вырос на 44,9% (всеобщий экспорт). Но как мы видим, большую роль сыграло то, что рынок Армении начинал расти, увеличилась

наша легкая промышленность. В 2018 году от всей легкой промышленности было около 9% экспорта, что очень хорошо. Увеличились и другие статьи. Однако в 2020 году экспорт был на уровне других стран Азии. Суммарный экспорт сократился на 3,8%, а экспорт в страны ЕАЭС сократился на 8,9%. Почему не сократился всеобщий экспорт? Потому что мы экспортеры. Цена меди продолжает расти. И поэтому во всеобщем экспорте Армения не имела такую большую потерю. Вы видите экспорт Армении и ЕАЭС, и мы видим, как в течение этих нескольких лет он вырос. Для маленьких стран мы это также увидели. Так что для маленьких стран большой рынок ЕАЭС имеет свое преимущество.

В России экспорт последнего года сократился на 5%, в 2020 году он сократился на 22%. Однако в 2021 году экспорт восстанавливается и имеет рост. Большое сокращение экспорта произошло вследствие того, что основная часть экспорта в России – это нефтепродукты и нефть, и цена их сократилась в 2020 году. Если мы посмотрим на рост экспорта до 2019 года, то экспорт в ЕАЭС увеличился на 41%. И тот же самый показатель увеличения суммарно с 2016 года по 2019 год. Можно сказать, что до вступления в ЕАЭС структура экспорта России не изменилась и по большей части нет значительных изменений в структуре России.

Однако, в Казахстане есть некие изменения. Понятно, что Казахстан тоже экспортирует нефть и снижение цен на нефтепродукты тоже оказало влияние на экспорт Казахстана в 2019 и 2020 году. С 2021 года видим рост экспорта всех стран, и Казахстана, и ЕАЭС. Тут есть некий рост экспорта в сторону ЕАЭС больше, чем в остальные страны. А также вырос экспорт Казахстана в страны ЕАЭС на 61% в течение с 2016 года по 2019 год.

Вообще 44% всего экспорта Беларуси в 2019 году пошло в страны ЕАЭС. Понятно, что это единое пространство с Россией, но основная часть экспорта Белоруссии – это Россия. Белоруссия, как я и сказал,

является единственной страной из основных стран ЕАЭС, экспорт которой больше 30% (составляет 51%).

Как вы видите, экспорт Киргизии в страны ЕАЭС вырос в более чем два раза с начала 2016 года. И всеобщий экспорт тоже вырос на 39%. То есть общий большой рынок ЕАЭС более чем способствовал росту экономик маленьких стран.

И я хочу сказать, что если страна маленькая, не имеет выхода к морю, но она хочет развиваться, то самый большой акцент она должна сделать на экспорт. И не просто на экспорт, а экспорт готовой продукции. Понятно, что главная экспортная страна для нас – это Россия. Но все-таки Россия – это более 90% ВВП от всех наших стран, однако я скажу вам, что также огромными темпами растет экспорт стран ЕАЭС.

В.Я. Пищик,

профессор Финансового университета при Правительстве РФ
(Россия)

Перспективы национальных валют и коллективных денежных единиц в проведении взаиморасчетов между странами ЕАЭС

На пленарном заседании конференции прозвучал тезис о первичности и вторичности подхода к интеграции, к региональной и экономической интеграции. Что первично – снятие барьеров и развитие промышленной кооперации, то есть развитие в сфере производства. Есть определенные подходы. Мы это видим и на примере Европейского союза, и пытаемся более четко проявить эти же тенденции.

Тема моего выступления касается использования национальных валют. Но не только национальных валют, но и подходов к использованию коллективной денежной единицы как прообраза. Это важно с той точки зрения, что чем более активно будут развиваться интеграционные отношения в сфере надстроечных отношений, именно в сфере валютной интеграции, в сфере валютно-финансовых отношений, тем больше шансов для того, чтобы промышленное производство и интеграция на более низком уровне сделалась также более успешной.

Прошедшие годы показали, что, несмотря на все сложности, на все проблемы, на тенденцию к дезин-

теграции, тем не менее, доля национальных валют во взаимных расчетах постоянно растет. Безусловно, доля российского рубля превалирует в товарообороте страны, там порядка 65%. Но и у других стран членов ЕАЭС она также растет. Но есть периоды, когда эта тенденция затухает, а где-то она, наоборот, усиливается. Но много это или мало? Мы говорим о пути экономической безопасности, о суверенном развитии. Об этом говорилось и в выступлении Владимира Путина на высшем Евразийском Совете в декабре 2018 года, когда он говорил о том, что нужно активнее развивать расчеты в национальных валютах, замещая постепенно доллар и евро, и это является одним из факторов современного развития. Это было закреплено и в концепции создания общего финансового рынка в 2019 году, где эта задача также была поставлена. И в последних выступлениях руководителей Белоруссии, России и других стран все эти идеи получают поддержку.

Но на практике для того, чтобы эта идея реализовалась, нужна действительно более глубокая и тесная интеграция в сфере операционных связей. Это один аспект. В сфере взаимной торговли – это второй не менее важный аспект, почему эти сферы тесно между собой взаимосвязаны. И третий аспект – это создание соответствующей инфраструктуры, институциональной структуры на уровне платежно-расчетных отношений, на уровне сотрудничества на финансовых рынках, создание действительно подлинного общего финансового рынка и целый ряд других направлений взаимодействия.

Мне бы хотелось вкратце остановиться именно на создании общей платежно-расчетной системы. Что нужно сделать для того, чтобы осуществить интеграцию? Таким конкретным, с одной стороны, макроэкономическим, а с другой стороны, институциональным проектом является создание общей платежно-расчетной системы. Эта позиция также закреплена в концеп-

ции общей финансового рынка и уже предпринимаются усилия для того, чтобы реализовать этот проект. Причем не в традиционном виде, а на основе цифровой платформы, которая будет обеспечивать эти расчеты между странами в цифровых валютах.

И у нас в университете мы разрабатывали научно-исследовательский проект, который называется «Использование коллективных денежных единиц в процессе создания общего платежного пространства, общей платежно-расчетной системы в цифровом формате». И это вполне реальный вариант, для этого есть все необходимые предпосылки. В частности, были проведены такие расчеты, которые подтверждают следующее. Такая коллективная платформа может активно использоваться для национальных валют. Расчеты показали, что корреляция между национальными валютами по отношению к коллективно-денежным единицам более высока, чем корреляция между национальными денежными единицами. То есть вместо российского рубля выгоднее и целесообразнее использовать вот такую коллективно-денежную единицу. Но для этого нам тоже нужны соответствующие предпосылки.

Несколько слов об институциональной структуре. Какие институты необходимы для того, чтобы потом эта платежная система заработала? Прежде всего, единый инвестиционный институт. Этот институт был бы предназначен для эмиссии коллективной денежной единицы. Резервный фонд – это фонд, который обеспечивает обращение этих коллективных денежных единиц. В нем аккумулируются национальные и иностранные платежные средства, которые являются обеспечением коллективно-денежной единицы. Причем, эту единицу можно было бы использовать для других целей, например, для предоставления инвестиций, в частности по линии Евразийского банка развития, по линии Евразийского фонда стабилизации развития. Это были бы соответствующие каналы, позволяющие

идентифицировать и увеличить количество коллективных денежных единиц в обращении, тем самым популяризировать этот вид платежной денежной единицы.

Следующие моменты связаны с расширением использования коллективных денежных единиц не только в официальном обороте, но также и в частном обороте. Итак, резюмируя, я бы хотел подчеркнуть, что сближение интеграционных процессов во всех сферах является крайне важным. Оно должно быть, безусловно, взаимодополняемо, во многом синхронно. Не всегда это удается, но тем не менее, опыт Европейского союза показал, что такие элементы, как создание общей расчетно-платежной системы, порой даже несколько опережают другие процессы. Такая расчетно-платежная система, как «Таргет – 2», была создана еще до оформления Европейского экономического валютного союза в начале 1990-х годов. Она, по сути дела имитируя европейскую расчетную единицу, создала все необходимые предпосылки для введения в обращение евро в 1999 году.

Н.Б. Кондратьева,

ученый секретарь и руководитель Центра экономической интеграции
Института Европы РАН
(Россия)

Цифровая повестка дня ЕАЭС: от понимания феномена к действиям

Мне бы хотелось сделать сравнительный анализ того, что происходит в двух интеграционных союзах: в Европейском союзе и в Евразийском экономическом союзе. И на сегодняшний день в институтах управления этими двумя союзами закрепились такие позиции, что цифровая трансформация – это фактор поддержания и глобального влияния и фактор, конечно, устойчивости развития. И чуть больше, чем пять лет назад, и Европейский союз, и Евразийский экономический союз одновременно в 2015 году начали осуществлять свои стратегии цифровых преобразований.

На самом деле, со стратегиями регулирования цифровых процессов до сих пор связаны довольно высокие ожидания, особенно в Европейском союзе. Конечно, сейчас никто не отрицает повседневных удобств цифровизации. И, конечно, это не панацея, потому что гарантий успеха цифровизации на сегодняшний день не дает никто, кроме как владельцы цифровых платформ. И нас давным-давно предостерегли фантастические романы, которые представляли нам цифровое общество, где не развиваются другие традиционные сферы деятельности, и эти общества остаются несовершенными. Фильм

«Кин-дза-дза», который обогнал свое время и понятен становится только теперь. Там показано то самое гнилое общество, абсолютная утопия, но это тот самый вариант, когда наличие исключительно каких-то облачных технологий не дает обществу ничего. Нобелевский лауреат Роберт Солоу говорил: «Компьютеры проникли всюду, кроме критериев производительности или эффективности производства». Таким образом, мы понимаем, что цифровизация и регулирование цифровых процессов – это, с одной стороны, какой-то фактор экономии, а с другой стороны он становится для кого-то фактором роста.

В 2015 году бывший тогда председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер провозгласил стратегию создания единого цифрового рынка и по тому же пути пошел Евразийский экономический союз. В ноябре 2015 года была провозглашена примерно такая же стратегия создания единого цифрового пространства, и Евразийская экономическая комиссия взяла на себя полномочия, получила мандат и согласилась на то, чтобы разрабатывать эту концепцию. Ее разрабатывали два департамента, но все сразу же поняли, что дискуссия идет гораздо шире, чем изначально предполагалось. То есть задача оцифровки процессов рынка – это совсем не то, что здесь можно было обсуждать, это образ цифрового, безопасного, удобного будущего, к которому нужно прийти. И тогда уже в 2017 году было сказано: «Давайте двигаться, чтобы построить это цифровое будущее к 2030 году». И возник такой достаточно большой набор направлений деятельности и была постановка задачи – создание цифровых платформ. И тогда же, уже в 2017 году, речь шла буквально о цифровом суверенитете и о безопасности и экономике. И об этом всем прекрасно повествуют отчеты Евразийской экономической комиссии.

Таким образом, итогом в 2016 году стала цифровая повестка ЕАЭС, которая была шире, чем регулирование

рынков. И документ, в котором все эти идеи сводят к четырем направлениям или общим знаменателям – цифровизация бизнеса, цифровизация рынков, в т.ч. рынка труда (необходимость развития навыков у населения), цифровизация процессов управления (т.е. электронных правительств) и цифровизация инфраструктуры и защищенность цифровых процессов.

Что касается Европейского союза, то точно такой же процесс шел и там. Я веду к тому, что, может быть, все эти тезисы, которые проговаривались, у нас обговаривались даже буквально раньше, чем в самом Европейском союзе. То есть процессы идут независимо и это обусловлено не тем, что мы друг у друга смотрели, а тем, что конъюнктура нам подсказывала одно и то же. И на сегодняшний день в стратегии развития ЕАЭС тоже подчеркнут этот переход к цифровизации областей жизни.

И опять же, хочу обратить внимание, есть выступление министра Андрея Слепнева на январском форуме 2021 года. Он говорит, что пандемия сейчас является катализатором дальнейшего рывка регулирования цифровой трансформации. А в сентябре председатель Европейской комиссии говорила то же самое, что пандемия – это возможность повысить спрос на цифровую трансформацию и поставить какой-то знак равенства между потребностями цифровизации общества и спросом общества на цифровую трансформацию. Таким образом, в общем-то, мы все движемся в одном и том же направлении, но я хочу сказать, что конечно ЕАЭС немного отстал по ее результатам. Если сравнивать результаты, то очень важным в этом отношении итогом для Европейского союза была отмена платы за роуминг. В ЕС это произошло в 2017 году, а в ЕАЭС – произойдет только в 2025 году. И Европейский союз достаточно далеко продвинулся в том, что касается защиты данных. На сегодняшний день в ЕАЭС мы можем говорить о перспективах. В Европейском союзе принято очень много

нормативных актов, касающихся защиты данных и это, конечно, весьма обременительно для бизнеса, но, тем не менее, это весьма полезно для конкретных людей, которые чувствуют большую защищенность от, например, несанкционированной рекламы. Здесь можно приводить очень много примеров, но вместе с тем, нормативное лидерство Европейского союза здесь очень заметно.

Хочу также обратить внимание на то, что у нас конечно нет общего бюджета, мы об этом говорили вскользь. Евразийская комиссия немного не оправдывает ожиданий, но есть тот самый метод координации, который в Европейский союз на сегодняшний день приносит чуть больше результатов, и здесь его стоит, может быть, взять за образец. Метод координации основан на том, чтобы вести мониторинговый процесс, то есть смотреть, кто чего достиг, чтобы понять, какой конкретно должен быть ориентир. И здесь конечно было бы неплохо подумать, какие количественные ориентиры необходимы нам для достижения наших цифровых амбиций. То есть не только вести этот мониторинг ради статистики и достижений, а ради настройки на какие-то конкретные достижения.

Таким образом, даже такой экономичный метод, как финансовый процесс, может привести к заметным результатам. В Европейском союзе не везде есть хорошие результаты, но скажем, очень хороший пример настройки на климатические количественные ориентиры. То есть они ставят какую-то цель, и становится понятно, к чему нужно стремиться. Как следствие, из общих дипломатических призывов есть выход в какую-то конкретную цель и эти цели преобразуются в конкретные достижения.

П.В. Алексеев,

ведущий научный сотрудник Финансовый университет
при Правительстве РФ
(Россия)

Тенденции и перспективы обеспечения кибербезопасности в ЕАЭС

Почему вопрос важен в последние годы? Поскольку участились кибератаки на промышленные, инфраструктурные объекты разных стран мира. Первая масштабная кибератака была направлена на Иран, когда компьютерным вирусом были выведены из строя сотни газовых центрифуг по обогащению урана. Тогда были приостановлены более 1 тыс. центрифуг в Натанзии, что несколько затормозило развитие ядерной программы. Со второй половины 2010-х годов угрозы кибербезопасности приобрели глобальные масштабы. Это и атаки на автомобильные заводы, и на авиастроительные корпорации в США и других странах, и кибератака на систему управления киберэлектростанция Эль Гури в Венесуэле, которая стала причиной отключения электроэнергии у сотен тысяч людей в стране.

Это только часть, потому что по статистике лишь 2% кибер-инцидентов становятся известны общественности. Для эффективного противодействия киберпреступности необходимы совместные усилия компаний, национальных правительств, а также международных организаций. В июне 2021 года по инициативе России была запущена очередная рабочая группа открытого

состава ООН по вопросам безопасности в сфере использования информационных, коммуникационных технологий в период с 2021 по 2025 годы, включающие представителей всех 193 государств. В Евразийском экономическом союзе правовое регулирование обеспечения кибербезопасности, к сожалению, находится в стадии становления, поэтому необходимо задуматься о проблеме кибербезопасности и промышленных, инфраструктурных объектов и банков, и частных лиц. При этом, целесообразно использовать опыт Евросоюза, где этому вопросу уделяется весьма серьезное внимание. Так, еще в июле 2017 года начала действовать директива ЕС, согласно которой государства-участники должны гарантировать, что у них имеется минимальный уровень национальных возможностей и средств в области обеспечения кибербезопасности, и создала ряд институциональных структур в этой области, в том числе под эгидой Еврокомиссии. Директива требует организовать расширенное взаимодействие между государствами-участниками посредством создания группы взаимодействия и сети национальных групп.

Что касается нашего Евразийского союза, что вопросы кибербезопасности регулируются лишь по касательной. На наш взгляд, необходимо обеспечить кибербезопасность не только финансового рынка, но и производственного сектора, государственного и финансового секторов экономики, юридических и физических лиц. Поэтому необходима разработка согласованного концептуального документа по обеспечению кибербезопасности, в котором следует акцентировать внимание на разработку общего понятийного аппарата в области кибербезопасности, формировании единых стандартизированных подходов в вопросах обеспечения кибербезопасности, согласовании порядка обеспечения строгой идентификации клиентов при осуществлении транзакций переводов денежных средств и координации политики и разработке коллективных

механизмов обеспечения защиты прав потребителей в случае хищения финансовых средств в результате кибератак. В институциональном плане нужно создать Евразийское агентство по информационной безопасности как аналог Европейского агентства по сетевой информационной безопасности, существующего в Евросоюзе. Реализация данных мер будет содействовать обеспечению кибербезопасности.

Думаю, что этому вопросу уделяется недостаточное внимание, поскольку он регулируется и затрагивается только по касательной в концепции формирования общего финансового рынка ЕАЭС. Там есть раздел по кибербезопасности финансового рынка, но что касается, например, промышленных инфраструктурных объектов, государственных организаций, частных лиц, эти вопросы вообще не рассматриваются. А между тем, по оценкам экспертов, потери для мировой экономики от кражи данных и персональных данных частных лиц к 2030 году составит порядка 10 трлн. долл.

А.А. Тавадян,

эксперт по статистике и моделированию
Центра экономических исследований
(Армения)

Пути реализации роста товарооборота между государствами – членами ЕАЭС

Обращусь к ключевым вопросам перспективы и резервам в развитии Евразийского экономического союза. Армения – как раз из тех стран, которая существенно выиграла от интеграционных процессов. Посмотрите, очень долгое время у нас экспорт составлял всего 1,7 млрд. долл. Как только мы вступили в ЕАЭС, уже в 2017 году экспорт превысил 2 млрд. долл. И причем, если до этого в страны Евразийского экономического союза экспортировалось примерно 14% всего экспорта, то затем эта цифра превзошла уже 25%. Это конечно большой плюс.

Но вообще, зачем Армения вступила в ЕАЭС, если у нас нет с ним общих границ? Дело в том, что основная цель евразийского, вообще любого интеграционного процесса не в том, чтобы иметь общие границы, а в том, чтобы повысить уровень своей жизни. А за счет чего малая экономика может это сделать? Только за счет роста экспорта. А какого экспорта? Экспорта готовой продукции. Любая страна пытается покупать побольше ресурсов и обеспечивать у себя добавленную стоимость и занятость населения. Более 50% кредитов, в т.ч. целевых кредитов, Армения получила от РФ. Примерно 300 млн. долл. мы получили в качестве кредита на перевооружение нашей армии.

Но я должен сказать, что у нас существуют и серьезные проблемы по ЕАЭС. Посмотрите, многие вопросы у нас решаются на встрече руководителей наших стран. Договор о Евразийском экономическом союзе по основным статьям очень размыт. И в результате собираются руководители наших стран, решают какие-то вопросы, в основном тактического плана. Проблемы возникли, например, на границе Белоруссии или России, между Киргизией и Казахстаном. У Армении никаких таких проблем пока нет и, надеюсь, не будет. Но мы-то знаем, что решение вопроса с помощью командно-административных методов ни к чему позитивному обычно не приводит. Мы можем получить результат, при котором ЕАЭС превратится в формальную организацию, где каждый сам по себе решает свои задачи. Действительно, оборот в национальной валюте у нас возрос, это позитив, но я должен сказать, что тут тоже большую роль сыграли административные методы решения, а не законодательные, которые у нас, к сожалению, еще не развиты.

Посмотрите, если взять другие экономические союзы, то там обеспечивается свободное передвижение товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов. В статье 4 Договора о ЕАЭС написано, что мы интегрировались для того, чтобы модернизировать, кооперировать и повысить конкурентоспособность наших стран. Вот это все пока осталось на словах.

Необходимо действительно в достаточно короткие сроки разработать дорожную карту кооперации и модернизации, особенно стратегических объектов наших стран. На основе чего? На основе договора о Евразийском экономическом союзе (пункт 4), а конкретику можно взять из закона о промышленной политике Российской Федерации. Там все очень четко прописано, и очень важно применить эти пункты также для всех стран ЕАЭС. В статье 63 договора о Евразийском экономическом союзе прописано, что инфляция между нашими странами может составлять 5 процентных

пунктов. То есть фактически, точного ограничения по инфляции у нас нет. В свою очередь, в статье 64 речь идет уже про согласованную денежно-кредитную политику. В своей недавней книге я указываю, что денежные валюты как раз должны все время находиться в коридоре, из которого валюта не должна выходить, что создает согласованность между странами в этом вопросе.

Далее, мы договорились, что внешний долг не должен превышать 50% от размера ВВП, что меньше аналогичных требований ЕС в 60%. Это правильно, что у нас этот барьер ниже, потому что в ЕС очень высокий процент внутреннего долга, который намного легче регулируется, а у нас внешний долг больше 80%. К счастью, участники Евразийского экономического союза не протестуют против этого нарушения, потому что другие тоже так делают. Следующий пункт – это вопросы безопасности, кибербезопасности, то есть эти вопросы тоже должны решаться согласованно. В Ереване состоялся форум ученых СНГ, было принято предложение обратиться к руководителям наших стран по вопросу создания фонда научных исследований. Вот так до сих пор этот процесс не продвигается. Если мы будем также продолжать собираться руководителями стран и решать какие-то конкретные вопросы административными методами, то так и будем топтаться на месте в этих вопросах.

Следующий пункт – по налогам, и он тоже имеет важное значение. Всем известно, что косвенные налоги, как правило, существенного значения не играют, потому что выплачиваются по месту потребления. Тут разница, кстати, небольшая. В России 20%, в Белоруссии 20% и в Армении 20%. Правда в Казахстане там намного меньше – 12%, но по прямым налогам определенная разница существует. Скажем, подоходный налог в России 13%, у нас 22%. Конечно, сильно снижать мы не можем, но все равно согласовать это тоже необходимо. Хотя в Евросоюзе никаких ограничений в этом плане нет, но я думаю, что с точки зрения

приближения условий конкурентоспособности, этот вопрос также должен быть решен.

Дальше, но это уже больше связано именно с административным вопросом. Стоит сказать о медленном характере самого процесса. Вот тут в затруднительное положение попадают Белоруссия, Армения и, частично, Киргизия. То есть страны находятся в условиях неопределенности и тут, конечно, надо принимать быстрые решения. У меня есть определенные предложения, например согласование рыночных и союзнических отношений. Поставить какие-то предельные цены, но в то же время учитывать рыночные отношения.

Следующий пункт крайне важен для южной части Евразийского экономического союза – это решение транспортных проблем. Мы все время говорим о желании выйти на Иран, видим, что происходит на Южном Кавказе. Кстати, падение нашей экономики с этим связано. Грузия не открывает абхазскую железную дорогу. А почему к этому процессу не подключаются Казахстан и Белоруссия, которые в прекрасных отношениях находятся и с Грузией, и с Россией? И причем, в таких случаях очень хорошо срабатывает экономическая заинтересованность, особенно на Кавказе. А почему нет? Пусть Грузия не вступает и не будет вступать в Евразийский экономический союз, но определенные льготы, таможенные пошлины с этой страны могут быть сняты, чтобы действительно эта дорога была открыта. В этом плане мы очень сильно выиграем. А решать проблемы посредством соглашений между Арменией, Азербайджаном и Россией об открытии дорог через Азербайджан в практическом плане очень сложно. Я полагаю, что это будет даже практически невозможно с учетом тех противоположных интересов, которые имеются в нашем регионе. Но я думаю, что эти вопросы будут решены. Думаю, что это ключевые вопросы, и после решения этих проблем мы обязательно сделаем серьезный шаг именно в направлении кооперации, модернизации и повышение конкурентоспособности наших стран.

Е.В. Дунаева,
старший научный сотрудник сектора Ирана
Института востоковедения РАН,
кандидат исторических наук
(Россия)

Интересы России и Ирана в рамках ЕАЭС

Иран считает себя составной частью региона Кавказа и Центральной Азии. Иран – это вторая экономика Ближнего Востока после Турции. И с точки зрения и ресурсного, и природного, и человеческого, и производственного потенциала, Иран действительно очень многогранная страна и имеет много, чего предложить. Так получилось, что в конце первого десятилетия XXI века Иран, в связи с развитием своей ядерной программы, оказался под жесткими экономическими санкциями. Причем, наиболее жесткая мера – резкое ограничение на экспорт нефти – было наложено в одностороннем порядке. К Соединенным Штатам присоединились европейские страны, Канада, Австралия и ряд государств и под их воздействием резко сократили импорт иранской нефти (Китай, Япония и Южная Корея). Поскольку нефть на протяжении всего периода Исламской Республики Иран (ИРИ) составляла от 60%, в последние годы до 30% наполнения валютной части бюджета страны, то соответственно, в Иране были приняты какие-то ответные меры, была разработана стратегия экономики сопротивления, где был поставлен акцент на импортозамещении и развитии ненефтяного экспорта. И вот здесь встал вопрос, куда экспортировать товары, которые производятся в стране.

Одновременно к 2015 году намного улучшается политическая составляющая отношений Ирана и России, и ИРИ как бы разворачивается на Восток. Не только в Китай, но проявляет особое внимание к процессам, которые происходят на евразийском континенте, полностью воспринимая идею евразийской интеграции и пытаясь самому стать составной частью этих процессов, в т.ч. в плане политики и безопасности, то есть структур ШОС и ЕАЭС. И рассматривая возможности взаимодействия с ЕАЭС, Иран в 2018 году заключает временное соглашение о формировании зоны свободной торговли с Евразийским экономическим союзом. Это преференционное соглашение, но для Ирана это очень важный шаг, поскольку первыми экономическими инициативами исламского Ирана стали введение очень жестких тарифов на те виды продукции, которые производятся и могут производиться в Иране, что сразу отсекло большую часть западноевропейского экспорта в эту страну, еще в 1979-1980 годах. Процесс согласования этих преференционных тарифов длился с 2016 по 2018 год. Соглашение вступило в действие только в 2019 году. Тарифные обязательства Ирана распространяются на 360 товаров из ЕАЭС, это достаточно много. Надо сказать, что по некоторым отдельным видам товаров снижение пошлины доходит до 82%. Например, на мясо и мясные изделия таможенный сбор понизился на 61%, на рис – 73%, на ряд кондитерских изделий – 75%. Некоторые виды товаров таможенная пошлина снизилась на 100%.

Это соглашение включило в себя практически все основные торгуемые виды продукции. На них распространяется 55% совокупного экспорта государств ЕАЭС. В основном это сельскохозяйственные и промышленные группы товаров. С иранской стороны предполагалось, что это взаимодействие будет способствовать росту национальной экономики, снивелирует отрицательное влияние санкций. Считаю, что это было больше

именно политическое решение – развернуться на Восток в условиях жестких санкций со стороны Запада и заодно получить экономические преимущества. Несмотря на то, что Иран считает, что 2 года осуществления этого соглашения процесс идет достаточно успешно, основными торговыми партнерами Ирана в регионе все равно остаются Турция, Ирак, Афганистан и Пакистан.

Статистические данные о торговле Ирана и ЕАЭС за 2020 год и первую половину 2021 года показывают, что в 2020 году товарооборот двух сторон вырос на 18,5% по сравнению с показателем 2019 года. Учитывая, что это период коронавируса, это достаточно значительный рост. Но в абсолютных цифрах он оценивается всего в 2,9 млрд. долл. Товарооборот стран ЕАЭС с Ираном за январь – март 2021 года увеличился уже на 33,8% по сравнению с аналогичным периодом 2020 года, причем в основном возрос именно экспорт стран ЕАЭС в Иран (на 43,5%), а импорт из Ирана на 20%. Но стоит отметить, что основными двигателями сбережения торговых отношений ЕАЭС и Ирана являются Россия и Казахстан. Доля России в торговле с Ираном – это 79%. Важный момент для Ирана здесь в том, что в условиях отключения иранских банков от системы SWIFT 50% расчетов в отношениях Ирана и России осуществляется на национальных валютах. Доля Казахстана в этой торговле немногим более 11%, Армении – 8,9%, а вот Киргизия и Белоруссия не набирают даже 1%.

Важно для России является то, что в структуре экспорта России в Иран основная доля пришлась на продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье. То есть, Россия здесь может экспортировать свою технологическую продукцию. Остальное – это древесина, целлюлозно-бумажные изделия, продукция химической промышленности. Импорт России из Ирана – это продовольственные товары и сельхозсырье – 80%, продукция химической промышленности – 8%, металлы и изделия из них – 3,4% и даже машины, оборудование и транспортные средства – 2%.

В интересах России и других стран ЕАЭС сейчас поставлен вопрос, и иранская сторона стала его инициатором – о разработке полномасштабного соглашения присоединения Ирана к зоне свободной торговли. В некоторых политических кругах ИРИ, близких к новому руководству законодательной власти (меджлиса) и правительства, это рассматривается как полноправное присоединение Ирана к ЕАЭС. Пока не представляю, как это может произойти, учитывая многие проблемы, даже при анализе отношений Ирана и России. Но у них вопрос об этом поднимается. Важно для России то, что Иран – это рынок для промышленных товаров. Особый интерес проект может предоставить для Армении, единственному государству в ЕАЭС, обладающему сухопутной границей с Ираном. А помимо двухсторонних преимуществ, армянская сторона может также стать и страной-транзитером иранского импорта и экспорта.

Хочу остановиться на сложностях. Прежде всего, для Ирана и для стран ЕАЭС этот проект и его развитие, по-видимому, во многом будут зависеть от политической направленности и ориентации государств, поскольку ставится вопрос и идут переговоры о возможности Израиля тоже стать торговым партнером ЕАЭС. Возможности развития отношений двух стран ограничены, прежде всего, тем, что основой экономики и России, и Казахстана, так же как Ирана, остается нефтяной сектор, и поэтому трудно задействование этих возможностей, связанных с экспортом нефти и нефтепродуктов. А также Тегеран вряд ли может рассчитывать на серьезное увеличение поставок газа. Огромную ограничивающую роль играют санкции США, и пока санкции не будут полностью сняты, участие ИРИ в финансовой системе и в других проектах может быть ограничено.

Отсутствие полной наземной транспортно-логистической инфраструктуры. Да, железная дорога из Ирана есть, но она не соединена с Азербайджаном. Шоссейная

дорога не очень высокого качества и большой пропускной способности через Армению или Азербайджан. Других маршрутов прямого наземного взаимодействия ИРИ с ЕАЭС нет. Туркмения очень часто устраивает вынужденные ограничения на транзит иранских грузовиков и железнодорожных вагонов на границе.

Иран – не член ВТО, и он не участвует в других соглашениях о зоне свободной торговли. И национальное законодательство страны не в полной мере согласуется с установившимися правилами регулирования современной международной торговли. Средний и мелкий бизнес Ирана не имеет опыта внешнеэкономической деятельности и не понимает многих уже установившихся правил и категорий. Эти и другие причины вызывают большие сомнения о возможности более глубокого взаимодействия между Ираном и ЕАЭС.

Дело в том, что у Ирана два крупных порта – это Энзели и Амирабад на Каспийском море, которые были расширены в 1990-е гг., но в виду того, что тогда с Туркменией и Казахстаном активно не реализовался опыт, как это предполагалось, экономического взаимодействия, указанные порты сейчас уже не отвечают современным стандартам. Хотя ныне прикладываются усилия для того, чтобы к порту Энзели подвести железную дорогу и все-таки его вывести на международные стандарты. У России единственные не замерзающий порт на Каспийском море – это Махачкала, что тоже ограничивает постоянные тракты. Это важный путь, но так как он планировался в 1990-е годы, когда говорили о возможности создания железнодорожной паромной переправы, практика показала, что почти за 20 лет в этом плане ничего не сделано. Нынешняя ситуация на границе Ирана и Азербайджана и осложнения именно политических отношений могут стать серьезным препятствием и для развития этого проекта международного транспортного коридора «Север-Юг». Этот коридор после частичного решения проблемы Нагорного

Карабах вышел на поверхность, о нем много говорили и, возможно, инициатива с иранской стороны более полномасштабного присоединения Ирана всплыла в связи с возможностью восстановления этого коридора. Потому что пока транспортные артерии сокращают возможность объема перевозки грузов. А ведь Иран имеет важность как транспортный потенциал и выход для всех государств ЕАЭС и в Персидский залив, и в Восточное Средиземноморье.

М.А. Олимов,

директор Таджикского научно-исследовательского центра «Шарк»,
доктор исторических наук, профессор
(Таджикистан)

Таджикистан и интеграционные процессы в Евразии: проблемы и перспективы

Мы ожидаем, когда сможем войти в ЕАЭС. Таджикистан представляет собой малую открытую экономику, ВВП на душу населения 851 долл. в 2020 году. Относительно отдаленный высокогорный рельеф, отсутствие выхода к морю определяет невыгодные экономико-географические условия. Для того, чтобы преодолеть неблагоприятные обстоятельства, Таджикистан осуществляет политику открытых дверей и поддерживает самые различные интеграционные проекты, от ШОС до инициативы «Пояс и путь».

Основные внешнеторговые партнеры Таджикистана по экспорту – Швейцария, Турция, Казахстан, потом Афганистан, Россия, Китай. Основные внешнеторговые партнеры по импорту: Россия, Казахстан и Китай.

Про инициативы уже много говорили, поэтому я не буду останавливаться на них подробно. Дальнейшее развитие региона в рамках «Пояса и пути» в настоящее время рассматривается как вовлечение Афганистана в общую орбиту реализации китайской инициативы. Однако, избранные для правления страной радикальное экстремистское движение Талибан не дает возможности надеяться на продвижение наших отношений. Несмотря на отрицательное отношение

к методам, избранным талибами, Таджикистан продолжает экономические взаимодействия с Афганистаном, так как это не только талибы. Ныне мы экспортируем в Афганистан электроэнергию, несмотря на отсутствие оплаты за нее.

Второй важный момент – в нашем регионе появились совершенно новые интеграционные тенденции, как Совет сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркский совет). Он был создан в 2009 году в Нахичевани, в него входят страны Центральной Азии, Турция и Азербайджан. Сейчас трудно прогнозировать будущее его развития, так как не очень ясно, кто будет доминировать в этом совете. Вряд ли Таджикистан политически войдет в это объединение, однако мы будем наращивать экономические связи с каждой из стран участников Совета.

Взаимодействие Таджикистана с ЕАЭС отличается рядом сложностей. Таджикистан позиционирует свой статус в отношении ЕАЭС как наблюдателя, изучающего опыт вхождения в него Армении и Киргизии. Драйвером вхождения в ЕАЭС является трудовая миграция и членство в ОДКБ, то есть задачей является обеспечение безопасности Таджикистана. Всем известно, что ежегодно на рынок труда у нас выходят 150 тыс. чел., однако количество рабочих мест растет недостаточными темпами. Для 63% молодых людей в Таджикистане работа в России является первым трудоустройством. Около 40% домохозяйств зависит от денежных переводов из Российской Федерации. И в настоящее время денежные переводы эквивалентны почти четверти ВВП страны.

Что Таджикистан может получить от интеграции в ЕАЭС? Единый рынок труда, снятие барьеров для таджикистанцев, оживление внутреннего производства за счет растущего притока переводов. Приток инвестиций из стран ЕАЭС. Небольшой рост международной торговли. И наконец – снижение цен на импортируе-

мые углеводороды. Внеэкономические выгоды – это обеспечение безопасности Республики Таджикистан (РТ) в связи с афганским фактором, противодействие международному терроризму.

Проигрыши от интеграции в ЕАЭС – почему Таджикистан воздерживается или ждет своего часа? Главным опасением при оценке эффектов присоединения к ЕАЭС является проблема согласования тарифных ставок. Это может привести к сокращению торговли со странами и членами ЕАЭС, особенно в южном направлении. Подорожание импорта из этих стран, уменьшение объемов таможенных сборов и, соответственно, доходов в государственный бюджет. Сократится контрабанда из Китая, Пакистана и Ирана. Исчезнут дешевые товары, которые наполняли рынки и поддерживали благосостояние беднейшего населения Таджикистана. Замедлится технологическое развитие, и таджикские производители попадут в зависимость от больших российских сетевых компаний. И последнее опасение внеэкономического характера – необходимость выбора стратегических партнеров, отказ от политики многовекторности.

Барьеры на пути интеграции в ЕАЭС. Недостаток транспортной и рыночной инфраструктуры (прежде всего дороги и ограниченный доступ к рынкам). Страх перед потерей частного суверенитета и контроля над таможенной границей. Запад, который начинает активно развивать свои программы поддержки Центральной Азии, включая предоставление финансовых инвестиционных ресурсов.

Теперь конкретно: какие группы населения против и за. За мигранты и члены их семей, мелкие бизнесмены и сельхозпроизводители, население села. Против национальная элита и националисты.

И в заключение хотел бы сказать, что население по-прежнему ориентировано на Россию, хотя это влияние стремительно сокращается. Закрытие границы и

транспортного сообщения, трудовой и учебной миграции, связывающей Таджикистан и Россию, заметно ускорило этот процесс в период пандемии. В то же время соседний Китай расширяет влияние в Таджикистане. Это включает приток инвестиций, переформатирование экономики, трансформацию земельной собственности и трудовых отношений. Активизация в части обеспечения безопасности не только Таджикистана, но и региона в целом. Подавляющее большинство населения поддерживает вхождение в ЕАЭС (более 70%). Ключевым моментом является надежда на снятие барьеров и ограничений для таджикских трудовых мигрантов в России. Все более важным драйвером интеграции в ЕАЭС становятся таджикские диаспоры, особенно бизнесмены. За интеграцию в ЕАЭС выступают сельхозпроизводители, которые помнят время, когда Таджикистан обеспечивал сельхозпродукцией Сибирь и Казахстан. Большое значение имеет ностальгия по СССР, сохранение политической ориентации населения на Россию. Тем не менее, правительство Таджикистана отдает себе отчет, что интеграция с ЕАЭС является очень трудным делом. Как считается, цена вхождения будет высокой, а выгоды сомнительны. Альтернативой для Таджикистана является расширение интеграции с Ираном, если это не угрожает безопасности РТ. К проблемным проектам относятся и взаимоотношения с Афганистаном и Пакистаном и Тюркским советом.

З.А. Дадабаева,

ведущий научный сотрудник Института экономики РАН,
профессор РГТУ, доктор политических наук
(Россия)

30 лет суверенитета Республики Таджикистан: достижения, риски, потенциал экономического сотрудничества

Представлю взгляд российского эксперта на Таджикистан, который «стоял в предбаннике», но он входил в Таможенный союз. И не было даже вопросов о том, что он не вступит в ЕАЭС. Но его в какой-то момент не позвали, и он не особенно стал туда стремиться. Не буду останавливаться, с чем это было связано. Конечно, Таджикистан, в первую очередь смотрел на то, как Киргизия себя чувствует в Евразийском экономическом союзе, и видя, как она не очень хорошо себя чувствует, РТ стала не особенно стремиться в ЕАЭС.

Сегодня у нас склонны к тому, чтобы критиковать ЕАЭС, потому что про достижения не очень говорят. Остановлюсь на этом. Конечно, они есть и на любое достижение есть официальная точка зрения. Есть точка зрения научного сообщества, есть точка зрения непосредственно людей, которые живут там, и оппозиции.

Очень помпезно было проведено 30-летие независимости РТ. Были парад, шествия, фестивали и многочисленные выступления. За 30 лет страна прошла достаточно сложный путь, сформировались государственная система и национальной экономики. И как бы мы сейчас ни говорили, экономика действительно выросла. Особенно с первыми годами, омраченными гражданской войной.

Говоря о достижениях, официально Душанбе выделяет следующее: прекращение кровопролитной гражданской войны, которая не только унесла более 150 тыс. жизней, но и практически погрузило страну в экономический и политический хаос, из которого довольно долго пришлось выходить. До сих пор Таджикистан занимает последнюю позицию среди стран соседей по экономическому развитию. В РТ доля ВВП на душу населения чуть больше 800 долл. в год. Население республики растет быстрее, чем во всем СНГ. Два дня назад прошла презентация предварительной переписи, которая была произведена в Таджикистане. Утверждается, что в республике проживает 9,6 млн. чел., причем, мужчин, оказывается, больше, чем женщин.

Проведены конституционные реформы. Можно выделить 1999 год, 2003 год и 2016 год. Как и на всем постсоветском пространстве, конституция зачастую меняется не только для того, чтобы улучшить какую-то экономическую ситуацию или жизнь людей, но и для определения государственного устройства. В Таджикистане был создан двухпалатный парламент. Президент Эмомали Рахмон узаконен в своей неограниченной власти. Верхнюю палату парламента возглавил сын президента Рустам, предполагается, что он будет будущим президентом РТ.

Что означает это для власти? Это стабильность и ответственность в политике и решение тех задач, которая она ставит перед собой. Для народа и оппозиции – это повод для недовольства.

Еще одним достижением было проведение независимой денежно-кредитной политики, начало функционирования финансово-кредитных учреждений и появление так называемых частных финансовых организаций. Я насчитала 14 наиболее крупных из них, и их капитал составляет около 2 млрд. долл.

Одной из приоритетных целей развития, которые приняты в Таджикистане до 2030 года – это ускоренная индустриализация, и за эти годы были построены несколько

гидроэлектростанций, в основном с помощью инвесторов из России и Ирана. В процессе строительства находится Рогунская ГЭС. Если она будет введена, то это позволит Таджикистану стать более энергетически независимым.

В стране действует более 16 цементных заводов. Почему я на это акцентирую внимание? Это тоже входит в индустриализацию. Опять-таки, цемент – это один из видов продукции, который идет на экспорт, помимо традиционного хлопка и алюминия, что, в общем-то, является для Таджикистана достаточно эффективным. Кто является его приобретателями? Это Афганистан, Узбекистан и Киргизия.

Таким образом, получается, что за 30 лет была достигнута политическая независимость, внутренняя безопасность, сформировались государственно-административные органы. Страна проводит собственную внешнюю политику, так называемую политику открытых дверей. Очень многие не любят термин «многоректорность», но как бы мы ее не называли, официально Э. Рахмон называет ее «политикой открытых дверей и перехода к рыночной экономике».

Какие же риски можно выделить в стране? В первую очередь экономические проблемы. Это отрицательное сальдо торгового баланса, высокие налоги, коррупция. Сегодня тоже очень хорошо об этом сказали на пленарном заседании, это, видимо, проблема всего постсоветского пространства; непрозрачная финансовая система; инфляция; растущий внешний долг.

Хотела бы остановиться на внешнеполитических аспектах. Исламский экстремизм представляет угрозу и сегодняшнему, то есть настоящему Таджикистану, и будущему. В общем-то, это опасно для всего центральноазитатского региона. События в Афганистане это наглядно показывают. Также стоит сказать о столкновении различных внешнеполитических сил и отклонении в осуществлении рыночных преобразований за счет отчетливых авторитарных тенденций и увеличения эмиграционных потоков.

Какой же у нас потенциал есть экономического сотрудничества? Современные условия, на мой взгляд, диктуют Таджикистану необходимость использования новых форматов и, в том числе, и ЕАЭС. Как бы к формату ЕАЭС ни относилась элита, люди об этом думают, говорят и как-то это рассматривают. Очень активно Таджикистан работает и в рамках ОДКБ. Всегда, когда говорят о возможном вступлении Таджикистана в ЕАЭС, говорят о его плюсах, о его минусах, а что же получают страны, которые в ЕАЭС, ведь они тоже не очень торопятся приглашать его на данном этапе. Есть опосредованные предложения со стороны президента России В. Путина. Причем, не непосредственно к Таджикистану, а ко всем другим, что ЕАЭС может расширяться и далее. Что же получается? Что вступление еще одной не очень сильной экономики, мягко скажем, тоже будет определенным финансовым и иным бременем для России и Казахстана как основных экономических локомотивов Союза.

Последнее – сильная зависимость экономики Таджикистана от донорской помощи и иностранных инвестиций, а также вполне комфортное положение правящей элиты в сложившейся многовекторной системе внешних экономических связей не позволяет, на наш взгляд, говорить о скором, полноценном вступлении республики в ЕАЭС. Сохранение многовекторности во внешнеэкономических и политических отношениях останется для страны приоритетом. По большому счету, Таджикистан находится в достаточно сложном положении, в лавировании между опосредованным предложением со стороны России и настойчивыми предостережениями, заманчивыми инвестиционными предложениями со стороны США, Китая и Японии. В то же время сложные отношения России и Китая с Западом подталкивают к еще более тесному сотрудничеству с Центральной Азией в рамках «Пояса и пути».

Секция 3.
ЭНЕРТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
СТРАН СНГ: ГЕОПОЛИТИКА, НОВЫЕ РЫНКИ
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

В. Давтян,
президент Института энергетической безопасности,
доктор политических наук,
профессор Российско-Армянского университета
(Армения)

Угрозы и вызовы энергетической безопасности Армении в условиях геополитических трансформаций на Южном Кавказе

Чтобы действительно быть многовекторным, сохранять этот баланс, необходим очень большой стратегический ресурс? Это очень дорогое удовольствие в современном мире. Я говорю из опыта Армении, мы очень долго пытались балансировать. Мы единственная страна Евразийского экономического союза, которая в 2017 году подписала всеобъемлющее расширенное соглашение с Европейским союзом.

Куда привел этот баланс и эта пресловутая многовекторность – это все видели в ноябре 2020 года. Поэтому, мне кажется, что здесь все-таки есть риски, и в современном мире, особенно в евразийском пространстве, где нарастают различные межконфессиональные, межэтнические и прочие политические конфликты. Об этом писали еще в рамках «strategic vision»: англосаксонскому миру и евроатлантическому блоку необходимо сохранять сложный баланс сил Евразии. Я думаю, мы должны обязательно обратить на это внимание.

По энергетике – ситуация действительно достаточно проблематичная, особенно связанная с последними

трансформациями, которые происходят на Южном Кавказе после 44-дневной войны в Нагорном Карабахе. Здесь мы наблюдаем за столкновением больших транспортно-энергетических и логистических коридоров. Прежде всего, коридоров «Восток – Запад», которые предполагается по Тюркскому проекту с выходом на Центральную Азию. Либо коридор «Север – Юг», который органически входит в стратегические интересы Республики Армения.

Но, к сожалению, после 2018 года, так называемой бархатной революции, которая состоялась в Армении, вектор несколько изменился, и достаточно обратиться к основным показателям взаимодействия Армении с ключевыми авторами-участниками проекта «Север – Юг». В частности, я имею ввиду Исламскую Республику Иран: достаточно большой комплекс проблем и, по сути, сворачивание ряда экономических проектов, которые десятилетиями разрабатывались в двухсторонней повестке.

Совершенно очевидно, что Иран сегодня является ключевым автором коридора «Север – Юг». Сама логистика этого проекта имеет несколько маршрутов. Один из предшествующих спикеров говорил о прокладывании пути через Азербайджан – да, там действительно есть железная дорога. Но вместе с тем традиционно, с начала 2000-х годов, Армения всегда рассматривалась в качестве неотъемлемой части коридора «Север – Юг», была подписантом этого проекта.

Сегодня один из главных экономических мифов, которые мы наблюдаем, в связи с последними трансформациями в энергетическом поле Южного Кавказа. Он сводится к тому, что Иран, будучи ключевым интересантом коридора «Север – Юг», нацелен на то, чтобы использовать территории Республики Армения и ее логистику для того, чтобы довести свой природный газ до европейского рынка по дну Черного моря, а дальше, соответственно, до ЕС. А возможно и через Украину.

На самом деле энергетическая карта мира существенно меняется, и логика взаимоотношений здесь также претерпевает очень серьезные изменения. В частности, я имею в виду возрастающую долю сжиженного природного газа (СПГ), что хорошо понимают в Республике Иран. Ежегодное потребление в мире СПГ растет на 3,5–4%. Можно предположить, что где-то к 2040–2045 годам СПГ вытеснит нефть, став ключевым геостратегическим ресурсом. Исходя из этого, достаточно взглянуть на те последние договоры, которые подписывал Иран, в частности с Китайской народной республикой, на предмет активизации энергетического диалога.

Хочу напомнить, в апреле 2021 года Тегеран и Пекин подписали исторически значимое соглашение на предмет привлечения китайских инвестиций. Оценивают это в 400 млрд. долл. с возможностью роста до 800 млрд. долл.

Мы видим, что в Китае сегодня также возрастает спрос на природный газ, в частности на сжиженный природный газ. Параллельно с этим Иран нацелен на строительство газоперерабатывающих инфраструктур, производящих как раз сжиженный природный газ. Для того, чтобы так или иначе позиционировать себя на международном транспортном рынке, особенно в контексте развития СПГ, никаких трубопроводных коммуникаций не надо. Поэтому Иран совершенно спокойно может реализовать свою стратегию морским путем, выйдя в Суэцкий канал и оттуда в Средиземное море. Достаточно сказать, что в иранском секторе Каспийского моря пару месяцев назад было обнаружено новое месторождение, которое оценивается в 16 трлн. куб. м. Это достаточно серьезный показатель. В геологоразведку данного месторождения вовлечены китайские и российские компании. Это первое, о чем я хотел сказать.

Второе – это перспективы электроэнергетических коммуникаций с привлечением Армении. В 2015 году

Иран, Армения, Грузия и Россия подписали четырехстороннее соглашение о формировании электроэнергетического коридора «Север – Юг» на предмет синхронизации электроэнергетических систем этих стран с обеспечением взаимных коридоров. Один из ключевых участков этого коридора – это третья воздушная линия электропередач Иран-Армения, которая позволит увеличить экспорт армянской электроэнергии в иранском направлении с существующих 400 МВт до 1300 МВт. У Армении есть такая возможность, поскольку мы располагаем избыточной энергетической системой. Достаточно сказать, что установленные мощности составляют порядка 2800 МВт, а реально используются порядка 2000 МВт. Экспортный потенциал здесь налицо. Но, к сожалению, не все здесь предопределяется экономическим целеполаганием. Здесь необходимо рассматривать геополитический фактор. И несмотря на то, что Иран сегодня нацелен на увеличение импорта из Армении, тем не менее, связывает это преимущественно со стратегией «Север – Юг».

А здесь возникли серьезные проблемы. Они имеют инфраструктурный характер, и тот участок, о котором я сказал – это третья линия Иран – Армения – сегодня выполнен примерно на 30%. Тогда как сдача ее в эксплуатацию должна была состояться в конце 2019 года. Конечно, этому помешала война в 2020 году и коронавирус. Иранские специалисты не могли приехать в Армению в виду локдауна. Тем не менее, сегодня наблюдается определенное переосмысление, особенно после 2018 года. Это проявляется, прежде всего, в достаточно замедленном строительстве армянского участка энергетической магистрали Иран-Армения. С другой стороны, попытка пересмотреть всю систему энергетической безопасности Армении с активизацией энергетического перехода от конвенциональной к возобновляемой энергетике, что создает существенные риски устойчивому энергетическому развитию. Отсю-

да проблемы, связанные с Армянской атомной электростанцией, которая запущена еще в 1980 году. Она рассматривалась как инфраструктура, генерирующий объект, который должен превратить тогда Армянскую советскую социалистическую республику в страну-экспортер не только в направлении Ирана, но и дальше через Иран в Сирию, Ирак с выходом советской энергетики на Ближний Восток. Армения здесь рассматривалась в качестве очень важного островка. Конечно, после распада Советского Союза данная стратегия потеряла свою актуальность. Но сегодня, на мой взгляд, с учетом энергетического кризиса, в котором прибывает Сирия, а также нацеленности Москвы на то, чтобы поддержать Сирию в восстановлении энергетического потенциала в целях увеличения ее геополитического значения на Ближнем Востоке, энергетически коридор Армения – Иран – Ирак – Сирия можно считать перспективным. Я думаю, что данный вопрос должен реанимироваться. В 1980-е годы данная стратегия была подробно расписана и ее необходимо адаптировать к текущим реалиям и вновь привести в официальную повестку.

К сожалению, для того чтобы интегрироваться в этот коридор, Армении необходимы соответствующие генерирующие мощности. Они у нас имеются, но их эффективность пока что находится под большим вопросом. Я затронул проблему Армянской АЭС. По сути, мы являемся единственной страной в регионе, которая располагает мирным атомом. Сегодня ведется активная политика так называемой атомной дискриминации, поскольку даже в программе USAID разработан план развития армянской энергетики до 2036 года с минимальными затратами. Надо сказать, что эта программа послужила методологической основой для стратегии развития энергетики Армении 2020–2040, которая недавно была принята.

Мало что там говорится вообще о долгосрочном развитии армянского мирного атома. Основной акцент

продолжает ставиться на возобновляемых источниках энергии. Но и здесь достаточно большие проблемы. Связано это с геополитической ситуацией вокруг нас. Основные проекты, которые реализовывались у нас в последние годы в сфере солнечной энергетики, они касались приграничной зоны с Азербайджаном. После трехстороннего соглашения от 10 ноября 2020 года о прекращении военных действий в зоне Нагорно-Карабахского конфликта, вооруженные силы Азербайджана фактически вторглись на суверенную территорию Армении с угрозой открыть огонь. В итоге, компания, которая развивала этот проект солнечной электростанции, и другая компания, которая уже построила два ветряка, были вынуждены уехать. Сегодня они судятся с армянским правительством.

Это негативные сигналы для тех инвесторов, которые пытаются инвестировать в армянскую возобновляемую энергетику. Несмотря на удобные условия, которые предоставила республика инвесторам, достаточно грамотную политику ценообразования в сфере возобновляемой энергетики. Тем не менее, мы видим здесь ситуацию, которую можем определить как геополитический детерминизм. Рисков очень много. Они сводятся к большим транспортно-логистическим барьерам и к росту влияния тех или иных политических факторов внутри самой республики. Безусловно. Евроатом является стороной этого договора. Но важно понимать, что это не ассоциативный договор.

Что касается ЕАЭС, то в случае реализации стратегии «Север – Юг» – это возможность выхода Армении на электроэнергетические рынки Союза к 2025 году.

Г.Н. Нигматуллаева,

координатор исследований Центра исследовательских инициатив
«Ma'no», докторант кафедры «Экономика отраслей»
Ташкентского государственного экономического университета,
кандидат экономических наук
(Узбекистан)

Концептуальное развитие электрической энергии Республики Узбекистан: проблемы и перспективы

Электроэнергетика Узбекистана является базовой отраслью и обладает существенным потенциалом. Она сильно влияет на развитие рыночного хозяйства. Принимаются меры по ускоренному развитию электроэнергетики.

Хочу остановиться на том, что 2021 год стал прорывным для электроэнергетической отрасли. Были приняты ряд соглашений и проектов по наращиванию генерации возобновляемых источников электроэнергии. Располагаемая генерирующая мощность республики составляет на сегодня 12,9 ГВт. Из них 84% – это ТЭС, 14% – это ГЭС. Изолированные станции – 133 МВт. Основным источником генерации являются 11 ТЭС, в том числе, 3 ТЭЦ. Мощность их энергоблоков составляет 2825 МВт.

Существует ряд проблем. Это значительный физический и моральный износ производственных мощностей, который не всегда позволяет выдержать конкуренцию с зарубежными производителями.

Следующие проблемы – это уменьшение запасов углеводородного топлива, большой выброс парнико-

вых газов, увеличение потребления электроэнергии, ее нехватка в ближайшем будущем.

Основные факторы, способствующие росту потребления электрической энергии:

– спрос экономики (до 2030 года увеличение ВВП ожидается примерно в 2 раза);

– повышение уровня жизни населения, приводящее к увеличению использования электропотребляющего оборудования;

– росту численности населения страны (по данным ООН к 2030 году до 37,5 млн. чел.

Основными целями энергетической политики Республики Узбекистан являются удовлетворение растущей потребности в электроэнергии по конкурентоспособным ценам и динамичное развитие электроэнергетической отрасли республики. Основные пути решения поставленных задач:

а) модернизация и строительство новых объектов электроэнергетики;

б) совершенствование систем учета электроэнергии и диспетчерского управление;

в) повышение эффективности и рациональное использование электроэнергии на всех стадиях технологического процесса;

г) обеспечение диверсификации в электроэнергетике и теплоэнергетике за счет увеличения доли возобновляемых источников электроэнергии и совершенствования государственной политики в области освоения возобновляемых источников электроэнергии.

В 2021 году был подписан ряд соглашений по государственно-частному партнерству (ГЧП) с такими странами, как ОАЭ, компанией «Маздар» на использование фотоэлектростанций, а также с турецкой компанией.

Идет формирование комфортной правово-административной инвестиционной среды оптового рынка электрической энергии. Увеличиваются объемы трансграничной торговли посредством восстановления линий электропередач с соседними странами.

В концепции обеспечения Республики Узбекистан электроэнергией на 2020-2020 годы определены направления развития электрической отрасли страны на среднесрочную и долгосрочную перспективы. Рассчитаны основные показатели колебания мощности, выработки электроэнергии с 2020 до 2030 года.

Важна и диверсификация. Генерация электрической отрасли довольно сильно расширится с 2025 по 2030 годы. При этом большой упор делается на возобновляемые источники энергии. В 2018 году было подписано соглашение по построению атомной электростанции в Узбекистане, которая будет состоять из двух энергоблоков мощностью 1200 МВт. В 2022 году начнется строительство атомной электростанции по проекту российской Государственной корпорации «Росатом».

В заключение хотелось бы отметить, что реализация указанного комплекса мер позволит стимулировать ускоренное развитие инновационной политики в республике, что будет способствовать устойчивому развитию не только ее топливно-энергетического комплекса, но и национальной экономики в целом. И в перспективе Республика Узбекистан сможет обеспечить собственную энергетическую безопасность.

С.П. Митрахович,

ведущий эксперт Фонда национальной энергетической безопасности (ФНЭБ), доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ
(Россия)

Российско-европейские отношения в контексте «Северного потока – 2»

На мой взгляд, эта тема всегда была актуальная на фоне того, что сейчас происходит в Европе в форме энергетического кризиса, который сначала называли «энергетическое перенапряжение», а потом стали писать слово «кризис». Когда останавливаются предприятия, некоторые страны заявляют о возможности ограничить поставки энергоресурсов своим соседям, а компания «Ион» заявила о том, что не собирается подписывать новые договоры на поставку газа своим контрагентам – это о чем-то говорит. Великобритания вводит банкротство энергетических компаний в сфере коммунальных услуг, которые продают их по фиксированным тарифам, но вынуждены подкупать это на рынке для перепродажи по ценам, которые ориентируются на биржевые индикаторы. Компании не выдерживают такой нагрузки. Спасать их приходится за счет правительства по процедуре бейл-аут. Это не бесплатно, делается за счет налогоплательщиков. Поэтому действительно кризис довольно масштабный. История с газопроводом «Северный поток – 2» показывает накопленные противоречия в Европейском союзе и в его

отношениях с Россией. Мы наблюдаем набор расколов в ЕС, самым ярким проявлением которых стал «Северный поток – 2».

Есть страны, которые за, и которые против. Внутри Германии есть силы, которые за и которые против. 40 депутатов европейского парламента выступили за проведение антимонопольного расследования. Всего их больше, чем 700 чел. Вот вам раскол. Польша уже на уровне власти требует провести расследование, что Россия пытается всеми силами запустить «Северный поток – 2».

Конечно, с одной стороны, очевидно, что ПАО «Газпром» и его партнеры хотят его реализовать. И у России есть стратегическая задача этот проект запустить. Но тот факт, что крупные руководители Европы, помимо Польши, не говорят о том, что скоро будет антимонопольное расследование, как раз и демонстрирует всю глубину раскола Европейского союза по вопросу «Северного потока – 2» и всего, что вокруг него находится.

Посмотрите на высказывания Ангелы Меркель или новых людей, которые сейчас будут в Правительстве Германии или президента Франции Эммануэля Макрона. Кто-нибудь из них сказал что-нибудь по поводу антимонопольного расследования? Нет, ничего никто не сказал. Если будет антимонопольное расследование, как доказать манипуляцию рынком при условии соблюдения контрактов? Можно, конечно, творчески интерпретировать европейское право, добавлять это новое содержание, вообще трактовать задним числом уже имеющиеся нормы. Можно сказать, что Венгрия подписала новый договор, который она имела право подписывать, но задним числом создать какую-нибудь норму, которая это запрещает.

Но есть страны, которые хотят этого расследования. А есть руководители, которые об этом не говорят. Есть Венгрия, которая подписывает долгосрочные контрак-

ты и хорошо себя чувствует. А какой-нибудь стране как Венгрии или Германии выгодно соглашаться на предложения новые Европейской комиссии по централизованной закупке газа? Зачем им это нужно? Нам все время рассказывали, что газ – это такой же товар, как и все остальные. Здесь не нужны специальные регуляторы. Вернее, здесь нужны регуляторы, которые заставят газ перестать быть специфическим товаром и стать просто биржевым товаром. Так, извините, если это биржевой товар, если вы говорите, что нужно дробить операторов, чтобы была общая инфраструктура, но разные игроки – зачем же вы теперь говорите, что закупать надо не разным игрокам, а каким-то одним игроком? Кто на это согласится?

Разные страны, разная энергетическая ситуация, разный набор имеющихся контрактов, разная история отношений с «Газпромом». Как в этих условиях создавать единую закупку по образцу? Вообще непонятно. Это лишь демонстрирует, что никакого точного ответа на то, что нужно делать, в ЕС нет.

С другой стороны, такой раскол ведет к тому, что «Северный поток – 2» будет подвешен в воздухе на несколько месяцев, возможно, до конца следующего года. У Европейской комиссии сейчас нет права вето, но есть право согласования, которое позволяет затянуть процесс на долгий срок.

Какие еще есть расколы в Европе? Посмотрите на атомную энергетику. После энергетического кризиса 1970-х лидеры сказали, что нужно сделать ставку на атом. Сейчас президент Франции Э. Макрон заявил, что нужно переустановить курс на атомную энергетику. При этом есть Германия, которая категорически этого не хочет. Швеция – расколотое общество. Чехия – с Россией помогала по атому, но в данном случае на стороне Э. Макрона. Вот вам еще один раскол.

Раскол по поводу СВМ, по поводу природного налога Европейского союза. Далеко не все страны Европы

готовы к тем рискам, которые возникнут вследствие природного налога, потому что некоторые контрагенты ЕС могут ответить банальным ограничением импорта товаров из Европы. Китай может просто ограничить приток европейских товаров. Насколько относительно слабые страны ЕС смогут пережить этот ответный удар поставщиков?

На мой взгляд, это высвечивает логику, что, несмотря на попытку ЕС быть таким единым голосом с внешними контрагентами, включая Россию, они не могут этого сделать. Для России это даже выгодно, потому что можно вести более интересную игру со ставкой на одних контрагентов и минимизацией влияния других. Но это также и довольно рискованная игра. Наши попытки добиться реализации «Северного потока-2» путем отказа от поставок дополнительных объемов газа на спотовый рынок в долгосрочном плане теоретически могут помочь сторонникам максимизации ставки на зеленую энергетику и навязыванию этой линии всем странам Европейского союза, включая тех, кто против подобной политики.

Кстати, Сербия вслед за Венгрией сейчас одобряет деятельность «Газпрома». Президент Александр Вучич рассказывает, что ведутся переговоры с «Газпромом». На 2022 год цена будет примерно 400 долл. за 1 тыс. куб. м. С учетом биржевых цен это для Сербии крайне выгодно. Если она все-таки дойдет по своему пути интеграции в ЕС, будут ли ей навязывать единые закупки, которые для Сербии окажутся невыгодными? Вот интрига на перспективу.

Мне нравится фраза корреспондента агентства Bloomberg по энергетике Хавьера Блассо, что когда мы с вами говорим про спекулянтов, которые торгуют фьючерсами, там вообще границ нет. Это просто цифры, оторванные от реальности. Физически газ по таким ценам никто особо не покупает. Кто будет покупать газ по 1900 долл. за 1 тыс. куб. м? Это спекулятивная

игра. Есть более объективные факторы, которые дальше привели к возможностям для этих спекулянтов. А кто дал такую возможность спекулянтам? Сама евробюрократия, которая приняла решение о переходе на биржевое ценообразование. Это был их собственный выбор. Поэтому дальше оно может идти в самые разные стороны, пока не начнет страдать потребление, пока эти высокие цены не убьют потребление. Уже начали останавливаться заводы азотных удобрений, сталелитейные и металлургические заводы. А общество должно нести ущерб от того, что не работают предприятия, по цепочке тянут остановку других предприятий. Нет рабочих мест, зарплат и т.д. Высокие цены будут убивать потребление, а затем экономику. Это надо смотреть через призму известной модели «игры в труса», кто кого больше пугает. Нас будут пугать тем, что мы подтолкнем Европу к тому, чтобы закрыть газовую тему. Но они сами должны пугаться того, что они не стратегически, а прямо здесь проиграют общественному мнению, которое будет тоже спрашивать у политиков: а как вы довели ситуацию до того, что у нас останавливаются предприятия?

Общественное мнение уже меняется. Посмотрите на митинги в Испании по поводу роста цен на коммуналку и в других странах. Митинги «желтых жилетов» во Франции были связаны с ростом цен на бензин. Здесь некого винить.

Очень много вопросов. Речь идет только о двух странах, несмотря на то что у пяти стран Центральной Азии есть различные запасы урана и возможности развивать экономику. Это Казахстан и Узбекистан. Экономики других стран или слишком малы, или подходят только под одну отрасль. Буду говорить в большей степени об Узбекистане и Казахстане. Опять-таки, даже у этих двух стран абсолютно разные возможности. Казахстан – крупнейший производитель, он имеет крупнейшие запасы (1–2 место в мире по этим показателям). Но у

Казахстана есть такой интересный момент. Во-первых, практически все предприятия по добыче урана – совместные. Самая большая доля – это Россия (почти 39%). Но при этом у Казахстана осталась часть цикла. Они предполагали, что они будут иметь долю в производстве ТВЭЛов. К этому все шло. Было два совместных предприятия (в каждом по 50%). Но на сегодняшний день из одного предприятия они практически вышли, продали 49% дочернему предприятию Государственной корпорации «Ростатом». Оставили 1% на всякий случай.

Почему они это сделали? С ними стали работать китайцы. И на базе своего Любимовского комбината они производят перегородки из казахстанского урана по китайской технологии, те же самые ТВЭЛы, только для формата китайских атомных станций. Решили, что у них будет собственный полный цикл. По этому поводу вопрос и с АЭС на территории Казахстана достаточно серьезно изменился.

С Узбекистаном другая ситуация: меньше природного урана (по запасам всего 5-11 место в мире). Но при этом все равно большая доля в мировой добыче. Здесь уран добывает только национальная компания, а в Узбекистане достаточно сильная власть. И здесь речь больше идет о развитии промышленности и о том, что Узбекистан предполагает экспортировать электроэнергию. Это очень важный момент. Экспортировать в Афганистан, Туркменистан, возможно, в Пакистан. Абсолютно согласен с вами, в программе четко прописано, что атомная энергетика будет занимать чуть больше 10% в энергетическом балансе страны. Будет возобновляемая электроэнергетика, за счет сокращения тепловых электростанций. В Узбекистане есть вообще другая программа – развития газохимии. В 2021 году он впервые стала закупать газ у России для того, чтобы развивать свою газохимию. Здесь абсолютно другой посыл. И очень важно:

- а) развитие промышленности,
- б) развитие электроэнергетики как одного из важнейших экспортных продуктов для страны.

Узбекистан в советское время не участвовал в общем цикле. Соответственно, в отличие от Казахстана, он продает только чистый уран и в три страны. Если до 2007 года это были только США, то с 2007 еще есть японская и китайская компании.

Для примера приведу киргизскую атомную промышленность. Узбекистан добыл в этом году 3,5 тонны. Самое крупное месторождение – это большая часть запасов. Для Киргизии – это большое месторождение, но при этом оно не сопоставимо ни с узбекскими, ни тем более, с казахскими возможностями. Здесь речь идет о слабом государстве, постоянном переделе собственности. Производство было закрыто, а сейчас снова появляется обсуждение законопроекта по вопросам недропользования, который связан именно с атомной энергетикой. Это политика и передел собственности.

Общая проблема для всех государств ЦА – это хвостохранилища. Сейчас их стали по-другому называть, но при этом с 2015 года существует общий проект под руководством Европейского банка реконструкции и развития. И здесь речь идет о том, и это самая большая проблема, что уран может пойти в подземные воды. Время уже прошло, уже нужно строить новые саркофаги, а иначе это все уйдет в воду, а, соответственно, не будет ни сельского хозяйства, ни питьевой воды. Поэтому МАГАТЭ этим так серьезно занимается. В сентябре 2021 года на сессии агентства была принята новая программа, пересмотрен стратегический мастер-план, по которому эти вопросы должны быть решены. Но это очень важный вопрос на сегодняшний день и с точки зрения экологии, и с точки зрения экономики как минимум для трех государств Ферганской долины.

Еще одна проблема – это АЭС. Да, подписали соглашение, Узбекистан четко определился, что это будет

российская станция, потому что французы и китайцы тоже имеют энергоблоки поколения 3+. Но в отличие от французов, и во многом от китайцев, речь идет о полном обеспечении, не только о строительстве, но и о специалистах, помощь в юридическом сопровождении, потому что должно быть специальное законодательство. Причем оно должно быть не только связанное с энергетическими вопросами, но и налоговыми вопросами, административным управлением и т.д. Узбекистан, который понимает, что он хочет идти вперед, что он хочет вырваться в экономические лидеры и вообще в лидеры в регионе, этим всем занимается. Для этого есть политическая воля. Сейчас идет обсуждение того, как будет это осуществляться. И я предполагаю, что поскольку уже анонсирован официальный визит Президента Узбекистана Шавката Мирзеева в ноябре в Москву, скорее всего, в ходе этого визита это соглашение будет подписано. Хотя точно так же, как в Казахстане, есть противники. Больше всего работают на тему экологии западные фонды, вопрос опять-таки в том, насколько государство более четко артикулирует свою позицию в этом вопросе.

Несколько раз даже первый Президент Нурсултан Назарбаев говорил, что нужна атомная станция. Несколько раз уже говорил ныне действующий президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев. Последний раз месяц назад, потому что специалистами уже просчитано, что к 2030 году в Южном Казахстане будут очень большие проблемы с нехваткой энергии. Кроме того, Казахстан подписал документы об углеродном нейтралитете. То есть, речь идет о декарбонизации, соответственно, Казахстан уже официально вступил во все международные соглашения, по которым эта декарбонизация будет осуществляться. Как минимум в энергетике. Мы видим на примере Европы, что когда нет альтернативы, или когда альтернатива представлена только возобновляемыми источниками энергии,

то приходится закрывать предприятия. Иногда начинают спорить о том, зачем нам ради одной атомной станции создавать целую отрасль, зачем нам открывать факультеты и готовить специалистов по атомной энергетике только под одну станцию. Здесь полный непрофессионализм. У Узбекистана такого вопроса даже не возникло, он уже открыл филиал МИФИ в Ташкенте, и до этого первая партия студентов начала учиться в Москве в МИФИ. Опять-таки повторимся: не потребляется кислород, на производстве не вырабатывается углекислый газ. Атомные станции – это одни из самых экологически чистых источников энергии. Да, бывают всякие случаи, бывают аварии на атомных станциях, но здесь очень многое зависит от того, как эти станции эксплуатируются. Поэтому, с моей точки зрения, в Казахстане такое шатание и брожение, скорее, в большей степени не из соображений экономики, даже не из общественного мнения, потому что те люди, которые занимаются производством, понимают, что без электроэнергии нельзя, а других вариантов нет. И это было бы очень хорошим подспорьем, поэтому здесь во многом это зависит от позиции даже не политических элит, а все-таки властей стран.

«Росатом» на сегодняшний день – это компания, у которой больше всего контрактов по производству и строительству атомных станций за рубежом. Их не так много в мире. Чем больше ты что-то делаешь, чем больше ты практикуешь, тем более качественный может быть итог. Поэтому каждый принимает решение сам, «Росатом» достаточно серьезно занимается этими вопросами, причем очень многие регионы, в которых он строит объекты, являются сейсмоопасными. Но и Турция, и Иран, и Индия тоже достаточно опасные с этой точки зрения, но, насколько я знаю, японцы тоже рассматривают варианты сотрудничества с «Росатомом» после аварии АЭС в Фукусиме. Есть и другие производители, конкуренция в этой области существует.

М.С. Сапронова,

профессор кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД России,
доктор исторических наук, профессор
(Россия)

Новая роль постконфликтной Сирии в региональных отношениях и сфере энергетики

Энергетика – одна из самых политизированных отраслей экономики. В данный момент к Сирии это относится в первую очередь. Здесь можно даже поставить знак равенства. Энергетика – это та же политика, это продолжение вооруженного конфликта, только уже в новой геополитической ситуации. Это новая геополитическая ситуация. Эта борьба, которая сейчас складывается за ресурсы и логистику в Сирии, и она будет не менее сложной, чем вооруженная фаза конфликта, а, может быть, и гораздо более сложной с учетом складывающегося узла противоречий.

Первая проблема заключается в том, что сама экономика Сирии продолжает находиться в достаточно трудной ситуации. Продолжают сохраняться все кризисные явления, связанные и с сельским хозяйством, и с деятельностью не до конца подавленных террористических группировок и т.д. По очень приблизительным подсчетам самого сирийского правительства, восстановление разрушенной инфраструктуры будет обходиться примерно в 200 млрд. долл.

Что касается нефти и нефтяных ресурсов, то Сирия в этом плане, по сравнению со своими соседями, не очень богатая страна. Общий запас нефти составляет

примерно 2,5–3 млрд. барр., причем почти 80% этих запасов находятся на северо-востоке Сирии. Большая часть потребностей страны в углеводородах с 2017 года и до недавнего времени обеспечивал Иран, иначе страна столкнулась бы с полным экономическим крахом. Но в период, когда основные нефтяные районы находились под контролем террористических группировок, большинство трубопроводов были разрушены. А в 2019 году с поставками нефти начались перебои, потому что вступили в силу новые антиамериканские санкции.

Существует много экономических проблем, но вопрос еще заключается в том, что Соединенные Штаты, которые вроде заявили о том, что они уходят из Сирии, продолжают оставаться в нефтяных районах, одновременно планируя увеличить численность своей военной миссии, якобы для обеспечения безопасности нефтегазовых ресурсов. Естественно, здесь создается опасность, заключающаяся в том, что они могут оставить этот район под своим контролем. Соответственно, будут создавать определенного рода трудности для сирийского правительства по доступу к энергоресурсам. В конце 2019 года президент Сирии Башар Асад издал специальный указ о бомбардировках караванов грузовиков с так называемой украденной нефтью из нефтехранилищ на территориях, контролируемых курдскими Демократическими силами Сирии, продемонстрировав таким образом, что с этой нефтяной контрабандой будет вестись борьба.

Очевидно, что восстановление сирийской экономики будет осуществляться при российском лидерстве, но понятно, что России в одиночку делать все это будет проблематично. И в этой связи сама Сирия прекрасно это понимает и в настоящее время идет некий новый механизм встраивания в новую геополитическую и экономическую ситуацию и расширения своих связей и возможностей. Начиная с 2015 года сирийское руководство неоднократно делало заявления о своем ярком

желании войти в зону свободной торговли с ЕАЭС. Об этом говорил министр энергетики и торговли, а премьер-министр республики неоднократно подчеркивал, что это позволило бы облегчить экономические и торговые взаимодействия с дружественными странами – государствами ЕАЭС, Китаем и т.д., которые предоставляют непрямую помощь, открывая свои рынки как источники товаров, очень необходимых для сирийской экономики.

С одной стороны, у Сирийской Арабской Республики (САР) и слабая экономика. С другой стороны, основная задача восстановления этой экономики ложится на САР. И с третьей стороны сама республика прекрасно это понимая, ищет некие формы взаимодействия. В настоящее время уже понятно, что САР хочет стать достаточно важным транспортно-логистическим узлом. С учетом складывающейся ситуации это вполне понятно. Но это желание наталкивается на многочисленные взаимоисключающие интересы. Это интересы и политические, и экономические. Очевидно, что таким же мощным транспортно-логистическим и инфраструктурным хабом, через который пойдут торгово-экономические пути, стремится стать Турция. Последняя реализует разные проекты, продвигаясь на энергетические рынки. В этой связи возрастает роль Ливии, где сейчас складывается очень сложная ситуация: после убийства в 2011 году Муаммара Каддафи страна расколота на два лагеря. Турция поддерживает Фаиза Сараджи, в то время как Россия делает ставку на маршала Халифа Хафтара. Здесь тоже есть свои экономические интересы.

Иран выступает уже в качестве не просто регионального, но и лидера глобального масштаба, потому что в сфере энергетики он по-прежнему заинтересован в расширении своего участия в добыче и транспортировке нефти и газа, выводе иранского газа на европейские и азиатские рынки, превращении страны в региональ-

ный транзитный узел. Очень большие интересы Ирана сосредоточены в Сирии, с которой уже подписано соглашение в нефтегазовой сфере на сумму порядка 4 млрд. долл. и других областях (здравоохранение, социальная сфера). То есть, Иран стремится получить еще больше инвестиционных контрактов в области энергетики САР, но при этом сталкивается с присутствием американцев в восточных районах Сирии. С другой стороны – в Израиле растет беспокойство усиливающимся военным присутствием Российской Федерации в регионе. Речь идет исключительно о прагматическом расчете руководства Израиля, задача которого – обеспечить кольцо стабильности военно-политического, торгово-экономического и энергетического партнерства.

Закрепление Ирана на территории Сирии и, соответственно, возможное сотрудничество и укрепление сотрудничества России с Ираном является абсолютной угрозой для безопасности Израиля. И, как открыто заявил министр иностранных дел Израиля, они не могут допустить такого развития событий. Сам Израиль тоже претендует на то, чтобы стать центром морских и сухопутных перевозок, в связи с чем в стране модернизируются старые и строятся новые порты, разработан проект скоростной железной дороги. Но этому препятствует противоречие с другими арабскими странами, и, прежде всего, крайне нестабильная политическая ситуация в соседнем Ливане.

Одновременно Египет начинает играть более активную роль в сирийском кризисе, особенно в настоящее время. С самого начала президентства Абдул-Фаттах Ас-Сиси публично заявлял, что Каир не поддерживает сирийскую революцию, что он всегда будет за режим Б. Асада. Кроме того, выстраивались отношения в области безопасности и взаимодействия между вооруженными силами, которые сейчас тоже усиливаются.

Про Китай идет отдельный большой разговор, потому что среди всех ближневосточных партнеров КНР

Сирия занимает сейчас особое место, и сотрудничество с этой страной является важным подспорьем для решения широкого комплекса самых разных стратегических задач, которые стоят перед Китаем и в сфере энергетики, и в сфере продвижения на арабские рынки.

Таким образом, получается, что вокруг Сирии, которая пытается выбраться из пут разрушенной экономики и как-то идентифицировать себя в новом широком геополитическом евразийском пространстве, складывается целый комплекс самых разных противоречий. В том числе как должно выстраиваться российско-сирийское сотрудничество, как должно выстраиваться сотрудничество РФ с разными другими государствами региона.

Есть такая точка зрения, которая заключается в том, что должны создаваться некие международные институты, учрежденные на понимании того, что национальный интерес в экономической, энергетической сфере отдельной страны не может рассматриваться в отрыве от интересов других стран. Совершенно очевидно, что сделать это невозможно. Поэтому, и сейчас динамика взаимоотношений в экономике и энергетике вокруг Сирии складывается таким образом, что государства пойдут по пути создания нелинейных краткосрочных экономических тактических союзов для решения каких-то конкретных экономических задач. Тем более, что в политическом плане такого рода союзы в отношении Сирии отработаны (астанинский формат). Здесь можно вспомнить выступление нашего коллеги из Индии на пленарном заседании, который употребил применительно к евразийскому пространству такой специфический термин, который перевели как создание субрегиональных мелких механизмов, которые будут решать какие-то задачи внутри себя, но при этом будут создавать сеть взаимодействия друг с другом. Потому что по-другому пока нельзя, слишком разнонаправленные интересы в политике, экономике и т.д.

Тезис о создании неких устойчивых инструментов опирается на возможность интеграционных длительных устойчивых связей. Это очень сложная проблема, но если отвечать на нее однозначно, то я бы сказала, что арабский мир в принципе не знает устойчивых интеграционных проектов. Даже несмотря на те исторические моменты, которые должны были способствовать тому, чтобы арабский мир интегрировался в плане политики, экономики – мусульманская цивилизация – подавляющее большинство мусульман являются суннитами, арабский язык, один регион, одни цели и т.д. Устойчивые региональные структуры и региональные связи – это все-таки не базис арабского мира, он к этому не привык. Поэтому применять их в сложной геополитической и экономической ситуации мне кажется нецелесообразным, потому что к такого рода структурам общество должно привыкнуть. Должно уметь в них развиваться, взаимодействовать. Арабский мир к этому не привык, он не знает интеграционных проектов. Поэтому, скорее всего, это некие подвижные тактические нелинейные связи для разрешения в том числе энергетических кризисов, которые будут возникать на территории Сирии.

А. Сторожев,

сотрудник Департамента политологии и массовых коммуникаций
Финансового университета при Правительстве РФ
(Россия)

Оценка рисков и возможностей, возникающих при создании общего рынка нефти и нефтепродуктов в странах ЕАЭС

Как мы все знаем, с формированием ЕАЭС у нас возросла взаимная торговля между странами, входящими в Союз. Так, с 2015 по 2020 годы она выросла на 20%. Однако, несмотря на снижение пошлин и снятие многих тарифных ограничений, нефть и нефтепродукты по-прежнему играют важную роль в торговле между этими странами. Сейчас у нас это 10%, а для Беларуси, к примеру, это 25%. Значимость сектора для участников Союза привели к ситуации, при которой эти товары, нефть и нефтепродукты, были выведены из-под общего регулирования стран ЕАЭС. Общие рынки энергоресурсов, в том числе нефти и нефтепродуктов, могут быть запущены в ЕАЭС с 1 января 2025 года.

Эта программа, разработанная Евразийской экономической комиссией, включает три этапа. Первый этап подразумевает создание организационной и методической основы для формирования общих рынков. Второй этап – подготовку и согласование проекта международного договора. А третий этап – вступление в силу этого договора. Вчера был подписан документ о переходе ко второму этапу создания общих рынков. Этот переход

предполагает подготовку до 2023 года проектов правил торговли и биржевых торгов нефтепродуктов, а к 2024 году будет разработан международный договор формирования общих рынков.

Сейчас в рамках ЕАЭС предусмотрена беспошлинная поставка нефти и нефтепродуктов из России в рамках индикативных балансов, ежегодно подписываемых между странами. Ежегодные объемы поставок беспошлинной нефти из России составляют 18 млн. тонн, а нефтепродуктов – 3–4 млн. тонн в год. Это приводит к недополучению российским бюджетом до 1–2 млрд. долл. в год, но обеспечивает более низкие цены для других стран – членов Союза. А наибольший объем нефтепродуктов из России получают Киргизия и Казахстан, поставки в Армению и Белоруссию незначительны. Для Белоруссии причиной является то, что она сама является крупным производителем нефтепродуктов, а для Армении – малый размер рынка, а также увеличение их поставок из Ирана. Также беспошлинные поставки распространяются не только на страны ЕАЭС, но и на Абхазию и Южную Осетию.

В настоящее время поставки нефти в основном осуществляются из России в Белоруссию. Поставки в Киргизию составляют лишь 50 тонн. Именно Белоруссии Россия предоставляет наибольшие преференции во взаимной торговле. Из-за поставленной в Беларусь беспошлинной нефти Россия в 2020 году потеряла порядка 678 млн. долл., что сравнимо с бюджетом некоторых регионов, например, Смоленской и Псковской областей.

Однако модель, основанная на энергетических субсидиях, в скором времени может прекратить свое существование. Это связано с так называемым налоговым маневром, то есть, с отказом от экспортной пошлины и пропорциональному повышению НДС. Станет ли это большой проблемой для стран ЕАЭС? Для большинства из них нет, ведь это приведет к увеличению стоимости

импорта на 30-50 млн. долл. Исключением станет Белоруссия, для которой это может оказать серьезное влияние на ее экономику. Однако, по словам белорусского правительства, для нее это также не станет серьезным испытанием, так как в настоящее время происходит модернизация НПЗ, и они станут конкурентоспособными на мировом рынке, и даже с увеличением цены поставок для них ничего не изменится.

Отдельно хотелось бы подчеркнуть, что общий рынок не означает одинаковых цен для всех стран союза. Этого сейчас нет на региональном уровне внутри отдельных стран, в России стоимость топлива в Поволжье и на Дальнем Востоке отличается на 15–20%. Это особенность не только нефтепродуктов, различия есть на рынке других товаров. Однако, либерализация конкуренции может создать давление на цены, обеспечивая их снижение, а не рост. Именно это стимулирование конкуренции и обеспечение свободного доступа на рынок игроков из других стран должно быть основным уведомлением для Евразийской экономической комиссии.

ПРИЛОЖЕНИЯ

**Международная научно-практическая конференция
«Евразийские интеграционные проекты:
вызовы и перспективы»**

(в рамках XIII Конвента Российская ассоциация
международных исследований (РАМИ)
15 октября 2021 г.

ПРОГРАММА

Место проведения: г. Москва, пр. Вернадского д. 76, корпус В, зал 9 (пленарное заседание, секция по безопасности) и аудитория 4154 (секция по экономике и энергетике) главного корпуса Московского государственного института (Университета) международных отношений (МГИМО) МИД России.

- 08:00-09:00**   **Трансфер иностранных экспертов из отеля «Президент-Отель».**
- 09:00-10:00**   **Регистрация участников.**
- 10:00-10:15**   **Вступительное слово:**
Затулин Константин Федорович,
первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы ФС РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, руководитель Института стран СНГ (Россия).
- 10:15-10:35**   **Приветствия.**

Представитель МГИМО (У) МИД России.
Черницын Федор Валентинович, заместитель
руководителя секретариата заместителя
Председателя Правительства Российской
Федерации А.Л. Оверчука.

Карслиева Виктория Георгиевна, заместитель
исполнительного директора Фонда
поддержки публичной дипломатии им. А.М.
Горчакова (Россия).

10:35-12:00

**Пленарное заседание.
Открытие конференции.**

Модератор – Затулин Константин Федорович,
первый заместитель председателя Комитета
Государственной Думы ФС РФ по делам
СНГ, евразийской интеграции и связям с
соотечественниками, руководитель Института
стран СНГ (Россия).

Лузянин Сергей Геннадьевич – профессор
МГИМО (У) МИД России, профессор
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ), член Российского совета по
международным делам, президент Фонда
поддержки востоковедческих исследований
(Россия).
«ЕАЭС – Один Пояс и Один Путь: евразийские
интеграционные измерения. Возможности,
препятствия и перспективы»

Андропова Инна Витальевна – заведующая кафедрой «Международных экономических отношений» РУДН, профессор, доктор экономических наук, (Россия).
«Экономическая безопасность стран ЕАЭС»

Саджджанхар Ашок – президент Института глобальных исследований, Чрезвычайный и Полномочный Посол (Индия).
«Проекты евразийской интеграции: вызовы и возможности»

Жарихин Владимир Леонидович – заместитель директора Института стран СНГ (Россия).
«О новых интеграционных инициативах России и Белоруссии»

Султанов Булат Клычбаевич – директор Исследовательского института международного и регионального сотрудничества Казахстанско-немецкого университета (Казахстан).
«Казахстан в ЕАЭС: сторонники и противники интеграции»

Алиреза Бикдели – старший эксперт Института политических и международных исследований (IPIS) МИД Ирана, посол (Иран).
«Перспективы положения Центральной Азии во внешней политике Исламской Республики Иран»

Ахметова Нурсулу Меирбековна – генеральный директор международной консультационной компании «FORESIGHT» (Киргизия).
«ЕАЭС и экономический прагматизм: поиск компромиссов»

Бурляй Ян Анастасьевич – заместитель председателя ассоциации российских дипломатов, Чрезвычайный и Полномочный Посол (Россия).
Тема выступления уточняется.

12:00-13:30

I секция. Военно-политическое взаимодействие на евразийском пространстве: вызовы и перспективы.

Модератор – Давтян Ваге – доктор политических наук, профессор Российско-Армянского университета, Президент Института энергетической безопасности (Армения).

Волхонский Борис Михайлович – доцент Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук (Россия).
«О перспективах взаимодействия России и Индии в процессах евразийской интеграции»

Искандаров Косимшо – главный ученый секретарь Академии наук Республики Таджикистан.
«Военно-политическое взаимодействие на евразийском пространстве в контексте прихода к власти талибов»

Сажин Владимир Игоревич – старший научный сотрудник сектора Ирана Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук (Россия).
«Проблемы безопасности на Южном Кавказе (на примере ирано-азербайджанских отношений)»

Полетаев Эдуард Эдуардович – руководитель дискуссионного клуба «Мир Евразии» (Казахстан).
«Афганский вызов для Казахстана: меры безопасности, сопряжение усилий и гуманитарная дипломатия»

Гаджиев Амур Гаджибабаевич – научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук (Россия).
«Тюркский совет во внешней политике Турции»

Федорова Ирина Евгеньевна – старший научный сотрудник сектора Ирана Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук (Россия).
«Иран и страны Южной Азии: возможности и перспективы сотрудничества»

Хас Керим – эксперт по евразийской политике, политолог (Турция).
«Евразийское направление внешней политики Турции: приоритеты, риски и перспективы»

Притчин Станислав Александрович – старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИМЭМО им Е.М. Примакова РАН, кандидат исторических наук (Россия).
«Перспективы российско-азербайджанского сотрудничества»

Дмитриева Марина Олеговна – старший преподаватель кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, кандидат политических наук (Россия).
«Россия и Центральная Азия: сотрудничество в эпоху перемен»

Жамбаева Ульяна Баировна – доцент «РЭУ имени Г.В. Плеханова» в Улан-Баторе, советник президента организации мира и дружбы Монголии, кандидат философских наук (Монголия).
«Стратегия экономического развития «Один пояс-один путь» в рамках взаимодействия стран АТР»

Дискуссия.

12:00-13:30   **II секция. ЕАЭС: актуальные тренды развития**

Модератор – Мигранян Аза Ашотовна, профессор, доктор экономических наук, заведующая отделом экономических исследований Института стран СНГ (Россия).
«Эффекты многоуровневой интеграции: риски регионализации евразийского пространства»

Рахимов Кубатбек Казыевич – экс-советник премьер-министра Киргизской республики, эксперт по экономике и транспорту (Киргизия).
«Разноскоростная интеграция в разных интеграционных объединениях. Сценарии развития евразийской интеграции в условиях выхода на плато»

Тавадян Ашот Агасиевич – заведующий кафедрой экономико-математических методов Армянского государственного экономического университета (АГЭУ), профессор, доктор экономических наук (Армения, online).
«Перспективы и резервы развития ЕАЭС»

Жильцов Сергей Сергеевич – заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, доктор политических наук (Россия).
«Развитие ЕАЭС в постковидный период: итоги и новые вызовы»

Ткаченко Марина Федоровна – проректор по науке Российской Таможенной Академии, профессор, доктор экономических наук (Россия, онлайн)
«Роль инструментов региональной экономической интеграции в преодолении последствий пандемии для государств – членов ЕАЭС»

Пылин Артем Геннадьевич – ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат экономических наук (Россия).
«Особенности восстановления экономик стран – участниц ЕАЭС в постковидный период»

Тавадян Агаси Ашотович – эксперт по статистике и моделированию Центра экономических исследований (Армения).
«Пути реализации роста товарооборота между членами-государствами ЕАЭС»

Алексеев Петр Викторович – ведущий научный сотрудник Финансовый университет при Правительстве РФ.
«Тенденции и перспективы обеспечения кибербезопасности в ЕАЭС»

Дунаева Елена Викторовна – старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук (Россия).
«Интересы России и Ирана в рамках ЕАЭС»

Олимов Музаффар Абдуваккосович
– директор Таджикского научно-исследовательского центра «Шарк», доктор исторических наук, профессор (Таджикистан).
«Таджикистан и интеграционные процессы в Евразии: проблемы и перспективы»

Дадабаева Зарина Абдурахмановна – ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, профессор РГТУ, доктор политических наук (Россия).
«30 лет суверенитета Республики Таджикистан, достижения, риски, потенциал экономического сотрудничества»

Харланов Алексей Сергеевич – профессор
Дипломатической академии МИД России,
доктор экономических наук (Россия).
«Единый энергетический рынок ЕАЭС, – пути
его создания в рамках «зеленой» глобальной
повестки»

Пищик Виктор Яковлевич – профессор
Финансового университета при Правительстве
РФ.
«Перспективы национальных валют и
коллективных денежных единиц в проведении
взаиморасчетов между странами ЕАЭС»

Борисова Ольга Александровна – ведущий
научный сотрудник отдела экономических
исследований Института стран СНГ,
редактор научно-аналитического журнала
«Геоэкономика энергетики» (Россия).
Тема выступления уточняется.

Вышегородцев Даниил Денисович –
научный сотрудник отдела экономических
исследований Института стран СНГ
«Северный поток – 2»: концептуальные
подходы исследований, риски и
национальные интересы стран проекта»

Кондратьева Наталия Борисовна –
ученый секретарь и руководитель Центра
экономической интеграции Института Европы
РАН (Россия).
«Цифровая повестка дня ЕАЭС: от понимания
феномена к действиям»

Дискуссия.

13:30-14:30   **Обед**

14:30-17:30   **I секция. Военно-политическое взаимодействие на евразийском пространстве: вызовы и перспективы.**

Модератор – Евсеев Владимир Валерьевич, заведующий отделом евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ, кандидат технических наук (Россия).

Акопов Григорий Леонидович – директор Ростовского филиала Московского государственного технического университета гражданской авиации, профессор, доктор политических наук (Россия).
«Интеллектуальный капитал в информационном социуме – базис евразийской интеграции»

Шапвалов Борис Андреевич – политолог-социолог, заместитель председателя Национального Координационного комитета «Победа» и Союза офицеров Республики Молдова, директор Учебно-производственного центра «Bat-intelect», Молдова, доктор философии, член-корреспондент Международной кадровой академии (Молдавия).
«Туманные перспективы российско-молдавских отношений в условиях политического дрейфа Республики Молдова в Европейский союз и НАТО»

Нессар Омар – старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук (Россия).
«Состояние и перспективы изменения ситуации в Афганистане при талибах»

Вали Кузегар Каледжи – старший научный сотрудник Центра стратегических исследований при Президенте Исламской Республики Иран, преподаватель кафедры исследований Центральной Азии и Кавказа Факультета юридических и политических наук Тегеранского университета, доктор наук (Иран, онлайн).
«Возможности и пределы деятельности Ирана в евразийских интеграционных проектах»

Кротков Владимир Олегович – профессор кафедры Международные отношения и геополитика транспорта Института международных транспортных коммуникаций РУТ (МИИТ), доктор политических наук (Россия).
«Политический транзит Афганистана: геополитические вызовы и энергетический фактор»

Надеин-Раевский Виктор Анатольевич – директор Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона, кандидат философских наук (Россия).
«Интеграционные проекты и перспективы военно-политической разрядки на Кавказе»

Сафаргалеев Ильдар Фаатович – заведующий отделом исламских исследований Института стран СНГ (Россия).

Тема выступления уточняется.

Белов Владимир Иванович – профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН, доктор исторических наук (Россия, онлайн).

«Стратегические вызовы безопасности Ирана на Ближнем и Среднем Востоке»

Арешев Андрей Григорьевич – эксперт аналитического центра «Фонд стратегической культуры» (Россия).

«Полноправное членство Ирана в ШОС и проблемы безопасности Центральной Азии»

Петросян Давид – независимый эксперт (Армения, онлайн).

«Об интересах и политике Великобритании на Южном Кавказе»

Хлюпин Виталий Николаевич – главный редактор портала «Центр Азия» (Россия).

«Талибан на дворе: новые вызовы и формы ЦА-интеграции»

Елфимов Вадим Алексеевич – доцент кафедры философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат исторических наук (Беларусь).

«Информационное и PR измерение евразийской интеграции: задачи момента»

Осинский Иван Иосифович – профессор кафедры философии Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, главный редактор журнала «Евразийство и мир», доктор философских наук (Россия).
«Китай и евразийское экономическое пространство»

Кислицына Наталия Феликсовна – доцент кафедры Международные отношения и геополитика транспорта Института международных транспортных коммуникаций РУТ (МИИТ), кандидат юридических наук (Россия).
«Меры нормативно-правового характера в борьбе с пандемией COVID-19 в рамках ЕАЭС»

Фролов Кирилл Александрович – заведующий отделом по связям с РПЦ Института стран СНГ (Россия).
«Когнитивные основы евразийской интеграции»

Дискуссия

14:30-17:30

II секция. Энергетическое сотрудничество стран СНГ: геополитика, новые рынки и национальные интересы

Модератор – Мигранян Аза Ашотовна, профессор, доктор экономических наук, заведующая отделом экономических исследований Института стран СНГ (Россия).

Давтян Ваге – доктор политических наук, профессор Российско-Армянского университета, Президент Института энергетической безопасности (Армения).
«Угрозы и вызовы энергетической безопасности Армении в условиях геополитических трансформаций на Южном Кавказе»

Нигматуллаева Гулчехра Нуруллаевна – координатор исследований Центра исследовательских инициатив «Ma'no», докторант кафедры «Экономика отраслей» Ташкентского государственного экономического университета, кандидат экономических наук (Узбекистан).
«Концептуальное развитие электрической энергии Республики Узбекистан: проблемы и перспективы»

Юшков Игорь Валерьевич – старший преподаватель Финансового университета при Правительстве РФ (Россия).
«Евразийская интеграция на фоне турбулентности мировых газовых рынков»

Митрахович Станислав Павлович – ведущий эксперт Фонда национальной энергетической безопасности (ФНЭБ), доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ.
«Российско-европейские отношения в контексте «Северного потока – 2»

Кузьмина Елена Михайловна – кандидат политических наук, заведующая сектором Белоруссии, Молдавии и Украины ИМЭМО РАН, кандидат политических наук (Россия).
«Развитие атомной энергетики в центральноазиатском регионе»

Сапронова Марина Анатольевна – профессор кафедры востоковедения МГИМО доктор исторических наук, профессор, профессор РАН (Россия).
«Новая роль постконфликтной Сирии в региональных отношениях и сфере энергетики»

Сторожев Андрей – сотрудник Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ.
«Оценка рисков и возможностей, возникающих при создании общего рынка нефти и нефтепродуктов в странах ЕАЭС»

Дискуссия

17:30-18:00   **Пленарное заседание. Закрытие конференции.**

Модератор – Затулин Константин Федорович, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы ФС РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, руководитель Института стран СНГ (Россия).

18:30-19:00   **Трансфер иностранных экспертов в отель «Президент-отель».**

**Список
участников международной
научно-практической конференции
«Евразийские интеграционные проекты:
вызовы и перспективы»**

(15 октября 2021 г.)

1. Аверин Валерий Иванович, сотрудник Института стран СНГ (Россия).

2. Акопов Григорий Леонидович, директор Ростовского филиала Московского государственного технического университета гражданской авиации, профессор, доктор политических наук (Россия).

3. Александров Дмитрий Александрович, ведущий научный сотрудник Центра проблем стран ближнего зарубежья Российского института стратегических исследований, кандидат исторических наук (Россия).

4. Алексеев Петр Викторович, научный сотрудник Финансового университета при Правительстве РФ.

5. Андронова Инна Витальевна, заведующая кафедрой «Международные экономические отношения» РУДН, профессор, доктор экономических наук (Россия).

6. Антипова Наталья Викторовна, и.о. директора Улан-Баторского филиала ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова» (Россия).

7. Арешев Андрей Григорьевич, эксперт аналитического центра «Фонд стратегической культуры» (Россия).

8. Артемьев Роман Николаевич, сотрудник Института стран СНГ (Россия).

9. Ахметова Нурсулу Меирбековна, генеральный директор Foresight International Consultants Team (Киргизия).

10. Балакин Вячеслав Иванович, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, кандидат юридических наук (Россия).

11. Балашов Алексей Игоревич, профессор Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук (Россия).

12. Безпалько Богдан Анатольевич, политолог, член Совета при Президенте РФ по международным отношениям (Россия).

13. Белов Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН (Россия).

14. Бикдели Алиреза, старший эксперт Института политических и международных исследований (IPIS) МИД Ирана, Чрезвычайный и Полномочный Посол (Иран).

15. Борисова Ольга Александровна, ведущий научный сотрудник отдела экономических исследований Института стран СНГ, редактор научно-аналитического журнала «Геоэкономика энергетики» (Россия).

16. Бочаров Иван Александрович, координатор-аналитик Российского совета по международным делам (Россия).

17. Бурляй Ян Анастасьевич, заместитель председателя ассоциации российских дипломатов, Чрезвычайный и Полномочный Посол (Россия).

18. Волхонский Борис Михайлович, доцент Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук (Россия).

19. Вышегородцев Даниил Денисович, научный сотрудник отдела экономических исследований Института стран СНГ (Россия).

20. Гаджиев Амур Гаджибабаевич, научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук (Россия).

21. Ганин Константин Сергеевич, пресс-секретарь Института стран СНГ (Россия).

22. Головина Екатерина Евгеньевна, аспирант Астраханского государственного университета (Россия).

23. Горбунов Алексей Анатольевич, сотрудник Института стран СНГ (Россия).

24. Грачев Андрей Михайлович, вице-президент по федеральным и региональным программам ПАО «ГМК «Норильский никель» (Россия).

25. Грозин Андрей Валентинович, заведующий отделом Казахстана и Средней Азии Института стран СНГ, кандидат исторических наук (Россия).

26. Гуцин Александр Владимирович, старший научный сотрудник Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ, эксперт РСМД (Россия).

27. Давлетов Ферузбек, сотрудник Центра экономических исследований и реформ при Администрации Президента Республики Узбекистан.

28. Давтян Ваге, профессор Российско-Армянского университета, президент Института энергетической безопасности доктор политических наук (Армения).

29. Дадабаева Зарина Абдурахмановна, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, профессор РГТУ, доктор политических наук (Россия).

30. Джирани Алиреза, посольства Исламской Республики Иран в РФ (Иран).

31. Дмитриева Марина Олеговна, старший преподаватель кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, кандидат политических наук (Россия).

32. Дубнов Аркадий Юрьевич, эксперт по проблемам Центральной Азии (Россия).

33. Дунаева Елена Викторовна, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук (Россия).

34. Дымова Ляна Ахмедовна – ведущий специалист Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова (Россия).

35. Егоров Владимир Георгиевич, заместитель директора Института стран СНГ, профессор, доктор исторических наук, доктор экономических наук (Россия).

36. Евсеев Владимир Валерьевич, заведующий отделом евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ, кандидат технических наук (Россия).

37. Елфимов Вадим Алексеевич, доцент кафедры философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат исторических наук (Беларусь).

38. Ельчинов Андрей Васильевич, сотрудник Института стран СНГ (Россия).

39. Жамбаева Ульяна Баировна, доцент Улан-Баторского филиала Управления высшего образования ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», советник президента Организации мира и дружбы Монголии, кандидат философских наук (Россия).

40. Жарихин Владимир Леонидович, заместитель директора Института стран СНГ (Россия).

41. Жильцов Сергей Сергеевич, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, доктор политических наук (Россия).

42. Журко Артем Михайлович, сотрудник Института стран СНГ (Россия).

43. Затулин Константин Федорович, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы ФС РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, руководитель Института стран СНГ (Россия).

44. Ипполитов Иван Владимирович, старший научный сотрудник Центра проблем стран ближнего зарубежья Российского института стратегических исследований, кандидат исторических наук (Россия).

45. Искандаров Косимшо – главный ученый секретарь Академии наук Республики Таджикистан.

46. Каледжи Вали Кузегар, старший научный сотрудник Центра стратегических исследований при Президенте Исламской Республики Иран, преподаватель кафедры исследований Центральной Азии и Кавказа Факультета юридических и политических наук Тегеранского университета, доктор наук (Иран).

47. Камали Мохаммад Махди, старший советник посольства Исламской Республики Иран в РФ (Иран).

48. Карачев Игорь Андреевич, доцент кафедры «Мировая экономика и статистика» Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, кандидат экономических наук (Россия).

49. Карслиева Виктория Георгиевна, заместитель исполнительного директора Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова (Россия).

50. Карусинов Алексей Павлович, помощник заместителя Председателя Правительства РФ Оверчука А.Л. (Россия).

51. Кислицына Наталия Феликсовна, доцент кафедры Международные отношения и геополитика транспорта Института международных транспортных коммуникаций РУТ (МИИТ), кандидат юридических наук (Россия).

52. Кондратьева Наталия Борисовна, ученый секретарь и руководитель Центра экономической интеграции Института Европы РАН (Россия).

53. Константинова Наталья Николаевна, сотрудник Института стран СНГ (Россия).

54. Кришталь Игорь Семенович, старший научный сотрудник отдела экономики, редактор сайта журнала «Геоэкономика энергетики», кандидат экономических наук (Россия).

55. Крамаренко Анастасия Сергеевна, старший научный сотрудник Института стран СНГ (Россия).

56. Кротков Владимир Олегович – профессор кафедры Международные отношения и геополитика транспорта Института международных транспортных коммуникаций РУТ (МИИТ), доктор политических наук (Россия).

57. Кузьмина Елена Михайловна, заведующая сектором Беларуси, Молдовы и Украины Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН, кандидат политических наук (Россия).

58. Лавренев Сергей Яковлевич, заведующий отделом Приднестровья и Молдовы Института стран СНГ, доктор политических наук (Россия).

59. Лебедев Дмитрий Евгеньевич, заведующий отделом компьютерных и Интернет-технологий Института стран СНГ (Россия).

60. Левшенков Владислав Борисович, независимый эксперт (Россия).

61. Лузянин Сергей Геннадьевич, профессор МГИМО (У) МИД РФ, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», член Российского совета по международным делам, президент Фонда поддержки востоковедческих исследований (Россия).

62. Манасерян Татул Норайрович, профессор Ереванского государственного университета, доктор экономических наук (Армения).

63. Мармуляк Елена Игоревна, независимый эксперт (Россия).

64. Матяш Александр Иванович, директор информационно-аналитического департамента Исполнительного комитета СНГ (Россия).

65. Мигранян Азгануш Ашотовна, заведующая отделом экономики Института стран СНГ, доктор экономических наук (Россия).

66. Митрахович Станислав Павлович, ведущий эксперт Фонда национальной энергетической безопасности (Россия).

67. Морозов Виталий Владимирович, доцент Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина (Россия).

68. Мусабекова Сандугаш, эксперт Центра исследования мировой экономики (Казахстан).

69. Муханов Вадим Михайлович, старший научный сотрудник, Центр проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД РФ.

70. Надеин-Раевский Виктор Анатольевич, директор Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона, кандидат философских наук (Россия).

71. Нессар Омар Мохаммад, директор изучения современного Афганистана (Россия).

72. Нигматуллаева Гулчехра Нуруллаевна, докторант кафедры «Экономика отраслей» Ташкентского государственного экономического университета, координатор исследований Центра исследовательских инициатив «Ma'no», кандидат экономических наук (Узбекистан).

73. Новиков Владимир Владимирович, заведующий отделом Кавказа Института стран СНГ, кандидат исторических наук (Россия).

74. Олимов Музаффар Абдуваккосович, директор Таджикского научно-исследовательского центра «Шарк», доктор исторических наук, профессор (Таджикистан).

75. Осинский Иван Иосифович, профессор Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, доктор философских наук (Россия).

76. Петросян Давид, независимый эксперт (Армения).

77. Пивоваренко Александр Александрович, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Россия).

78. Пищик Виктор Яковлевич, профессор Финансового университета при Правительстве РФ (Россия).

79. Полетаев Эдуард Эдуардович – руководитель дискуссионного клуба «Мир Евразии» (Казахстан).

80. Потапейко Павел Олегович, эксперт, кандидат исторических наук (Россия).

81. Притчин Станислав Александрович, старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИМЭМО им Е.М. Примакова РАН, кандидат исторических наук (Россия).

82. Пылин Артем Геннадьевич, заведующий сектором двусторонних отношений России и стран-соседей Института экономики РАН; доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат экономических наук (Россия).

83. Рахимов Кубатбек Казыевич, советник премьер-министра Киргизской республики, эксперт по экономике и транспорту (Киргизия).

84. Саджджанхар Ашок, президент Института глобальных исследований, Чрезвычайный и Полномочный Посол (Индия).

85. Сажин Владимир Игоревич, старший научный сотрудник сектора Ирана Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук, профессор (Россия).

86. Сакулин Сергей Вячеславович, сотрудник Института стран СНГ (Россия).

87. Сапир Елена Владимировна, профессор Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор экономических наук (Россия).

88. Сапронова Марина Анатольевна, профессор кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД России, профессор, доктор исторических наук (Россия).

89. Саркисян Сергей Лаврентьевич, независимый эксперт (Россия).

90. Сафаргалеев Ильдар Фаатович, заведующий отделом исламских исследований Института стран СНГ (Россия).

91. Сеферов Аким Керимович, аспирант государственного университета нефти и газа (Россия).

92. Скорилов Иван Иванович, руководитель пресс-службы Института стран СНГ (Россия).

93. Спиридонова Нина Арменовна, старший преподаватель кафедры Международные отношения и геополитика транспорта Института международных транспортных коммуникаций РУТ (МИИТ, Россия).

94. Сторожев Андрей, эксперт Института энергетики и финансов Финансового института при Правительстве РФ.

95. Султанов Булат Клычбаевич, директор Исследовательского института международного и регионального сотрудничества Казахстанско-немецкого университета (Казахстан).

96. Тавадян Агаси Ашотович, эксперт по статистике и моделированию Центра экономических исследований (Армения).

97. Тавадян Ашот Агасиевич, заведующий кафедрой экономико-математических методов Армянского государственного экономического университета, профессор, доктор экономических наук (Армения).

98. Тасиц Константин Игоревич, старший научный сотрудник Центра проблем стран ближнего зарубежья Российского института стратегических исследований, кандидат исторических наук (Россия).

99. Ткаченко Марина Федоровна, заведующая кафедрой международных экономических отношений Российской таможенной академии, доктор экономических наук, доцент (Россия).

100. Уголева Екатерина Ивановна, научный сотрудник Института стран СНГ (Россия).

101. Уралов Семен Сергеевич, политолог, шеф-редактор проекта «СОНАР-2050» (Белоруссия).

102. Фадеев Александр Владимирович, заведующий отделом Белоруссии Института стран СНГ, кандидат исторических наук (Россия).

103. Федорова Ирина Евгеньевна, старший научный сотрудник сектора Ирана Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук (Россия).

104. Фролов Кирилл Александрович, заведующий отделом по связям с РПЦ Института стран СНГ (Россия).

105. Харитоновна Дарья Викторовна, заместитель заведующего отделом евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ (Россия).

106. Харланов Алексей Сергеевич, доцент Дипломатическая академия МИД России.

107. Хас Керим, эксперт по евразийской политике, турецкий политолог (Турция).

108. Хегай Евгения Константиновна, управляющая делами Института стран СНГ (Россия).

109. Хлюпин Виталий Николаевич, главный редактор портала «Центр Азия» (Россия).

110. Черницын Федор Валентинович, заместитель руководителя секретариата заместителя Председателя Правительства Российской Федерации А.Л. Оверчука (Россия).

111. Чигарев Валентин Николаевич, доцент кафедры Международные отношения и геополитика транспорта Института международных транспортных коммуникаций РУТ (МИИТ), кандидат политических наук (Россия).

112. Шабан Ильхам, директор Центра нефтяных исследований Азербайджана.

113. Шагеев Валерий Александрович, член руководства Ассоциации российских дипломатов, член Совета ветеранов МИД России.

114. Шаповалов Борис Андреевич, политолог-социолог, заместитель председателя Национального Координационного комитета «Победа» и Союза офицеров Республики Молдова, директор Учебно-производственного центра «Bat-intelect», Молдова, доктор философии, член-корреспондент Международной кадровой академии (Молдавия).

115. Школин Роман Николаевич, председатель международного клуба «Евразийский выбор» (Россия).

116. Юшков Игорь Валерьевич, ведущий эксперт Фонда национальной энергетической безопасности (Россия).

Актуальные проблемы евразийской интеграции

Материалы

международной научно-практической конференции

«Евразийские интеграционные проекты:

вызовы и перспективы»

(Москва, 15 октября 2021 г.)

Редактор

В. Евсеев

Компьютерная верстка

Т. Каракозова

Институт диаспоры и интеграции

(Институт стран СНГ)

119180, Москва, ул. Б.Полянка, д. 7/10, стр. 3

(Старомонетный пер., 10)

Официальный Интернет-сайт Института стран СНГ: <http://materik.ru/>

Подписано в печать 25.09.2022

Формат 60×90/16

Печать офсетная. Бумага офсетная

Заказ № 19/Е

Отпечатано

в ООО «ПРИНТИКА»

109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 91, корп. 1,

пом. 11, к. 2, оф. 14–5

